

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР,
ПРОКУРАТУРЫ СССР И ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

31-й ГОД
ИЗДАНИЯ

№ 6
Прокуратура СССР

И Ю Н Ъ
1 9 5 4

БИБЛИОТЕКА
Инв. № 2051/н.
ВНИИ Криминалистики

ЗА ДАЛЬНЕЙШЕЕ УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ В СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. Волин

Председатель Верховного суда СССР

Советское правительство и Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза поставили задачу большого исторического значения: в два-три года достигнуть крутого подъема производства товаров народного потребления и продуктов сельского хозяйства и решительно повысить жизненный уровень советского народа. Эта задача могла быть поставлена и может быть осуществлена лишь в условиях социалистического общества, где производство непосредственно подчинено целям максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества.

В соответствии с решениями сентябрьского и февральско-мартовского Пленумов ЦК КПСС по всей стране как в промышленности, так и в сельском хозяйстве развернулась огромная организаторская работа партийных, советских и хозяйственных органов, направленная на практическое выполнение поставленной задачи.

Важные мероприятия проводят партия и правительство и в области укрепления государства и социалистической законности. Эти мероприятия еще более укрепляют морально-политическое единство всего советского народа и дружбу между народами Советского Союза, еще более укрепляют доверие советского народа к политике партии и правительства.

На всех этапах развития Советского государства наша Коммунистическая партия и правительство требовали строжайшего соблюдения законов.

Широко известны слова Ленина, обращенные им к рабочим и крестьянам: «...необходимо соблюдать строжайший революционный порядок, необходимо соблюдать свято законы и предписания Советской власти и следить за их исполнением всеми...»¹.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 514.

Велико значение этих слов и сегодня.

В речи на первой сессии Верховного Совета СССР четвертого созыва товарищ Г. М. Маленков сказал: «Центральный Комитет партии и Правительство требуют, чтобы все звенья советского государственного аппарата, все должностные лица осуществляли свою деятельность на основе строжайшего соблюдения законности, оберегали права советских людей. А те должностные лица, которые будут допускать произвол и беззакония в отношении советских граждан, и впредь будут строго наказываться, не взирая на лица и чины».

В связи с упрочением советского общества и государственного строя, повышением материального благосостояния и культурного уровня населения, роста его сознательности значительно укрепились социалистическая законность и социалистический правопорядок в стране.

Преступность в нашей стране последовательно из года в год сокращалась и сокращается в настоящее время, как чуждая по своей природе социалистическому обществу и выступающая лишь как наследие старого строя, как пережиток буржуазной идеологии в сознании людей, постоянно подогреваемый капиталистическим окружением.

Теперь в нашем государстве создаются возможности для еще более успешной борьбы за дальнейшее укрепление законности и социалистического правопорядка.

В Советском государстве создан социалистический базис. Ему соответствует и господствующая в нашем обществе социалистическая идеология, нерушимую основу которой составляет марксизм-ленинизм. Но у нас еще сохранились остатки буржуазной идеологии, пережитки частнособственнической психологии и морали. Эти пережитки не отмирают сами собою, они очень живучи, могут расти, и против них надо вести решительную борьбу.

Носители буржуазной идеологии и морали, различного рода отщепенцы и перерожденцы являются тем элементом, среди которого разведки империалистических государств вербуют себе агентов — вредителей, диверсантов, шпионов — и засылают их в Советский Союз для подрывной работы.

Пережитки буржуазной идеологии являются также источником нарушений социалистического правопорядка, в частности источником хищений социалистической собственности и личной собственности граждан, спекуляции, обмана потребителей и государства, источником нарушений государственной и трудовой дисциплины, нарушений прав граждан.

В борьбе с буржуазными пережитками Советское государство всегда использовало убеждение как основное и важнейшее средство воспитания граждан в духе социалистической дисциплины и советской морали. Но в борьбе с носителями опасных пережитков необходимо и применяемое по суду принуждение к дисциплине и правопорядку. Это принуждение и связанное с ним наказание должны применяться к преступникам, и прежде всего к представляющим особую или повышенную опасность для общества.

Вместе с тем на протяжении всей истории Советского государства, как неоднократно подчеркивали Ленин и Сталин, принуждение к дисциплине никогда не играло сколько-нибудь решающего значения, — оно всегда являлось лишь второстепенным элементом в управлении государством, и применение этого принуждения в связи с упрочением советского общества, повышением благосостояния и культурного уровня населения и ростом его сознательности все более и более сокращается.

Поэтому применение наказания по суду за малозначительные про-

ступки, лишь формально подпадающие под преступление, не должно иметь места в нашей судебной практике.

В Советском государстве суд не только карает за преступления, он вместе с тем и орган воспитания. Воздействуя на расхитителей, воров, спекулянтов, хулиганов и других опасных нарушителей социалистической законности и правопорядка, советское правосудие имеет своей целью также их исправление и перевоспитание.

Но воспитательное значение советского суда этим не исчерпывается.

Публичный разбор дела, выяснение всех отрицательных сторон в поведении нарушителя закона или в поведении неправой стороны в гражданском споре, выяснение антиобщественных мотивов, которыми руководствовался подсудимый при совершении общественно-опасного деяния, оказывают огромное воспитательное воздействие и на многих других граждан.

Эта сторона деятельности судебных органов еще не находится на должном идейно-политическом уровне. Иногда разбор дела не достигает задачи воспитания. Бывает нередко и так, что судебное рассмотрение того или иного дела оставляет лишь отрицательное впечатление у присутствующих на суде граждан.

Необходимо, чтобы рассмотрение дел происходило на высоком культурном и политическом уровне, в точном соответствии с принципами советской законности, строго объективно, со знанием дела, чтобы вскрывались конкретные причины, способствовавшие совершению преступления, из которых делались бы соответствующие выводы для улучшения деятельности по предупреждению преступлений.

На воспитательную сторону советского суда, как на одну из его основных задач, обратил внимание М. И. Калинин в своей речи, посвященной десятилетию Верховного суда СССР: «...Судья должен не только уметь правильно политически разобраться в данном конкретном деле, в обстановке, в которой это дело произошло, правильно оценить, распознать людей, участвовавших в этом деле, выявить все пружины каждого данного дела, его классовую подоплеку, сущность, но он должен еще кроме того суметь это сделать так убедительно, так по-казательно, чтобы не только он сам и народные заседатели, но и все присутствующие на суде разобрались бы в этом деле и поняли бы правильность вынесенного судом решения».

Конституция СССР и уголовно-процессуальный закон наделяют судью, прокурора, следователя большими правами в их деятельности по обнаружению преступлений и наказанию виновных.

Возбуждение против того или иного лица уголовного дела во многих случаях связано с применением к нему различного рода серьезных ограничений: предварительный арест, подписка о невыезде, арест имущества, в случае признания виновным по суду наказание. Учитывая это, Конституция СССР и закон устанавливают такие формы процессуальной деятельности следственных, прокурорских и судебных органов, а также наделяет обвиняемых такими правами, точное соблюдение которых охраняет подсудимого от необоснованного применения к нему мер пресечения или других ограничений и вместе с тем создает условия, необходимые для установления истины по делу.

Строгое соблюдение процессуального закона является необходимым условием правильного отправления правосудия. Ни один работник следствия, прокуратуры и суда, как бы должностное положение он ни занимал, не может иметь прав больше, чем ему положено по закону. Поэтому всякое превышение ими своих процессуальных прав является злоупотреблением своим служебным положением и может

рассматриваться как должностной проступок, а в иных случаях и как преступление, смотря по обстоятельствам.

Советская процессуальная система разбирательства как гражданских, так и уголовных дел является самой демократической системой в мире, соответствующей социалистическому содержанию советского правосудия, отвечающей тем высоким принципам, на которых основан советский суд.

В буржуазных странах, особенно в США, уголовный процесс фашизируется быстрыми темпами: резко сужаются права подсудимого, в частности, право на защиту; устраняются гарантии прав подсудимого; ликвидируются такие принципы уголовного права и процесса, как вина в качестве условия уголовной ответственности, презумпция невиновности и пр.

В Советском государстве демократические принципы советского гражданского и уголовного процессов получают дальнейшее развитие.

Однако фактов нарушения процессуального закона еще немало. Не все еще работники следствия, прокуратуры и суда извлекли должные выводы из указаний партии и правительства, не все прониклись сознанием необходимости строжайшего соблюдения всех, без малейшего исключения, требований процессуального закона.

Нарушения процессуального закона допускаются в различных формах. Серьезное нарушение — ведение предварительного и судебного следствия с обвинительным уклоном, что ведет в ряде случаев к необоснованному избранию мер пресечения в виде ареста, к необоснованному преданию суду и осуждению граждан, к возвращению дел для дополнительного расследования, к отмене приговора и пр.

Отмечаются такие нарушения прав на защиту, как несвоевременное вручение подсудимому обвинительного заключения или вручение его на языке, которым не владеет подсудимый, как предъявление материалов следствия или ведения процесса на малопонятном подсудимому языке, без переводчика и т. д.

Имеют место и другие формы нарушения, ограничивающие в той или иной мере право на защиту: вынужденный отказ подсудимого от защитника; защита одним адвокатом нескольких обвиняемых, интересы которых в процессе противоречивы; участие обвинителя в процессе в отсутствие адвоката при формальном согласии подсудимого, даваемого в целях ускорения суда, и пр. Нередко нарушаются принципы публичности и гласности судебного процесса, особенно в заседаниях кассационных инстанций.

Серьезным недостатком является нарушение законных сроков расследования преступлений. Обычно суды слабо реагируют на это нарушение, хотя известно, что по делам, находившимся в расследовании длительное время, установление истины в судебном процессе весьма затруднительно, а часто и невозможно. Здесь безошибочно можно сказать: чем больше времени прошло от преступного события до судебного процесса, тем меньше возможности получить доказательства по делу, тем менее ясны обстоятельства, при которых совершено преступление. Медлительность расследования — один из серьезнейших недостатков следственной работы.

Существенным нарушением процессуального закона является слушание дела в суде в отсутствие неявившихся свидетелей, вызванных по делу, показания которых имели важное для дела значение.

Чем руководствовался, например, народный суд 1-го участка г. Поти (народный судья т. Одишария), который отказал подсудимому Аджиашвили в вызове в судебное заседание свидетелей только на том

оснований, что их «нет возможности вызвать на сегодняшнее заседание»?

Чем более культурен работник, чем более политически осознает он особую ответственность за свое дело, тем эффективнее результат его деятельности, тем менее ошибок допускает он в своей работе.

Повышение культуры судебного следствия является одним из важнейших моментов в дальнейшем улучшении правосудия.

Почти каждое судебное дело заключает в себе известные трудности для его разрешения. Они требуют от судей должной юридической и политической подготовки, жизненного опыта, выдержки и настойчивости в раскрытии истины.

Приходится отметить, что уровень судебных процессов, как и качество предварительного следствия, требует серьезного повышения.

Возвращение дел кассационными и надзорными инстанциями на новое рассмотрение для выяснения обстоятельств, оставшихся неясными, но имеющих важное значение, весьма значительно. Пожалуй, главным недостатком судебных процессов следует считать недостаточно глубокое и неумелое исследование доказательств, что часто не позволяет суду установить все те действительные обстоятельства, при которых было совершено преступление, и, следовательно, прийти к точным выводам о виновности подсудимого, об его роли в совершении преступления, о степени его вины, если преступление совершено в соучастии с другими лицами.

Ни одно доказательство суд не должен и не имеет права принимать на веру, без проверки. Некритическое отношение к материалам дела, к доказательствам лишает процесс его основного содержания—активной и строго объективной проверки всех доказательств по делу.

В судебном заседании суд обязан не только проверить, исследовать каждое доказательство в отдельности, но и сопоставить его с другими, чтобы выяснить, насколько каждое доказательство соответствует всем обстоятельствам дела в их совокупности. Только при таком подходе суд в состоянии дать правильную оценку доказательствам и сделать выводы, которые могут быть положены в основу приговора или решения.

Судебные работники должны научиться вести процесс со знанием дела, культурно, должны научиться анализировать и оценивать доказательства, соблюдать логику в выводах. Это требование культуры в судебной деятельности имеет исключительно важное значение для дальнейшего улучшения советского правосудия.

Советское процессуальное законодательство и практика считают, что важнейшим вопросом советской социалистической законности в уголовном процессе является правильное и объективное исследование вопроса о том, имело ли место самое событие, о характере преступного действия, которое вменено в вину подсудимому, об его общественной опасности и виновности в нем подсудимого. Нет сомнения, что многие судебные ошибки связаны с недостаточно глубоким пониманием некоторыми работниками содержания указанных вопросов и принципов их практического применения.

Прежде всего подлежит установлению, что действие, вмененное подсудимому как преступление, действительно имело место, что оно является по своему содержанию общественно-опасным для Советского государства или социалистического правопорядка, что за это действие

уголовным законом предусмотрена ответственность, как за противоправное, наказуемое.

Это — первое и важнейшее основание уголовной ответственности.

Критерием общественной опасности того или иного действия являются составы преступлений, которые предусмотрены Уголовным кодексом, а не субъективное представление следователя, прокурора, судьи об общественной опасности данного действия.

К сожалению, некоторые следователи, прокуроры и судьи в оценке действия того или иного лица, — т. е. в определении вопроса, заключает ли в себе рассматриваемое действие общественную опасность, вне которой нет и уголовной ответственности, — руководствуются не законом, а своим усмотрением. Это приводит к нарушению законности: к преступлениям относят проступки, не заключающие в себе общественной опасности или влекущие за собой лишь применение мер административного, дисциплинарного воздействия или материальную ответственность. Такие ошибки имеют место в особенности по делам о должностных проступках и упущениях, предусмотренных примечанием к ст. 112 УК, по делам о негрубых недостатках, где вред возмещается за счет материально-ответственного лица, и т. п.

Практика Верховного суда СССР показывает, что таких нарушений законности встречается немало. Объясняется это в основном неряшливым отношением следователей, прокуроров и судей к делу, а в ряде случаев и безответственным отношением их к советскому человеку, к его правам, что противно духу советского закона и недостойно советского работника. Однако во многом эти нарушения объясняются и слабой политической и юридической подготовкой некоторых судебных и прокурорских работников.

Имеют место и факты противоположного порядка, когда действие не рассматривается как преступление, хотя является по содержанию общественно-опасным и наказание за него предусмотрено Уголовным кодексом.

Отсюда следует сделать вывод, что следователь, прокурор, судья, разрешая вопрос о возбуждении уголовного преследования, предании суду или постановлении приговора, должны прежде всего убедиться в наличии общественной опасности в рассматриваемом действии, направленном против советского строя или нарушающем социалистический правопорядок, причем должны сделать это тщательно, с сознанием ответственности, чтобы определение общественной опасности действия не расходилось с законом.

Чем выше классовое самосознание работника, его идейно-политическое воспитание, тем выше и его социалистическое правосознание, тем, следовательно, более правильно будет оценено им рассматриваемое действие и принято правильное решение.

Таким образом, рассмотрение вопроса об общественной опасности конкретного действия, события является одним из важнейших моментов уголовного процесса: отсутствие общественной опасности в действиях исключает возбуждение дела, прекращает процесс в любой стадии, если он начался.

Важнейшей задачей суда является исследование доказательств, на которых построено обвинение, т. е. доказательств, обосновывающих вину подсудимого в предъявленном ему преступлении. Без наличия вины в действиях обвиняемого нет и преступления.

Если установлено, что общественно-опасное событие имело место, то суд обязан также установить, имеется ли причинная связь этого преступного события с действиями подсудимого. Если не будет уста-

новлено этой причинной связи, то нет оснований для ответственности, и подсудимый должен быть оправдан, как не совершивший поставленного ему в вину преступления. Исследование фактической стороны самого преступного события и тех обстоятельств, при которых оно совершено (место, время, способ, характер действия, последствий и т. д.), имеет исключительно важное значение.

Наряду с исследованием фактической стороны рассматриваемого преступления, для выводов суда о виновности не меньшее значение имеет исследование доказательств, связанных с установлением субъективной стороны этого преступления.

Должно быть выяснено: совершено ли общественно-опасное действие с умыслом, сознательно, т. е. ставил ли подсудимый себе целью нанести вред государству или лицу, желал ли он наступления этого последствия или причинил его неосторожно, вследствие грубой небрежности, или это общественно-опасное последствие причинено подсудимым по непредвиденным им обстоятельствам, которые он и не мог предвидеть. Должны быть также выяснены в суде содержание умысла и те побудительные мотивы, которые лежат в его основе. Тщательный разбор обстоятельств, связанных с субъективной стороной совершенного преступления, позволит суду определить более глубоко и полно общественно-политическое значение данного преступного события, личные качества подсудимого, условия, способствовавшие совершению преступления.

Таким образом, глубокое и терпеливое исследование в судебном процессе всех обстоятельств преступления как с фактической стороны, так и со стороны субъективной может дать в руки судье все те важнейшие положения, которые необходимы суду для оценки всех доказательств и решения главного вопроса — о виновности подсудимого.

Можно с уверенностью сказать, что если бы все суды тщательно и точно следовали требованиям процессуального и уголовного законов о тщательной проверке в судебном процессе всех доказательств по делу, судебные ошибки были бы крайне редки, чего еще нельзя сказать в настоящее время.

Одним из существенных вопросов, имеющих важное практическое значение для повышения законности в работе следственных и судебных органов, является правильное понимание и использование в конкретном деле отдельных видов доказательств. Практика показывает, что они нередко применяются не в соответствии с требованиями закона или крайне неумело. В практике, например, весьма часто встречаются такие доказательства, как признание обвиняемого в совершенном преступлении, опознание личности обвиняемого, экспертиза и пр. Это — очень важные доказательства, но пользуются ими не всегда правильно. В советском уголовно-процессуальном праве признание обвиняемым своей вины должно соответствовать другим обстоятельствам дела, объективным данным совершения преступления, а если оно единственное и противоречит другим данным, оно не может быть положено в основу приговора. Независимо от признания обвиняемого суд обязан удостовериться в том, что преступное событие, т. е. общественно-опасное действие, имело место, что оно совершено подсудимым, причем умышленно или неосторожно. Признание обвиняемым своей вины не освобождает суд от исследования всех обстоятельств дела во всех их подробностях. Только такой подход обеспечивает суд от ошибок в судебной работе.

Совершенно неправильно поступают некоторые судьи, когда, выслушав признание подсудимого, они фактически заканчивают на этом

судебный процесс. Немало встречается фактов, когда подсудимый, признав предъявленное ему обвинение, в кассационной жалобе отрицает его, что при отсутствии других доказательств ведет к отмене приговора.

Суд не должен ограничиться констатированием признания в общей форме, он обязан выслушать подробно подсудимого и уточнить, что конкретно он признает, и установить все обстоятельства совершения преступления, как их излагает подсудимый. Лишь при условии, если признание вины подсудимым полностью соответствует всем другим объективным данным, если оно выражено добровольно, без понуждения, если дано подсудимым не с целью скрыть другое, более тяжкое преступление или укрыть другое лицо, — суд может придать должное значение признанию подсудимого и учесть его в ряду других доказательств, имеющихся по делу и проверенных судом в судебном заседании.

В практике следствия часто применяется опознание личности. Однако практически опознание во многих случаях проводится крайне упрощенно и в нарушение элементарных требований закона, а иногда и просто недобросовестно. Упрощение заключается прежде всего в том, что потерпевшему или свидетелю не предлагается предварительно, до опознания, описывать приметы преступника, что им для опознания представляется лицо в единственном числе или в числе не больше двух человек, часто не подходящих по возрасту и даже разного пола.

Протоколы опознания личности не всегда составляются и тоже носят упрощенный характер. В судах это доказательство, являющееся по ряду дел решающим, не всегда проверяется должным образом и часто принимается некритически. Вследствие этого имеют место жалобы на неправильное производство опознания личности, которые во многих случаях оказываются справедливыми.

Так Мартыненко было предъявлено обвинение в том, что он, будучи участником бандитской шайки, совершил ограбление Выговского. Единственным доказательством, на котором было основано обвинение Мартыненко, было опознание его потерпевшим через три года после ограбления, причем потерпевший Выговский при опознании заявил: «Мартыненко имеет сходство, т. е. похож лицом, в особенности носом, на того бандита, который принимал участие в ограблении», но точно подтвердить, что Мартыненко принимал участие в ограблении его квартиры, Выговский не мог, ибо «бандит стоял около дверей, прикрывшись шинелью». В судебном же заседании после настойчивых вопросов суда Выговский заявил: «Я опознаю Мартыненко по лицу». Этого «опознания» оказалось достаточно, чтобы Житомирский областной суд (председательствующий т. Байталюк) признал Мартыненко виновным и приговорил его к двадцати годам заключения в исправительно-трудовом лагере (приговор по делу в дальнейшем отменен Верховным судом СССР).

Много ошибок допускается в пользовании актами экспертиз. Во многих случаях к заключениям экспертов суды относятся некритически, хотя по закону судья обязан исследовать все основные выводы экспертизы и вправе их отвергнуть, приведя соответствующие мотивы, если выводы экспертов недостаточно обоснованы или противоречат другим установленным фактам и доказательствам.

Часто экспертами назначаются несведущие лица или работники ведомства, заинтересованного в исходе дела. Иногда следователь навязывает

вает эксперту свою точку зрения. Как, например, понять действия следователя т. Филатова, который, назначив экспертизу в составе председателя колхоза и кладовщика для установления тождественности веревки, обнаруженной на шее удушенной К., с веревками, продававшимися в магазине районного потребительского союза, сам написал акт экспертизы и дал его подписать экспертам? Если эксперты по своей малограмотности не смогли написать акт экспертизы, то какие же это эксперты? А если могли, то законно ли поступил следователь, составив сам акт экспертизы? Какое доверие к этой, с позволения сказать, «экспертизе»? В некоторых случаях следственные органы назначают экспертами, особенно по графическим экспертизам, должностных лиц, работающих в этом же следственном органе, что надо признать совершенно незаконным.

Что касается судебно-бухгалтерских экспертиз, то их главный недостаток сводится к тому, что они ничем не отличаются от обычных ревизий. Их заключения не отвечают на многие вопросы, хотя на производство экспертиз затрачиваются огромные суммы, как, например, по делу Полещука, Бочарова и др. (Сталинская область, Украинской ССР) беспроблемно на бухгалтерские экспертизы затрачено свыше ста тысяч рублей.

Судебная экспертиза как одно из доказательств имеет исключительно важное значение. Чем конкретней определяется задача экспертизы, чем более сведущий эксперт назначается для ее проведения, чем выше критический разбор положений и выводов эксперта, производимый следователем или судом, тем большую ценность будет представлять она в числе других доказательств.

Недостаток культуры у некоторых следственных и судебных работников сказывается в неумелой проверке и использовании отдельных видов доказательств, в оценке доказательств не в их совокупности. Это приводит нередко к тому, что выводы суда по делу не соответствуют материалам дела и суд постановляет необоснованное решение. Например: «Хотя свидетели и не уличают Мишкина в совершении преступления, но суд убежден в том, что убийство кассира дело рук Мишкина», — так обосновал свой вывод, свое убеждение по делу народный суд 1-го участка Ямпольского района Сумской области (народный судья т. Варавка).

Вывод суда о виновности или невиновности не должен быть произвольным, интуитивным: убеждение суда должно основываться на материалах дела, должно быть логическим следствием анализа конкретных доказательств. Только такое убеждение судей может быть положено в основу приговора, чего и требует закон в ст. 319 УПК и соответствующих статьях УПК других союзных республик.

Необходимо обратить внимание и на то, чтобы разбор доказательств и весь судебный процесс происходили в спокойной обстановке, позволяющей вникнуть в исследуемые факты. Часто повышенное нервное поведение подсудимого, нежелание дать подробные объяснения, отрицание своей вины вызывают у некоторых судей и прокуроров раздражение, председательствующий или обвинитель теряет самообладание, начинает вести процесс необъективно, что не может способствовать познанию всех обстоятельств дела, следовательно, и вынесению правильного решения.

Одним из важнейших актов социалистической законности в осуществлении правосудия является определение наказания подсудимому в случае признания его по суду виновным в предъявленном ему обвинении.

В качестве общего руководящего принципа закон устанавливает, что суд определяет наказание в пределах санкции закона, исходя из общественной опасности совершенного преступления, обстоятельств дела и личности виновного. Это исключительно важное указание закона обязывает суд подходить к избранию меры наказания со всей тщательностью и вниманием.

Суд обязан определить степень вины подсудимого, особенно когда речь идет о преступлении, совершенном несколькими лицами, роль которых при ближайшем рассмотрении часто оказывается различной. Игнорирование этого требования ведет к непростительным ошибкам в назначении наказания. Ленин говорил о наказании «...смотря по степени вины» (Соч., т. 26, стр. 337).

Как индивидуальна вина подсудимого, так должно быть индивидуально и наказание, подлежащее применению в каждом отдельном случае. Всякий штамп, шаблон в назначении наказания недопустимы. С учетом общественной опасности, отягчающих и смягчающих обстоятельств, при которых совершено преступление, и личности виновного суд должен определить в пределах закона соразмерное наказание.

Далеко не всеми судебными органами это требование закона выполняется правильно и точно.

Суд, являясь органом государственного принуждения и исходя из задач укрепления советской законности, должен вести активную и энергичную борьбу с преступностью, карать по всей строгости советского закона убийц, грабителей и расхитителей социалистической собственности, спекулянтов, хулиганов и других опасных преступников.

В то же время суд должен учитывать, что к трудящемуся, совершившему менее опасное преступление впервые, при обстоятельствах, смягчающих его вину, необходимо применить такое наказание, которое дало бы возможность осужденному в сравнительно небольшой срок осознать свой антиобщественный поступок, исправиться и вновь стать полноправным членом советского общества.

Разве можно, например, считать справедливым и в какой-либо мере соответствующим закону приговор линейного суда железной дороги имени Куйбышева, по которому Степанов, ранее не судившийся, осужден за хищение (вместе с другими) ученических тетрадей на сумму 400 руб. к двадцати пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере! Или приговор народного суда Любанского района Бобруйской области, по которому колхозник Кондратеня за попытку совместно с другими лицами похитить 50 кг ржи приговорен к двадцати годам заключения в исправительно-трудовом лагере и с конфискацией имущества! Такой приговор лишь подрывает авторитет суда, представляя собой извращение основных принципов советского правосудия.

Не вникая в особенности каждого дела, суды в ряде случаев за мелкие хищения, совершенные впервые, назначают хотя и низшее наказание в пределах санкции закона (пять, семь, десять лет), но без учета того, что иногда вследствие исключительных обстоятельств дела и это наказание не соответствует по своей суровости тяжести преступления. Так колхозница Пликавечене, вдова и мать двоих детей школьного возраста, за попытку хищения трех молочных бидонов приговором народного суда 2-го участка г. Шауляй Литовской ССР осуждена к десяти

годам заключения в исправительно-трудовом лагере с конфискацией имущества. Разве недостаточно было бы здесь исправительно-трудовых работ или даже условного наказания!

Такие факты неправильного, формального подхода к назначению наказания, по своему размеру резко не соответствующего содеянному, являются далеко не единичными в судебной практике, что глубоко противоречит духу советского правосудия, его воспитательной роли.

Обвинительный приговор должен быть обоснован с точки зрения виновности и меры наказания. Только при этих условиях он будет отвечать требованиям социалистической законности, будет понят и поддержан советской общественностью.

Таким образом, строго дифференцированный подход суда к назначению наказания за преступления, в зависимости от их общественной опасности и личности подсудимого, является важной обязанностью советского суда. С этой точки зрения совершенно недопустимо, что некоторые суды проявляют шатание в судебной практике: то применяют не в меру суровые наказания, то применяют мягкие меры наказания, условное осуждение за опасные преступления. Такие явления свидетельствуют о недостаточной политической зрелости этих судебных работников.

Встречаются отдельные факты, когда некоторые судьи применяют явно несправедливое наказание по тому или иному делу из опасения навлечь на себя обвинение в «либерализме». Эти факты как совершенно чуждые советскому закону и советскому правосудию надо решительно устранить из судебной практики. Суд, применяя закон, определяя, в частности, наказание подсудимому, должен делать это по своему убеждению.

Конституция СССР устанавливает, что суд независим и подчинен только закону. Это — важное конституционное требование к суду, на которое он должен опираться в своей работе. Судья не может ни с кем делить ответственность за приговор: приговор — это дело его убеждения, совести, его партийной и государственной ответственности.

В выполнении требований повышения законности в работе следственных, прокурорских и судебных органов важное значение имеет правильно организованное рассмотрение жалоб на приговоры, решения и определения. Партия и правительство требуют от всех учреждений и организаций чуткого и внимательного подхода к рассмотрению жалоб граждан, не допуская бюрократизма и волокиты, глубоко чуждых по своей природе советскому строю.

Особо серьезное значение для правосудия имеет строгое исполнение закона, касающегося рассмотрения кассационных жалоб как по уголовным, так и по гражданским делам. Советское процессуальное законодательство всех союзных республик предусматривает возможность подсудимому и истцу лично и его защитнику принять участие в кассационном заседании при рассмотрении его дела в вышестоящем суде. Пользуясь этим правом, подсудимый имеет возможность обратить внимание суда на те или иные обстоятельства его дела или представить новое доказательство, которое он не имел возможности представить суду первой инстанции, или обратить внимание кассационного суда на нарушение его прав при рассмотрении дела в суде первой инстанции. Но

не только для подсудимого важно участие в кассационном заседании по его делу, его участие не менее важно и для самого суда, так как, видя перед собой осужденного, непосредственно слушая его показания и объяснения, кассационный суд сможет лучше разобраться во всех обстоятельствах дела и в личности осужденного и, следовательно, вынести законное решение по его кассационной жалобе.

В настоящее время становится все меньше и меньше нарушений этого требования закона в тех случаях, когда подсудимый до рассмотрения его кассационной жалобы находится на свободе, но полностью они еще не изжиты: до сих пор имеют место совершенно нетерпимые факты рассмотрения кассационных жалоб без участия кассатора и заинтересованной стороны не по вине последних. Но если нарушения по делам, по которым осужденный находится на свободе, уже не столь часты и решительно устраняются, то в тех случаях, когда подсудимый находится под стражей, он сам часто не вызывается на кассационное заседание, даже и в том случае, если об этом ходатайствует. Подобная практика противоречит закону, вносит серьезное упрощенчество в деятельность кассационного суда, принижает его роль и значение.

Некоторые суды ссылаются здесь на трудности материального и технического характера. Действительно, трудности существуют. Однако нельзя не замечать и того, что некоторые работники свыклись с практикой рассмотрения кассационных жалоб в отсутствие подсудимого, содержащегося под стражей, и даже не прилагают должных усилий к ее устранению. Между тем не представляет особых трудностей выехать для рассмотрения кассационной жалобы в город, где содержится арестованный, и в его присутствии рассмотреть жалобу, что и делается судами, сознающими свою ответственность за дело правосудия. Как показывает судебная практика, решение таких вопросов лишь по материалам дела приводит часто к непоправимым ошибкам и извращениям и не должно иметь места в кассационной работе советского суда.

Важное значение в кассационной работе судов имеет участие прокуратуры, предусмотренное ст. 410 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик. Заключение прокурора, данное на основе социалистической законности, помогает суду более глубоко разобраться в деле и вынести правильное решение. Приходится сожалеть, что в некоторых автономных республиках, краях и областях прокуратура дает заключение еще не по всем делам, часто кассационные заседания проходят без представителей прокуратуры, что надо считать крупным недостатком в кассационной деятельности судов.

Советская форма кассации не терпит формализма. Правильное ее применение позволяет суду обстоятельно проверить законность приговора или решения суда первой инстанции и в пределах своих полномочий вынести обоснованное решение по делу.

Имеющиеся в Верховном суде СССР данные свидетельствуют о том, что и в рассмотрении жалоб на вступившие в законную силу приговоры, решения и определения тоже имеют место серьезные недостатки.

Нередко незаконные решения остаются без исправления или исправления вносятся верховными судами союзных республик спустя значительное время, во многих случаях когда наказание, назначенное по приговору, уже отбыто, а решение по гражданскому делу давно исполнено и поворот его невозможен и таким образом отмена его имеет лишь формальное значение.

Рассмотрению жалоб на судебные решения, как одному из важнейших принципов социалистической законности, необходимо уделить еще большее внимание: это — действенная форма осуществления судебного надзора.

Указания партии и правительства по поводу недостатков в работе партийного и государственного аппарата обязывают верховные суды союзных республик, краевые и областные суды и верховные суды автономных республик повысить ответственность за направление судебной деятельности народных судов и совместно с прокуратурой обеспечить своевременное обнаружение и исправление ошибок, допускаемых последними при рассмотрении конкретных гражданских и уголовных дел.

Центральный Комитет КПСС указал, что во многих министерствах и ведомствах широко развиты канцелярско-бюрократические методы руководства нижестоящими организациями.

Это указание относится как к Верховному суду СССР в части направления судебной практики, так и к Министерству юстиции СССР в части общего руководства судебными органами.

Постановления Пленума Верховного суда СССР не отвечают еще на многие запросы судебной практики, содержат в отдельных случаях отступления от точного смысла советского закона или иногда односторонне ориентируют в применении мер наказания.

Верховный суд СССР пересмотрел все руководящие указания Пленума, отменил, изменил или признал утратившими силу все постановления, в той или иной степени противоречащие закону.

В целях усиления законности в судебной работе на обсуждение Пленума вносятся ряд проектов руководящих указаний судам.

Не все вопросы, имеющие значение в судебной деятельности судов, своевременно замечаются Верховным судом СССР и находят разрешение в руководящих указаниях. Это является одним из самых серьезных недостатков в работе Верховного суда СССР.

Укрепление связи с низовыми и средними звеньями судебной системы, личное общение руководящих работников Верховного суда СССР с низовыми судебными работниками, своевременное и глубокое изучение судебной практики и разработка на этой основе необходимых указаний — одна из важнейших задач Верховного суда СССР.

В работе Пленума Верховного суда СССР по установлению единства в судебной практике и направлению ее в соответствии с законом, с политикой партии и правительства большое значение имеет деятельность Министерства юстиции СССР. Изучая и обобщая судебную практику судов как по уголовным, так и по гражданским делам, Министерство юстиции СССР имеет возможность использовать эти материалы для разработки соответствующих указаний судам, внося их на рассмотрение Пленума, что делается еще недостаточно. Министерство юстиции СССР должно стать ближе к деятельности Пленума Верховного суда СССР. Это будет способствовать улучшению деятельности Пленума Верховного суда СССР по направлению судебной практики и установлению единства в руководстве ею.

Успешное разрешение задач, поставленных партией и правительством перед советским народом, требует дальнейшего укрепления Советского государства, укрепления социалистической законности и правопорядка. Этим целям служит социалистическое правосудие.

Отправление правосудия — важная и сложная государственная деятельность; она требует от работников глубоких знаний марксистско-ленинской теории, глубокого понимания советского закона и принципов его практического применения, высокой бдительности и культуры в работе.

Овладевая этими качествами, совершенствуя методы судебной деятельности, мы сможем по-настоящему выполнить задачи, поставленные партией и правительством перед работниками советской юстиции.

ПОВЫСИТЬ УРОВЕНЬ РАБОТЫ СУДОВ И ОРГАНОВ ЮСТИЦИИ

А. Рубичев

Министр юстиции РСФСР

Выполняя исторические решения XIX съезда нашей партии, ЦК КПСС и Советское правительство приняли в последнее время ряд важнейших постановлений, направленных на дальнейшее повышение благосостояния советского народа. Принятые партией и правительством решения создают еще более прочные условия для дальнейшего развития социалистической промышленности и сельского хозяйства, для удовлетворения все возрастающих потребностей советского народа. Они имеют огромное значение в дальнейшем укреплении нашего многонационального социалистического государства, в укреплении Советских Вооруженных Сил, призванных обеспечить оборону и безопасность советской Родины. Партия и правительство, опираясь на крупные достижения в развитии тяжелой индустрии, наметили и успешно осуществляют программу крутого подъема производства предметов народного потребления, принимают меры к ликвидации запущенности и отставания ряда важнейших отраслей сельского хозяйства, к развертыванию советской торговли, жилищного строительства и культурно-бытового обслуживания населения. Забота о максимальном удовлетворении постоянно растущих материальных и культурных потребностей нашего народа составляет главную заботу и является высшим законом всей деятельности Коммунистической партии и Советского правительства.

Коммунистическая партия Советского Союза воспитывала и воспитывает советский народ в духе постоянной заботы о всемерном укреплении Советского государства. «Мы не имели бы тех успехов в нашем мирном строительстве, — говорил товарищ Г. М. Маленков в докладе на XIX съезде партии, — которыми мы теперь гордимся, если бы допустили ослабление нашего государства. Мы оказались бы безоружными перед лицом врагов и перед опасностью военного разгрома, если бы не укрепляли наше государство, нашу армию, наши карательные и разведывательные органы. Партия превратила Советскую страну в несокрушимую твердыню социализма потому, что она всемерно укрепляла и укрепляет социалистическое государство».

Важнейшую роль в укреплении Советского государства играет социалистическая законность — мощное орудие охраны советского общественного строя, защиты великих завоеваний нашего народа, охраны прав советских граждан, записанных в Конституции СССР. Коммунистическая партия неоднократно указывала на необходимость всемерного укрепления социалистической законности, строжайшего соблюдения советских законов всеми предприятиями, учреждениями, общественными организациями, должностными лицами и гражданами.

На небывалую высоту в Советском государстве поднята охрана прав советских граждан, что составляет одно из важнейших условий дальнейшего развития и укрепления нашего государства.

Коммунистическая партия и Советское правительство бдительно стоят на страже прав граждан нашей страны, заботливо эти права охраняют. В обращении ЦК КПСС к избирателям говорится: «Партия ведет и будет вести непримиримую борьбу со всеми проявлениями бюрократизма и волокиты в отдельных звеньях советского аппарата, с фактами невнимательного, пренебрежительного отношения к нуждам и запросам трудящихся, будет неустанно укреплять социалистическую законность, ограждающую священные и незабываемые права граждан нашей Родины, записанные в Конституции СССР».

Важнейшую роль в охране прав советских граждан и строжайшем соблюдении социалистической законности должен сыграть советский суд. Закон о судеустройстве СССР, союзных и автономных республик возлагает на советский суд охрану государственного и общественного устройства Советского Союза, охрану прав и интересов государственных и общественных организаций, защиту от всяких посягательств политических, трудовых, жилищных и других личных и имущественных прав и интересов советских граждан, гарантированных Конституцией СССР и конституциями союзных и автономных республик. Советский суд, стоя на страже прав и интересов граждан, одновременно с этим способствует воспитанию советских граждан в духе преданности социалистической Родине и бдительности, в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, составляющей экономическую основу нашего государства, в духе честного отношения к государственному и общественному долгу и уважения к правилам социалистического общежития.

Одной из главных задач в работе судебных органов была и продолжает оставаться неослабная борьба с такими преступлениями, как растраты и хищения социалистической собственности, убийства, разбойные нападения, кражи личной собственности граждан, хулиганство и другие особо опасные преступления.

Наказывая преступников, советское законодательство вместе с тем имеет огромное воспитательное значение. В этом отношении исключительное значение имеет указ об амнистии, свидетельствующий о великой жизненной силе советского строя, о дальнейшем укреплении могущества нашего социалистического государства. Большое значение имеет ст. 8 этого указа, предусматривающая необходимость пересмотреть уголовное законодательство СССР и союзных республик с тем, чтобы заменить уголовную ответственность за некоторые должностные, хозяйственные, бытовые и другие менее опасные преступления мерами административного и дисциплинарного порядка, а также смягчить уголовную ответственность за отдельные преступления.

Судебные органы РСФСР с момента издания указа об амнистии проделали большую работу по укреплению социалистической законности и всемерной охране прав советских граждан. Но общий уровень судебной работы все еще не отвечает требованиям, которые предъявляются к ней партией и правительством в деле дальнейшего укрепления социалистической законности.

Проведенные в марте — апреле 1954 года в Москве, Ленинграде, Ростове, Куйбышеве, Свердловске, Новосибирске и Хабаровске кустовые совещания председателей областных, краевых и верховных судов АССР, начальников областных, краевых управлений юстиции и министров АССР вскрыли серьезные недостатки в работе Министерства юстиции РСФСР, его органов на местах, а также и в работе народных судов, областных, краевых и верховных судов.

Участники совещания указывали на слабую связь руководящих работников Министерства юстиции РСФСР с периферией, на формально-бюрократическое, бумажное руководство, на низкое качество проводимых ревизий и другие недостатки. Такие же недостатки отмечались и в работе Министерства юстиции СССР.

Работники мест внесли ценные предложения по улучшению работы Министерства юстиции и его местных органов, а также по улучшению руководства деятельностью всех органов юстиции Министерством юстиции СССР.

Критика недостатков в работе Министерства юстиции РСФСР касалась почти всех его отделов и управлений. Однако главное внимание на всех кустовых совещаниях было сосредоточено на недостатках в работе многих судов и на необходимости повышения качества работы всех судебных органов. Отмечалось, что отдельные судебные работники вместо того, чтобы вести решительную борьбу с ворами-рецидивистами, бандитами и другими особо опасными преступниками, ведут вредные для дела споры об устойчивости или неустойчивости шайки, банды, что и Верховный суд РСФСР по отдельным делам, рассмотренным в кассационном и надзорном порядке, неправильно ориентировал нижестоящие суды, исходя не из характера и тяжести совершенного преступления и социальной опасности преступника, а из того, устойчива или неустойчива шайка или банда, в связи с этим неправильно отменял и изменял отдельные приговоры нижестоящих судов (впоследствии эти серьезные ошибки Верховного суда РСФСР исправлял Верховный суд СССР). Но до сих пор отдельные суды продолжают осуждать к длительным срокам наказания за мелкие кражи, за хозяйственные и должностные упущения, за бытовые преступления — без учета характера преступления и личности обвиняемого.

Не редки еще случаи необоснованного осуждения граждан. В Рязанской области органы следствия привлекли к уголовной ответственности колхозницу Пронину за то, что она самовольно для личных нужд взяла вязанку соломы, принадлежащей колхозу. Народный суд Чернявского района прекратил это дело на основании примечания к ст. 6 УК РСФСР. Однако Рязанский областной суд отменил определение народного суда и предложил предать Пронину суду по указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Потребовалось вмешательство Верховного суда РСФСР, чтобы отменить неправильное определение Рязанского областного суда. Народный суд Черняховского района осудил по ст. 111 УК РСФСР к одному году лишения свободы коменданта совхоза Садофьева за то, что он потерял два паспорта, сданные ему рабочими для прописки. Калининградский областной суд, вместо того чтобы прекратить дело и предложить органам милиции наказать Садофьева в дисциплинарном порядке, оставил приговор народного суда в силе. К сожалению, такие факты не единичны.

До сего времени не изжиты грубейшие нарушения процессуального закона, несоблюдение прав подсудимых на защиту, поверхностное исследование обстоятельств дела в судебном заседании, небрежное оформление судебных документов и другие недостатки. Все эти нарушения закона влекут за собой отмену значительного количества приговоров суда и возвращение дел на новое судебное рассмотрение, снижают воспитательную роль суда.

Многие недостатки в работе по рассмотрению уголовных дел — результат отсутствия единства судебной практики по отдельным катего-

риям дел. На кустовых совещаниях были высказаны критические замечания в адрес Верховного суда СССР, который запаздывает с руководящими указаниями по вопросам судебной практики, а некоторые постановления Пленума устарели и не способствуют повышению уровня работы судебных органов.

Одна из важнейших задач в работе судебных органов — своевременное рассмотрение уголовных и гражданских дел и правильная организация судебных процессов. Однако многие народные суды плохо выполняют эту задачу. В отдельных областях даже дела об особо-опасных преступлениях не рассматриваются длительное время. Большое количество дел о кражах, хулиганстве и других преступлениях рассмотрено народными судами с нарушением установленного законом срока (в Калужской, Брянской, Владимирской, Ярославской областях). Отдельные дела находились в судах без рассмотрения по нескольку месяцев (в народных судах 1-го участка Тутаевского района, 1-го участка Первомайского района и 1-го участка г. Щербакова Ярославской области).

Некоторые народные судьи не придают должного политического значения организации судебного процесса и воспитательной роли суда. Нередко судебные процессы проводятся в кабинете народного судьи, чем нарушается принцип гласности и исключается возможность присутствия граждан на судебном процессе. Такая «организация» не способствует выполнению задачи воспитания масс.

Большое место в работе судебных органов занимают гражданские дела (около 70% к общему поступлению всех дел). Гражданские дела затрагивают жизненные интересы значительного числа граждан. Правильное и своевременное рассмотрение их имеет большое политическое значение. Однако многие народные судьи да и начальники управлений юстиции и председатели областных судов недооценивают важности гражданских дел, считают их второстепенными. Они не желают понять, что требование партии и правительства о всемерной охране прав советских граждан неразрывно связано с необходимостью улучшения работы судов по рассмотрению гражданских дел и что правильное и своевременное рассмотрение дел, своевременное исполнение вступивших в законную силу судебных решений и есть охрана прав советских граждан, осуществляемая судебными органами.

В некоторых областях неудовлетворительное рассмотрение гражданских дел на протяжении длительного времени допускается одними и теми же народными судами (Тамбовская, Ярославская, Горьковская, Калужская области). Однако начальники управлений юстиции не принимают должных мер к улучшению работы этих судов.

Значительное место в общем числе гражданских дел занимают трудовые споры. В Тульской, Владимирской, Горьковской и других областях в народные суды поступает большое количество трудовых дел. По делам о выплате заработной платы 83% и по делам о восстановлении на работе 64% исков удовлетворено судами, что свидетельствует о серьезных нарушениях трудового законодательства на многих предприятиях и учреждениях. Однако народные суды не делают выводов из этого и ограничиваются лишь вынесением судебного решения. Народные судьи и руководители органов юстиции не реагируют подчас на серьезные факты нарушения прав граждан и не ставят об этом вопроса перед партийными, советскими или профсоюзными организациями.

Сроки рассмотрения гражданских дел все еще весьма длительны. Из изученных 208 трудовых дел оказалось, что в установленный зако-

ном пятидневный срок было рассмотрено судами Москвы всего лишь 50% дел. Такое же положение в Калужской, Ярославской, Костромской областях. В народном суде Кольчугинского района Владимирской области дело по иску Прохорова к заводу имени Орджоникидзе о восстановлении на работе не разрешалось в течение трех месяцев; в народном суде 3-го участка г. Коврова дело по иску Бобковых к Семеновскому лесоучастку о заработной плате пролежало нерассмотренным шесть месяцев.

Много недостатков имеется в рассмотрении колхозных дел. Исходя из задач, поставленных сентябрьским и февральско-мартовским Пленумами ЦК КПСС, судебные работники обязаны обеспечить правильное и своевременное разрешение колхозных дел. Однако судебные органы допускают волокиту с рассмотрением дел, мало помогают колхозам в сборе доказательств в обоснование предъявленного иска, что часто приводит к откладыванию дел и к вынесению неправильных решений. В Ярославской области во втором полугодии 1953 года 36% дел этой категории рассмотрены в срок свыше месяца, в Калужской и Брянской областях 24%. Во Владимирской области 248 дел по искам колхозов находились в производстве судов свыше месяца. Немало случаев, когда суды не проверяют законности заключенных договоров и присуждают с колхозов большие суммы. Иногда народные суды присуждают с колхозников значительные суммы (особенно за падеж скота) при отсутствии какой-либо вины с их стороны (такие факты установлены в Калужской и других областях).

Наиболее запущенным участком работы многих народных судов является исполнение судебных решений. Исключительно плохо положение с исполнением судебных решений в Брянской области (начальник управления юстиции т. Терещенко), где 37% исполнительных производств исполнены с нарушением срока. Крайне неудовлетворительны сроки исполнения в Орловской, Тамбовской и Ярославской областях (начальники управлений юстиции тт. Губин, Любимцев и Минько).

Многие женщины-матери месяцами не получают алиментов на детей. Судебные исполнители, народные суды и руководители органов юстиции крайне слабо осуществляют контроль над исполнением решений предприятиями и организациями и почти не принимают мер к своевременному взысканию присужденных сумм. Большое число случаев нарушения порядка исполнения судебных решений третьими лицами установлено в Горьковской области (начальник управления юстиции т. Виноградова): проверкой вскрыто 298 случаев неправильного взыскания алиментов и несвоевременного перечисления истцам взысканных сумм. Отдельные колхозы Дальне-Константиновского, Котовского и некоторых других районов расходовали на колхозные нужды зерно и деньги, удержанные с ответчиков на содержание детей. Народные судьи перечисленных районов, а также 1-го участка Свердловского района, 1-го и 2-го участков Ждановского и Рязанского районов Горьковской области слабо боролись с подобными нарушениями, а начальник управления юстиции т. Виноградова не навела надлежащего порядка с исполнением судебных решений в области. Проверкой в Рязанской области установлено 70 случаев неправильного и несвоевременного удержания алиментов, в Тульской области 65 случаев. Аналогичные недостатки имеют место в Ивановской, Костромской и Тамбовской областях.

Указанные грубейшие нарушения закона не вызвали должного реагирования ни судов, ни управлений юстиции. Должностные лица, допустившие нарушения законности, как правило, не привлекались к ответственности. Установлено, что некоторые народные суды задерживали выдачу и направление исполнительных листов по месту работы ответчиков от двадцати дней до трех месяцев (народные судьи 2-го участка Свердловского района г. Костромы, 1-го и 2-го участков Костромского района и другие).

Волокита с обращением к исполнению судебных решений, недобросовестное отношение многих судебных исполнителей к обязанностям вызывают законные и многочисленные жалобы граждан. Наибольшее число жалоб в 1953 году на неисполнение судебных решений по делам о взыскании алиментов поступало в органы юстиции Брянской, Тульской, Тамбовской, Горьковской, Владимирской областей, Краснодарского края и др.

Многие руководители органов юстиции проявляют бездушное, формально-бюрократическое отношение к жалобам, отделяются отписками, общими фразами, и жалобы длительное время остаются неразрешенными; вместо требования от народных судей строгого соблюдения государственной дисциплины, ограничиваются напоминаниями о необходимости ответов по той или иной жалобе и вовсе не интересуются разрешением жалобы по существу.

Весьма существенным недостатком в работе некоторых управлений юстиции является то, что они не анализируют причин поступления жалоб, не делают из этого никаких политических выводов и не принимают соответствующих мер к устранению недостатков в работе судов, порождающих жалобы.

Большую работу проделала адвокатура по оказанию юридической помощи учреждениям, предприятиям, колхозам и населению. Подавляющее большинство адвокатов добросовестно выполняют свои обязанности. Неправильно, когда отдельные судебные работники и работники юстиции смотрят на адвоката, как на чужеродное тело в нашей системе, как на лицо, которое мешает отправлять правосудие, всячески стараются ущемить его права, принизить его роль. С такими настроениями и взглядами мы должны вести самую решительную борьбу.

Серьезные недостатки в работе судов и других органов юстиции во многом объясняются неудовлетворительной работой по подбору, расстановке и воспитанию кадров, а также сложившейся канцелярско-бюрократической практикой в работе Министерства юстиции РСФСР и его местных органов. Основное внимание и силы руководящих и оперативных работников юстиции сосредоточиваются не на конкретном живом деле по организации работы судов, а на составлении различного рода многочисленных директив, справок, обзоров, писем и отчетов. Такое положение порождает неразбериху, волокиту и безответственность в решении жизненно важных вопросов.

Основной формой контроля является ревизия. В 1953 году министерствами юстиции АССР и управлениями юстиции в краях и областях проведена не одна тысяча ревизий. В Смоленской, Грозненской и других областях были обревизованы почти все участки народных судов, обобщена судебная практика по многим категориям уголовных и гражданских дел.

Однако низкий уровень ревизионной работы не обеспечивает контроля исполнения директив партии и правительства, изучение при ревизиях судебной практики по отдельным категориям уголовных и граждан-

ских дел превратилось в канцелярско-бюрократическую возню с бумагами.

Основной причиной того, что наши ревизии и обобщения судебной практики не приносят той пользы, к которой мы стремимся, является то, что они носят отпечаток формально-бюрократического руководства. Ревизоры часто скользят по поверхности, не затрагивают живой действительности в работе судов, как правило, собирают статистические данные и примеры неправильно разрешенных дел, по которым уже состоялись решения вышестоящей судебной инстанции и которые давно известны народным судьям и управлению юстиции. В актах ревизий приводятся примеры волокиты с рассмотрением дел и исполнением судебных решений, указывается количество сделанных народными судьями отчетов перед избирателями, анкетные данные работников народного суда. Таково, к сожалению, большинство актов ревизий в наших органах юстиции. Спрашивается: где же здесь контроль исполнения? Можно ли считать такой выезд ревизора в народный суд действительной проверкой? Конечно, нет.

Министерство юстиции РСФСР недавно проверяло работу управления юстиции по Калужской области (начальник т. Котов). В 1953 году управлением проведены ревизии в подавляющем большинстве народных судов. В актах ревизий отмечались многочисленные грубые нарушения законов, волокита с рассмотрением дел и исполнением судебных решений. Повторной проверкой народных судов, проведенной Министерством юстиции РСФСР в 1954 году, обнаружено, что некоторые недостатки, отмеченные в актах ревизоров, как были, так и остались. Больше того, ряд народных судей ухудшил работу. Некоторые из них работают плохо в течение длительного времени. Казалось бы, что начальник управления, два его заместителя и ревизоры могли бы навести должный порядок в этих судах, однако т. Котов уделял больше внимания различным совещаниям (по пять-шесть в месяц) и составлению директив, отнимавшим рабочее время как у самих руководителей, так и оперативного состава. Тов. Котов и его заместители не вникали глубоко в работу каждого народного суда, делали выводы о работе народных судов по статистическим данным, в связи с этим не знали о многочисленных извращениях социалистической законности в деятельности народных судов, не боролись с этими извращениями, с волокитой и грубыми нарушениями государственной дисциплины (Министерство юстиции РСФСР поставило вопрос о снятии с работы т. Котова).

Аналогичное положение вскрыто в управлении юстиции Грозненской области (начальник т. Купавцев).

Практика канцелярско-бюрократического руководства широко распространялась в нашей системе: ее в той или иной мере можно найти в работе любого управления юстиции. В некоторых из них количество изучений и обобщений судебной практики настолько велико, что оперативный состав, занятый обобщениями, не имеет времени выехать в народные суды для проверки работы и проведения ревизий. В отдельных управлениях истребованные дела лежат месяцами, так как аппарат не в состоянии изучить их. Ежеквартально тысячи дел путешествуют по почтовым отделениям связи. Большое количество работников народных судов, вместо непосредственной работы, занимается упаковкой и отправкой этих дел. Работники управления заняты их регистрацией и изучением, составлением по ним обзоров, докладных записок и директив.

Участники кустовых совещаний правильно указывали, что в этих серьезных недостатках прежде всего повинны Министерство юстиции

РСФСР и Министерство юстиции СССР, которые почти в каждом постановлении коллегии и приказе по итогам ревизий обязывали министерства юстиции АССР и управления юстиции заниматься изучением судебной практики, что и привело к такому широкому истребованию дел из народных судов для изучения.

Изучение судебной практики не должно быть ради изучения. Оно должно преследовать определенную цель — вскрыть принципиальные вопросы, вытекающие из рассмотренных судебных дел, для постановки их перед руководящими органами и отдельными организациями, для исправления неправильных приговоров и решений, выявленных при изучении дел, а не для того, чтобы писать все новые директивы судам.

Резкой критике подвергнуты Министерства юстиции РСФСР и Министерство юстиции СССР за то, что ими за последние годы издано множество всяких директив, приказов, методических указаний и наставлений, которые в значительной мере связывали инициативу руководителей органов юстиции на местах, не давали им возможности по-настоящему заняться живым делом, толкали их на составление различных докладов, отчетов, донесений и т. д.

Министерство юстиции СССР и Министерство юстиции РСФСР уже отменили ряд приказов и указаний, которые в ущерб интересам дела обязывали руководителей органов юстиции, помимо статистической отчетности, представлять еще дополнительные сведения, донесения и доклады.

Разумеется, недостаточно отменить ту или иную директиву, тот или иной приказ, — от нас требуется изменить стиль и методы руководства, организовать работу так, чтобы на первом плане стояло живое дело, мобилизация всех работников юстиции на выполнение стоящих задач по укреплению социалистической законности.

Выезд на места с ревизией должен преследовать главную цель — повысить уровень работы судов и других органов юстиции, принять меры к устранению недостатков и помочь работникам в улучшении их работы, в проверке правильности и своевременности разрешения дел, главным образом дел, не проверившихся в кассационном порядке.

Некоторые работники спрашивают: проводить ли теперь ревизию или проверку работы? Дело, конечно, не в названии, а в качестве работы по контролю. Проверка или ревизия должна проводиться не в порядке очереди, как это делается сейчас, а в зависимости от обстоятельств дела. Работа суда может быть обревизована не обязательно за год. Может быть проверена работа лишь по отдельным категориям дел. Почти в каждой автономной республике, крае, области в некоторых народных судах отменяется большое количество приговоров и решений или на них поступает большое количество жалоб на недостатки и упущения в работе, на волокиту с рассмотрением дел и исполнением судебных решений и т. д. Поэтому оказание практической помощи таким народным судам — неотложная задача министерств юстиции автономных республик и управлений юстиции.

В настоящее время, как правило, после проведения ревизий проводится оперативное совещание, пишется письменное указание по итогам ревизии, а иногда оно превращается в директиву и рассылается всем народным судам. Такую практику надо коренным образом изменить, она не способствует улучшению работы народных судов. Каждый проверяющий, — будь то ревизор или руководитель управления юстиции, — должен прежде всего принять необходимые меры к устранению выявленных недостатков на месте. Если это не представляется возможным сделать, необходимо вместе с народным судьей разработать кой-

кретные мероприятия по устранению недостатков, установить сроки исполнения и взять эти мероприятия на контроль.

Наша задача — изгнать из ревизионной работы канцелярско-бюрократические методы, сделать работу по контролю исполнения живой, оперативной. У нас не должно быть сборщиков статистических данных и переписчиков всевозможных фактов, по которым в свое время уже приняты меры.

Каждый руководитель и оперативный работник должен быть организатором работы на местах. В своей деятельности по контролю исполнения мы обязаны опираться на первичные партийные организации, на актив народного суда. Настоящими организаторами могут быть лишь те работники, которые хорошо знают дело, юридически подготовлены и постоянно повышают свою квалификацию, идут в ногу с жизнью и ее требованиями, следят за текущим законодательством и судебной практикой. Недостаток знаний ведет к тому, что некоторые руководители и ревизоры порой не могут и даже не пытаются выйти из рамок канцелярщины, преодолеть сложившиеся методы ревизий, подойти поближе к жизни, глубоко вникнуть в работу. Ведь не секрет, что легче собрать всевозможные статистические данные и факты по делам, уже рассмотренным вышестоящей судебной инстанцией, написать докладную записку, подготовить директиву, чем добиться хотя бы небольших практических результатов работы на месте.

Перестройка работы требует иного подхода к подбору кадров, оценки работников по их действительным достоинствам и недостаткам. Состояние работы с кадрами в органах юстиции РСФСР все еще неудовлетворительно. Обращает на себя внимание большая текучесть кадров. В некоторых управлениях юстиции появились иждивенческие настроения: вся работа по подбору кадров свелась к подписанию заявок в Министерство юстиции РСФСР на потребное число специалистов со средним и высшим юридическим образованием.

Некоторые руководители не проявляют заботы о молодых специалистах, не создают им нормальных бытовых условий, не помогают в работе. Нередко молодые специалисты направляются в отдаленные районы, предоставляются сами себе, в результате некоторые из них запускают работу и руководящие органы вынуждены ставить вопрос о досрочном отзыве их с работы.

Во время подготовки к выборам народных судов в 1951 году некоторые народные судьи подвергались справедливой критике избирателей за волокиту с рассмотрением дел и с исполнением судебных решений, за плохую организацию работы по обслуживанию населения, за отрыв от избирателей и другие недостатки. В связи с этим значительное количество таких народных судей впоследствии не были избраны. Некоторые же руководители органов юстиции не использовали критических замечаний и предложений избирателей для улучшения работы народных судов и воспитания судебных работников. Мы должны покончить с формальным подходом к выращиванию руководящих кадров, с нежеланием поработать с молодым работником, чтобы сделать из него хорошего руководителя. Пора покончить с иждивенческими настроениями.

На кустовых совещаниях правильно отмечалось, что во многих недостатках по подбору, расстановке и воспитанию кадров повинно Министерство юстиции РСФСР. Оно не всегда правильно направляло молодых специалистов, часто подменяло живую работу с кадрами канцелярщиной, сбором всевозможных справок о количестве отмененных приговоров и решений и по ним судило о деловых качествах работников.

Ревизоры министерства при выездах на места проверяли нередко не работу народных судей и других работников органов юстиции, а личные дела этих работников, больше интересовались не деловыми и политическими качествами их, а тем, подшиты ли в их личные дела характеристики, справки и другие документы в соответствии с наставлением о работе с кадрами. Поэтому многочисленные и серьезные недостатки в работе часто не вскрывались, оставались без должного реагирования, а кадры не воспитывались в духе строжайшего соблюдения государственной дисциплины. Это не могло не сказаться и на работе управления юстиции с кадрами.

Большим недостатком в работе органов юстиции является то, что мы еще плохо пропагандируем советские законы и не показываем населению, как советский суд, выполняя указания партии и правительства, борется за укрепление социалистической законности, за охрану прав советских граждан.

В некоторых областях народные судьи редко отчитываются в своей работе и работе народного суда. В Калужской области, например, 14 народных судей (гг. Тордеев, Серебрякова, Суворов и другие) в течение года не сделали ни одного отчетного доклада; в Ярославской области совершенно не отчитывались перед избирателями 20 народных судей (Борисоглебского, Толбухинского, Масловского, Мишкинского и других районов). В Московской области в четвертом квартале 1953 года больше половины народных судей не сделали ни одного доклада.

Многие народные и областные суды не ведут регулярной работы с народными заседателями, а некоторые вообще прекратили эту работу. Между тем народные заседатели принимают непосредственное участие в отправлении правосудия, и они должны быть постоянно в курсе текущего законодательства и важнейших постановлений партии и правительства, направленных на укрепление социалистической законности.

Критика, которая раздавалась с трибуны кустовых совещаний, будет учтена и реализована Министерством юстиции РСФСР в самый короткий срок.

Работники юстиции РСФСР, неуклонно соблюдая ленинские принципы государственного управления, осуществляя указания Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза об устранении серьезных недостатков в работе аппарата, примут все меры к повышению уровня работы судов и органов юстиции и тем самым будут способствовать успешному выполнению задачи, поставленной партией и правительством по дальнейшему укреплению социалистической законности.

ЗАДАЧИ СУДА В БОРЬБЕ ЗА КАЧЕСТВО ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ

А. Ликас

Министр юстиции Литовской ССР

Задачи, вытекающие из директив по пятому пятилетнему плану развития СССР, требуют, чтобы все промышленные предприятия постоянно повышали качество своей промышленной продукции. Руководители министерств всех учреждений и организаций должны значительно усилить борьбу с выпуском недоброкачественной, некомплектной и нестандартной промышленной продукции.

Большая задача в борьбе за высокое качество выпускаемой промышленной продукции ложится на органы советского правосудия.

Одним из основных правовых актов, направленных на борьбу с бракоделами, является указ Президиума Верховного Совета от 10 июля 1940 г. «Об уголовной ответственности за выпуск недоброкачественной, некомплектной и нестандартной продукции».

Некоторые суды не всегда строго придерживаются требований указа от 10 июля 1940 г. и этим ослабляют борьбу с выпуском недоброкачественной продукции.

Верховный суд Литовской ССР, рассматривая дела о выпуске недоброкачественной промышленной продукции, в отдельных случаях допускал ряд серьезных ошибок, нарушал закон, а иногда неправильно ориентировал нижестоящие суды.

Приговором Каунасского областного суда были осуждены по ст. 128-а, ч. 1, УК РСФСР на пять лет тюремного заключения директор кондитерской фабрики «Виктория» Кузминскене и главный инженер Добкевичус за выпуск недоброкачественных бисквитов на сумму 45 255 руб. Верховный суд Литовской ССР, рассматривая это дело, неправильно переqualificировал преступление Кузминскене на ст. 111 УК и определил ему меру наказания в один год исправительно-трудовых работ по месту работы, а в отношении Добкевичуса, применив ст. 51 УК, также снизил меру наказания до одного года исправительно-трудовых работ по месту работы.

Приговором судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Литовской ССР были оправданы обвиняемые по ст. 128-а, ч. 1, УК РСФСР директор промкомбината «Бяржас» Шмаков и главный инженер Каспшак, которые выпускали недоброкачественную продукцию. Суд, оправдывая обвиняемых, мотивировал тем, что выпущенная продукция — мебель, которую бюро товарных экспертиз признало недоброкачественной, является доброкачественной, так как она была принята и реализована другим магазином в г. Вильнюсе без переделки. Между тем такие выводы суда о качестве продукции являются совершенно неправильными: принятие потребителем продукции еще не решает вопроса об ее качестве, а качество продукции определяется экспертизой. Верховный суд СССР, рассматривая это дело по протесту Генерального Прокурора СССР, отменил оправдательный приговор в отношении Шмакова и Каспшак и направил дело на новое рассмотрение со стадии

судебного разбирательства в тот же Верховный суд Литовской ССР в ином составе. Верховный суд СССР, отменяя оправдательный приговор Верховного суда Литовской ССР, указал, что при сомнении в правильности выводов бюро товарной экспертизы о недоброкачественности выпущенной комбинатом продукции суд мог назначить новую товарную экспертизу, однако он этого не сделал, а лишь высказал свое мнение, что указанные в актах дефекты мебели не дают возможности признать мебель недоброкачественной. Таким образом, Верховный суд Литовской ССР неправильно решил это дело и тем нарушил ст. 128-а, ч. 1, УК РСФСР.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Литовской ССР возвратила прокурору Литовской ССР для производства дополнительного расследования и обсуждения вопроса о возможности прекращения дела по обвинению директора Вильнюсской швейной фабрики имени Витенбергас Ильинского, главного инженера Кузнецова, начальника отдела технического контроля Гусарова за выпуск недоброкачественных дамских меховых манто, детских меховых пальто, меховых воротников, всего на сумму 1 139 966 руб. При этом мотивы для прекращения дела были взяты из объяснений самих подсудимых, хотя они противоречили материалам, имеющимся в деле.

Верховный суд СССР, рассматривая дело по протесту Генерального Прокурора СССР, указал: «Ориентировка Верховного суда Литовской ССР на нецелесообразность привлечения виновных в выпуске недоброкачественной продукции к уголовной ответственности является неправильной и противоречит требованиям указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 г. «Об уголовной ответственности за выпуск недоброкачественной, некомплектной и нестандартной продукции». Указание Верховного суда Литовской ССР на то, что, по заявлению обвиняемых, возвращаемая им для переделки продукция составляет незначительный процент, также не соответствует действительности, поскольку из материалов дела видно, что выпуск недоброкачественной и нестандартной продукции составляет сумму свыше миллиона рублей. Предъявленные подсудимым обвинения на предварительном следствии подтверждались рядом свидетелей (Лобковским, Ревзоном, Гусевым, Рокким и др.). Из указанных в списке обвинительного заключения пятнадцати свидетелей одиннадцать были вызваны и явились в судебное заседание, однако суд ни одного из них не допросил и, ссылаясь на голословное объяснение подсудимых, а также допросив несколько дополнительных свидетелей, вызванных по ходатайству подсудимых, без всякого основания направил дело на дополнительное расследование. Судебная коллегия Верховного суда СССР отменила определение Верховного суда Литовской ССР и передала дело на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства в Вильнюсский областной суд по первой инстанции.

Неправильное направление судами республики дел на доследование создает волокиту в рассмотрении дел, чем снижается эффективность борьбы с преступлениями. По обобщенным материалам дел о выпуске недоброкачественной промышленной продукции суды Литовской республики рассмотрели в срок от одного до двух и больше месяцев половину таких дел, вместо того чтобы рассмотреть их согласно установленным ст. 242 УПК РСФСР срокам.

Таким образом, судебная практика показывает, что у некоторых судей отсутствует оценка опасности такого преступления, как выпуск недоброкачественной промышленной продукции.

Министерство юстиции Литовской ССР приняло ряд мер, способствующих искоренению неправильной судебной практики.

Борьба с выпуском промышленными предприятиями недоброкачественной, нестандартной и некомплектной продукции имеет огромное политическое значение, которое необходимо глубоко осознать работникам суда и прокуратуры.

Одна из важнейших задач судебных органов — обеспечить в будущем точное и неуклонное соблюдение требований указа от 10 июля 1940 г. Судебные органы должны решительно пресекать случаи выпуска недоброкачественной продукции и своевременно рассматривать дела этой категории. Следует усилить контроль над рассмотрением дел этой категории и применением указа от 10 июля 1940 г. к обвиняемым по делам о выпуске недоброкачественной промышленной продукции.

Для судебной практики очень важно регулярно изучать и обобщать дела этой категории, намечать основные меры предупреждения этих преступлений. Огромное значение имеют сообщения соответствующим руководящим органам о недостатках в работе промышленных предприятий, выявленных судом при рассмотрении дел о выпуске недоброкачественной продукции (в нашей республике эти мероприятия применяются еще очень недостаточно). Большое значение по предупреждению преступлений имеет освещение в печати или в приказах министерства, ведомства приговоров по делам этой категории. Необходимо, чтобы на промышленных предприятиях чаще читались лекции и доклады по разъяснению советских законов, направленных на борьбу с выпуском недоброкачественной продукции (следует отметить, что общество по распространению научных и политических знаний нашей республики и его отделения не уделяют должного внимания этому важному делу и лекции на эту тему организовывают плохо).

Судебные работники, рассматривая дела о выпуске недоброкачественной продукции, должны усилить воспитательное воздействие суда, памятуя, что судебный процесс воспитывает не только лиц, непосредственно участвующих в том или ином деле, но и лиц, остающихся равнодушными к преступному выпуску недоброкачественной промышленной продукции.

Необходимо организовывать судебные процессы на промышленных предприятиях, а затем широко освещать их в печати. Вообще судебные работники должны уделять больше внимания воспитательной работе в борьбе с выпуском недоброкачественной промышленной продукции, более широко разъясняя опасность преступлений этого рода для Советского государства.

Вопросы, связанные с ответственностью за выпуск недоброкачественной продукции, недостаточно освещаются в нашей печати. Ряд вопросов, как, например, возмещение вреда, соучастие и др., в теории нужным образом не решен. Поэтому важно, чтобы ученые-юристы уделяли больше внимания вопросам уголовной ответственности за выпуск недоброкачественной продукции, поддерживая более тесную связь с практическими работниками юстиции.

При рассмотрении судами дел о выпуске промышленными предприятиями недоброкачественной продукции и вынесении приговоров с назначением меры наказания неразрывно связано возмещение бракоделами ущерба, причиненного государственной и общественной собственности.

Суды в большинстве случаев оставляют открытым вопрос о возмещении ущерба потому, что причиненные убытки от выпуска недоброкачественной промышленной продукции составляют в ряде случаев крупные суммы, суды же часто придерживаются мнения, что таких крупных сумм виновники все равно не смогут возместить, а поэтому и признание возмещения ущерба является бесцельным.

Из обобщения судебной практики судов Литовской ССР по делам о выпуске недоброкачественной, некомплектной и нестандартной продукции видно, что суды нашей республики из общей суммы причиненного бракоделами ущерба взыскали лишь 16%.

При рассмотрении дел этой категории гражданские иски о возмещении ущерба нередко даже не обсуждаются или совсем не возбуждаются.

Несомненно, такое положение является недопустимым. Для разрешения этого вопроса необходимо, чтобы Пленум Верховного суда СССР дал всем судам руководящие указания.

В судебной практике редко встречаются дела, где за выпуск недоброкачественной промышленной продукции были бы привлечены соучастники этого преступления. Между тем необходимо, чтобы органы суда тщательно выясняли по этим делам вопрос о привлечении к уголовной ответственности также и соучастников преступления. Поскольку в указе от 10 июля 1940 года и в соответствии с этим в ст. 128-а, ч. 1, УК РСФСР ограничен круг лиц, отвечающих за выпуск недоброкачественной промышленной продукции, то соучастников следует привлекать к уголовной ответственности как за должностные преступления или по другим статьям УК РСФСР (кроме ст. 128-а, ч. 1) в зависимости от характера преступления соучастников.

Мне кажется, что проф. А. Трайнин дает неправильную ориентировку относительно квалификации преступления соучастников: «Как известно, ст. 128-а предусматривает уголовную ответственность за выпуск недоброкачественной продукции «директоров, главных инженеров и начальников отделов технического контроля». Однако и здесь это указание конкретных субъектов не исключает возможности ответственности по соучастию. Так, если начальник цеха разными способами и средствами способствует главному инженеру или директору завода в выпуске недоброкачественной продукции, он должен отвечать как соучастник по ст.ст. 17 и 128-а, ибо они оба совершили одно и то же преступление — выпуск недоброкачественной продукции»¹.

Взгляд проф. А. Трайнина в части квалификации соучастников по ст. 128-а УК противоречит указу от 10 июля 1940 г., п. 2, и ст. 128-а, ч. 1, УК, ибо в этих законах определен круг должностных лиц — исполнителей, отвечающих за выпуск недоброкачественной промышленной продукции, и расширение этого круга есть нарушение закона. Об этом указано, например, в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 18 декабря 1940 г. по делу мастера-лаборанта Куртова: в указе в числе должностных лиц — «ответственных за выпуск недоброкачественной и некомплектной продукции» не указана та категория работников, к числу которой относится Куртов, поэтому он по указу от 10 июля 1940 г. не мог быть осужден².

Однако нельзя и формально подходить к определенным должностным лицам — директор, главный инженер, начальник отдела технического контроля, — так как иногда эти функции выполняются должностными лицами под другими названиями, существующими в различных промышленных предприятиях.

¹ А. Н. Трайнин, Состав преступлений по советскому уголовному праву Госюриздат, 1951, стр. 304.

² См. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегии Верховного суда СССР», 1941, стр. 167.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО ДЕЛАМ О ВЗЫСКАНИИ ПРЕМИАЛЬНОГО ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ

А. Зайкин

Кандидат юридических наук

В нашей социалистической промышленности, кроме сдельной и повременной заработной платы, широко применяется как дополнительная система премиальная оплата труда, являющаяся одной из важных форм осуществления принципа материального поощрения работающих.

Сущность премиальной системы оплаты труда состоит в том, что работникам сверх основного заработка выплачивается дополнительное вознаграждение (премия) за выполнение и перевыполнение определенных количественных и качественных показателей производственного плана. Это вознаграждение устанавливается либо в процентах к должностному окладу или тарифной ставке работника либо в процентах к сумме достигнутой экономии. Премиальная система усиливает материальную заинтересованность работников в результатах их труда, способствует росту производительности труда, снижению себестоимости продукции, увеличению выпуска высококачественной продукции. В связи с последними постановлениями ЦК КПСС и Правительства о расширении производства и улучшении качества промышленных и продовольственных товаров правильное применение премиальной системы оплаты труда приобретает особенно важное значение.

При рассмотрении трудовых споров о взыскании премиального вознаграждения судебные органы должны исходить из необходимости обеспечить последовательное осуществление социалистического принципа оплаты по труду, решительно пресекать какой-либо произвол некоторых хозяйственных руководителей, неосновательно лишаящих работников полагающейся им премии.

Для правильного разрешения вопроса о принятии к производству судом дел о взыскании премиального вознаграждения необходимо иметь в виду те признаки, по которым премиальное вознаграждение, предусмотренное соответствующими положениями о премировании работников, отличается от другого рода премий, носящих единовременный характер, например, от премий, выплачиваемых по результатам социалистического соревнования.

Правовое отличие между ними состоит в следующем.

Премии, выплачиваемые на основании положений о премировании работников, основаны на заранее определенных и индивидуализированных объективных показателях. Работники при достижении этих показателей имеют право на получение премий. Такими объективными показателями являются: а) выполнение и перевыполнение месячного плана производства по товарной продукции при условии выполнения плана по валовой продукции; б) соблюдение заданной номенклатуры по основным изделиям и выполнение плана по себестоимости продукции и т. д. Премии, выплачиваемые отличившимся в социалистическом соревновании работникам, не основываются на заранее определенных объективных показателях работы каждого отдельного работника или группы

работников. Вопрос о таких премиях решается на основе общей оценки работы того или иного работника хозяйственным руководителем и общественными организациями.

Размер и сроки выплаты премий, являющихся периодической доплатой к должностному окладу или к тарифной ставке работника, точно установлены положениями о премиальных системах заработной платы. При премировании по результатам Всесоюзного социалистического соревнования устанавливается лишь, какая часть присужденной предприятию премии может идти на индивидуальное премирование работников. При премировании из фонда директора последний по согласованию с фабрично-заводским комитетом профсоюза устанавливает общую сумму, которая в течение года может быть израсходована на индивидуальное премирование. Размер премии, выплачиваемой в этих случаях работнику, и сроки выплаты этих премий заранее не устанавливаются.

Вопрос о премии, выплачиваемой на основании положений о премировании работников, может быть предметом спора в РКК и в судебных органах. Вопрос же о выплате премий по результатам социалистического соревнования, зависящих от общей оценки производственной деятельности работника администрацией и общественными организациями, не может рассматриваться в РКК и судебных органах и относится исключительно к компетенции вышестоящих хозяйственных и профсоюзных органов.

Вопрос о подведомственности дел о взыскании премиального вознаграждения принципиально решен постановлением Пленума Верховного суда СССР от 11 января 1952 г. «О судебной практике по гражданским трудовым делам». В п. 11 этого постановления говорится: «Иски рабочих и служащих о взыскании премиального вознаграждения подлежат судебному рассмотрению лишь в тех случаях, когда премия является периодическим вознаграждением, обусловленным самой системой оплаты труда в данном предприятии и учреждении, основанной на объективных показателях работы, а не носит характера поощрительного вознаграждения, выплачиваемого по усмотрению администрации. Обращение с таким иском в суд может последовать после рассмотрения спора о выплате премиального вознаграждения в РКК, если спор не получил разрешения в РКК или решение по этому вопросу РКК было отменено в порядке надзора президиумом областного или центрального комитета профсоюза. При разрешении таких дел суды должны иметь в виду, что вопросы об установлении размера премии (процент к должностному окладу, процент к сумме достигнутой экономии и т. п.) не входят в компетенцию суда»¹. Этот пункт постановления Пленума Верховного суда СССР не всегда единообразно применяется судами. Одни суды считают, что определение размера премии не может являться предметом судебного спора, другие же суды считают, что вопрос об определении размера премии может быть предметом судебного рассмотрения.

В этом отношении характерно дело по иску Г. к Всесоюзному институту «Гипростройматериалы». Народный суд 2-го участка Щербаковского района Москвы и судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда, разбирая это дело, стали на точку зрения, что споры об определении размера премии не могут быть предметом судебного рассмотрения. Отменяя решение народного суда 2-го участка Щербаковского района и определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда по этому делу, судебная коллегия Верховного суда РСФСР высказала другую точку зрения, а имен-

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1952 г. № 3, стр. 4—5.

но: суды могут рассматривать вопросы об определении размера премии. Различная трактовка вопроса о подведомственности судам споров о размерах премирования работников объясняется, как нам представляется, неточностью редакции п. 11 указанного постановления Пленума Верховного суда СССР, в котором не раскрыто выражение «установление размера премии не входит в компетенцию суда».

Конечно, суды не вправе устанавливать такие размеры премий, которые не предусмотрены в соответствующих положениях о премиях. Но вместе с тем это не означает, что суды не имеют права вообще рассматривать споры о размерах причитающихся премий в соответствии со шкалой той или иной системы премирования.

Для правильного решения этого вопроса необходимо учитывать, что действующие положения о премировании в одних случаях устанавливают твердый размер премии, в других случаях лишь максимальный размер. Следует прийти к выводу, что в тех случаях, когда размер премии действующим премиальным положением устанавливается абсолютно определенно (например, 40% месячной тарифной ставки или твердая сумма), суды могут взыскивать в пользу рабочих и служащих премии в установленном размере. В тех же случаях, когда по премиальным положениям размер премии является относительно определенным (например, до 30% оклада работника), а определение точного размера премии предоставляется администрации, суды могут рассматривать лишь вопрос о том, добился ли истец в своей производственной работе выполнения показателей, дающих ему право на получение премии, и, если это доказано, суды могут в своих решениях установить право работника на премию и определить размер премии применительно к тем размерам, которые определены администрацией для аналогичной категории работников.

Необходимо, чтобы Пленум Верховного суда СССР дал дополнительное указание о применении п. 11 постановления от 11 января 1952 г.

Действующими премиальными положениями установлено, что премии назначаются в тех случаях, когда работники достигли установленных показателей премирования, основанием же для начисления премий за выполнение и перевыполнение плана согласно положениям о премировании инженерно-технических работников являются только данные бухгалтерской отчетности. Это требование положений о премировании должно строго и безусловно проводиться в жизнь. Однако некоторые суды при рассмотрении дел о взыскании премиального вознаграждения нарушают это требование.

Так в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР по иску Кузина и Андриянова к конторе треста турбинного бурения о 2168 р. 40 к. говорится, что народный суд 1-го участка Сталинского района г. Баку неправильно удовлетворил иск инженерно-технических работников о выплате премиального вознаграждения, так как в основу своего решения положил справку директора конторы, а не данные бухгалтерской отчетности¹.

Премирование работников по премиальным положениям производится по результатам работы за месяц, а иногда за квартал. В последнем случае полный расчет по премиям производится по окончании квартала в зависимости от результатов работы за данный период. Поэтому работникам, уволенным до окончания квартала, полный расчет премии по результатам работы за квартал не может производиться.

¹ См. „Судебная практика Верховного суда СССР“ 1951 г. № 5, стр. 25—26.

Эта точка зрения подтверждается судебной практикой. Например, в решении народного суда 3-го участка Фрунзенского района Москвы по делу К. указывается, что истец, работая заведующим отделом в оптово-розничном магазине конторы «Мединструмент», не получил премии за первый квартал и просит взыскать ее. Ответчик иска не признал и пояснил, что истец в первом квартале работал всего один месяц — январь, а остальные месяцы не работал. Премии же согласно приказу министра здравоохранения выплачиваются по результатам работы за квартал. План за январь был выполнен всего на 87,6%. Исходя из того, что К. в выполнении квартального плана не участвовал, суд в иске ему отказал.

В практике применения премиальной системы заработной платы возникают и другие вопросы: можно ли премировать работников основных цехов при отсутствии экономии по фонду заработной платы в целом по предприятию? как производить премирование при замещительстве? можно ли лишать премии за нарушение трудовой дисциплины?

Необходимо рассмотреть эти вопросы, поскольку они являются предметом рассмотрения в судебных органах.

На предприятиях ряда отраслей промышленности (например, авто-тракторной, пищевой и др.) премии инженерно-техническим работникам основных цехов выплачиваются вне зависимости от экономии по фонду заработной платы предприятия, а на предприятиях других отраслей промышленности (например, машиностроительной) премии работникам основных цехов выплачиваются лишь при наличии экономии по фонду заработной платы на предприятии в целом.

При разрешении подобного рода споров о премиальном вознаграждении суды безусловно должны руководствоваться теми положениями о премировании, которые действуют на предприятиях, где работают истцы.

При замещении отсутствующего работника в течение более двенадцати рабочих дней премирование замещающего работника производится по шкале премирования, установленной для отсутствующего работника (если размер премии, предусмотренный шкалой премирования, для замещающего работника установлен меньше, чем для замещаемого работника). Между тем на практике администрация некоторых предприятий не выплачивает премий (при достижении определенных показателей премирования) работникам, замещающим отсутствующих работников.

П. обратился в народный суд 3-го участка Пролетарского района Москвы с иском к одному из московских заводов о выплате причитающейся ему премии. Суд установил, что истец П. согласно распоряжению по цеху металлопокрытий от 8 октября 1951 г. был назначен исполняющим обязанности сменного мастера, которые он выполнял до 6 февраля 1952 г., но за два месяца премии ему не выплатили. Суд признал, что иск на основании постановления ВЦСПС от 8 мая 1939 г. подлежит удовлетворению, так как исполнение истцом обязанностей мастера было соответствующим образом оформлено и продолжалось четыре месяца, причем истец заместителем мастера не являлся.

Действующие положения о премировании предоставляют министру, начальнику главного управления и директору предприятия право лишать премии полностью или частично руководящих и инженерно-технических работников за отдельные производственные упущения в работе, как-то: невыполнение плана по себестоимости продукции, невыполнение отдельных номенклатур плана, нарушение технологического процесса, ухудшение качества продукции, несоблюдение графика отпуска продукции, допущение аварий, перерасход сметы цеховых расходов сырья, топлива, электроэнергии, перерасход фондов заработной платы и т. п. Для инже-

нерно-технических работников вспомогательных цехов и участков задания по снижению себестоимости не устанавливаются, и потому невыполнение задания по снижению себестоимости не может служить основанием лишения премий этих работников. Что касается рабочих, то правом лишения или уменьшения размера премий этой категории работников обладают начальники цехов, основанием же лишения или уменьшения размера премии рабочих служит невыполнение ими определенных показателей (например, допущение аварии по вине работника, увеличение брака и т. п.).

При разрешении споров о взыскании премиального вознаграждения в связи с лишением его работников за допущенные производственные упущения суды могут проверять лишь наличие или отсутствие производственного упущения работника, не входя в рассмотрение степени производственного упущения. Если же суд установит, что работник допустил производственное упущение, он должен отказать этому работнику в удовлетворении его иска о выплате премиального вознаграждения.

В ряде ведомственных положений о премировании рабочих одним из оснований полного или частичного лишения рабочих премии является нарушение трудовой дисциплины.

Вопрос о возможности лишения премий или сокращения их размера как меры дисциплинарного взыскания за нарушение трудовой дисциплины возник на предприятиях ряда отраслей промышленности. Поэтому рядом министерств даны следующие указания: пунктом 20 типовых правил внутреннего трудового распорядка для рабочих и служащих государственных, кооперативных и общественных учреждений и предприятий, а также пунктом 7 постановления ЦИК и СНК СССР от 13 октября 1929 г. «Об основах дисциплинарного законодательства СССР и союзных республик» установлены исчерпывающие перечни дисциплинарных взысканий, налагаемых за нарушения трудовой дисциплины. Лишение премий или сокращение размеров премий в этих перечнях не предусмотрено, а потому и не может применяться в качестве дисциплинарного взыскания за нарушения трудовой дисциплины. Лишение премий полностью или частично возможно лишь за производственные упущения в работе.

Такое решение вопроса находит отражение и в практике народных судов. Так народный суд 4-го участка Фрунзенского района Москвы по делу № 42—389 установил, что истец Ш., работающий участковым слесарем по ремонту стрелок трамвайного пути, 25 декабря 1949 г., получив от дежурного по дистанции указание прекратить работу в утренней смене и выйти на работу в вечернюю смену, не выполнил этого распоряжения потому, что одна из стрелок была неисправна и требовала срочного ремонта. За отказ от выполнения этого распоряжения администрация снизила истцу Ш. премию за 30%. Суд признал, что за невыполнение распоряжения администрация вправе была наложить дисциплинарное взыскание, а не снижать премию, и на основании этого удовлетворил иск Ш. о выплате полной премии. Подобное же решение вынес народный суд 3-го участка Пролетарского района Москвы по иску В. В. работает слесарем-водопроводчиком в прессовом цехе, в декабре 1949 года ему была снижена премия на 80 руб., а в феврале 1950 года на 100 руб. В решении суд указал, что премиальная оплата труда предусмотрена за достижение определенных показателей в работе. Никаких сведений о том, что истец этих условий не выполнил, ответчик не представил. Как видно из выписок расчета премий, снижение премий истцу В. было произведено в порядке дисциплинарного взыскания за нарушение трудовой дисциплины, т. е. в нарушение ст. 20 типовых правил внутреннего трудо-

вого распорядка, не предусматривающей подобных взысканий. Суд взыскал в пользу В. причитающуюся ему премию.

В связи с тем, что ни в типовых правилах внутреннего трудового распорядка, ни в постановлении ЦИК и СНК СССР от 13 октября 1929 г. «Об основах дисциплинарного законодательства СССР и союзных республик», ни в последующих законодательных актах о трудовой дисциплине, ни в типовых положениях о премировании работников не предусмотрено такой меры дисциплинарного взыскания за нарушение трудовой дисциплины, как лишение премии полностью или частично, представляется правильной точка зрения о том, что администрация не имеет права лишать полностью или частично премии работников за нарушение трудовой дисциплины, если они достигли показателей работы, дающих им право на получение премий. Правильной является и практика народных судов Фрунзенского и Пролетарского районов Москвы по делам о взыскании премиального вознаграждения.

Лишение или уменьшение размера премии должно оформляться приказом с указанием в нем причин этого. Некоторыми министерствами даны специальные разъяснения, согласно которым лишение или уменьшение размера премий инженерно-технических работников и рабочих может производиться лишь приказом по предприятию с обязательным указанием причин такого лишения или уменьшения премии, с объявлением под расписку самим работникам. Приказы должны вывешиваться на видном месте.

Такой порядок исключает произвольное, неосновательное лишение или уменьшение размеров премий. Между тем на некоторых предприятиях этот порядок нарушается. В качестве примера можно указать решение народного суда 3-го участка Пролетарского района Москвы по иску З., работающего на одном заводе старшим мастером, которому начальник цеха завода снизил премию за декабрь 1949 года на 50% без оформления распоряжением по цеху. Ввиду того, что снижение премии З. не оформлено распоряжением по цеху, а из выписки по расчету премии нельзя установить, за что конкретно снижена премия за декабрь, суд удовлетворил иск З. и взыскал в его пользу причитающуюся ему премию.

Рассматривая иски о премиальном вознаграждении, народные суды обязаны внимательно исследовать все материалы дела, активно содействовать укреплению законности в деятельности предприятий при применении этой системы оплаты труда.

НЕРАЗРЕШЕННЫЕ ВОПРОСЫ ПО ИСКАМ ИЗ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ¹

Л. Майданик

В повседневной судебной практике по делам о возмещении вреда, причиненного увечьем или смертью кормильца, при определении судами размера присуждаемого возмещения возникает ряд важных и принципиальных вопросов, не находящихся своего разрешения ни в действующем гражданском законодательстве, ни в руководящих постановлениях Пленума Верховного суда СССР.

Такое положение приводит на практике к разноречию и к нарушению принципа единообразия при разрешении судами вопросов, затрагивающих существенные интересы ответчиков — государственных предприятий — и одновременно жизненно-важные интересы истцов — потерпевших.

Не ставя себе целью исчерпать всю сумму возникающих на практике спорных вопросов, касающихся порядка определения размера возмещения вреда, причиненного здоровью, приводим отдельные из них.

Вопрос об определении среднего заработка потерпевшего ко дню несчастного случая. — Правильное определение размера подлежащего удовлетворению иска потерпевшего (размера возмещения) находится в прямой зависимости от правильного определения того среднего заработка, который имел потерпевший до несчастного случая.

Между тем у судов до сих пор нет четкого правового критерия, которым они могли бы руководствоваться при определении среднего заработка потерпевшего. По этому вопросу никаких указаний в законе нет. Единственное руководящее постановление Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г. говорит, что суд: а) определяет размер возмещения в соответствии со «средним заработком потерпевшего за двенадцать календарных месяцев, а при временной нетрудоспособности — за два календарных месяца, предшествующих несчастному случаю» (п. 7), б) учитывает при этом не только помесичную заработную плату по месту основной работы, но и всякий иной заработок потерпевшего, носящий регулярный характер.

Однако эти указания Пленума Верховного суда СССР явно недостаточны для разрешения возникающих на практике вопросов. Пленум Верховного суда оставил открытым ряд важнейших вопросов:

1) Как должен исчисляться средний заработок потерпевшего, если он в последние двенадцать календарных месяцев до несчастного случая работал фактически, например, лишь один, четыре или восемь месяцев? Примеры: потерпевший по окончании высшего учебного заведения был направлен на работу и через четыре месяца получил увечье; потерпевший ранее работал в колхозе и после одного месяца работы на заводе получил травму; рабочий получил увечье через восемь месяцев после

¹ Редакция считает необходимым скорейшее издание Пленумом Верховного суда СССР постановления, которое разрешало бы вопросы, связанные с исками из причинения вреда здоровью.

поступления на работу, а до поступления на нее имел по тем или иным причинам длительный перерыв в работе. Должен ли средний месячный заработок потерпевшего в этих случаях определяться, исходя из заработка потерпевшего за фактически проработанное время, деленного на двенадцать или на количество фактически проработанных месяцев (один, четыре, восемь)?

2) Какие именно отрезки времени и виды вознаграждения потерпевшего должны учитываться в течение двенадцатимесячного периода, предшествовавшего месяцу несчастного случая? В частности: а) учитывается ли время, оплаченное пособием по временной нетрудоспособности, или это время должно быть исключено из предусмотренного п. 6 постановления Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г. двенадцатимесячного периода, и соответственно этому — включается ли пособие по больничным листам в сумму заработка за двенадцать месяцев или нет? б) учитывается ли время простоя рабочего по его вине или по вине предприятия в двенадцатимесячный период до несчастного случая или это время должно быть исключено?

Во всех случаях, когда на основании трудового законодательства следует производить выплату трудящемуся вознаграждения за определенное время по среднему заработку, способ исчисления последнего подробно регулируется специальными для определенных случаев нормами.

В этих нормах содержится ответ на поставленные выше вопросы. Однако суд, разрешая иски, вытекающие из ст. ст. 403—415 ГК, не может заимствовать эти нормы, поскольку они, во-первых, применяются к сфере трудовых, а не гражданско-правовых споров, и поскольку, во-вторых, в соответствии с особенностями регулируемых ими различных правоотношений они разрешают одни и те же поставленные выше вопросы различно. За отсутствием правовых норм, регулирующих порядок определения среднего заработка потерпевшего в делах о возмещении вреда, суды вынуждены решать этот вопрос по своему усмотрению, что ведет к вынесению судами различных решений при однородных фактических данных.

Вопрос об определении размера возмещения вреда, связанного с утратой трудоспособности, в случаях причинения увечья несовершеннолетнему. — По этому вопросу имеется руководящее указание Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г., согласно которому суд при удовлетворении иска о возмещении вреда, причиненного здоровью несовершеннолетнего, обязан вынести решение «о признании за потерпевшим права на возмещение по достижении им 16-летнего возраста убытков за потерю трудоспособности» (п. 11 названного постановления).

Однако способ определения этих убытков не предусмотрен никакими правилами или руководящими указаниями высших судебных органов, если не считать в значительной степени устаревшего постановления Пленума Верховного суда РСФСР от 16 мая 1927 г.

Поэтому у судов по этой категории дел при определении размера возмещения сплошь и рядом возникают затруднения, тем более серьезные, если учесть, что суд не может в этих случаях положить в основу расчетов заработка потерпевшего, поскольку он как несовершеннолетний ко дню увечья его не имел.

Несовершеннолетние потерпевшие, достигшие 16-летнего возраста, когда у них согласно п. 11 постановления Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г. возникает право на возмещение вреда за потерю трудоспособности, не имеют, как правило, никакой квалификации.

В нашей стране, в которой существует обязательное семилетнее

образование и осуществляется согласно решениям XIX съезда партии переход к обязательному десятилетнему образованию, несовершеннолетние в возрасте 16 лет не имеют квалификации потому, что учатся или в средней школе или в системе производственно-технического обучения, где квалификацию они приобретут лишь в будущем.

В связи с таким положением суд затрудняется приравнять на основании ст. 415 ГК потерпевшего в отношении заработка к лицу определенной квалификации.

Приравнение же потерпевших несовершеннолетних учащихся в отношении заработка к работникам неквалифицированного труда было бы явно неправильным, поскольку в наших условиях отсутствие квалификации обусловлено, как правило, возрастом потерпевшего, незаконченной учебой или незаконченным процессом приобретения квалификации.

Как определить условный заработок потерпевшего несовершеннолетнего, если отсутствие у него квалификации обусловлено именно тяжестью причиненной ему травмы, лишаящей его возможности, хотя бы в исключительных случаях, получить квалификацию и работать? И на этот вопрос нет ответа ни в законе, ни в руководящих указаниях Пленума Верховного суда СССР.

Вопрос о зачете заработка потерпевшего, продолжающего работать, в счет присуждаемого возмещения. — В нашей стране созданы все условия для трудоустройства лиц, получивших увечье и ставших в связи с этим инвалидами, и для улучшения таким образом их материального положения. Поэтому потерпевшие, утратившие в связи с травмой трудоспособность лишь частично, продолжают, как правило, работать и после несчастного случая.

В связи с этим в судебной практике возник вопрос: какое влияние оказывает получаемый потерпевшим после несчастного случая заработок на размер присуждаемого возмещения?

В соответствии с определениями Судебной коллегии Верховного суда СССР по гражданским делам за последний период суды ныне применяют в случаях работы потерпевшего после несчастного случая принцип зачета заработка потерпевшего в счет присуждаемого возмещения.

Однако вопрос о порядке и сфере применения зачета заработка потерпевшего, как затрагивающий большинство дел о возмещении вреда, причиненного здоровью, является настолько важным и принципиальным, что он должен найти свое четкое и авторитетное разрешение или в законе или в руководящих указаниях Пленума Верховного суда СССР.

В частности, вызывает сомнение целесообразность применения принципа зачета заработка в случаях, когда в качестве истцов выступают граждане инвалиды I и II группы, или по повторным искам, по которым ранее присуждался размер возмещения, соответствовавший уровню заработной платы, существовавшему много лет назад.

Необходимо также разъяснить, как следует понимать право зачета заработка потерпевшему: о зачете какой части заработка идет речь? Ибо, по существу, подлежит зачету не весь получаемый потерпевшим заработок, а только часть его. Отсутствие указаний о том, какая часть заработка потерпевшего подлежит зачету, на практике приводит к многочисленным ошибкам при исполнении решений суда — к ошибкам, иногда серьезно ущемляющим законные интересы граждан.

Все эти вопросы, как нам представляется, безотлагательно требуют разрешения Пленумом Верховного суда СССР.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВЫШЕСТОЯЩЕГО СУДА

Э. Куцова

Ст. преподаватель Московского юридического института

Содержанием деятельности вышестоящих судов является обеспечение законности и обоснованности приговоров, обжалованных или опротестованных в установленном законом порядке. Рассматривая жалобы и протесты, вышестоящие суды содействуют законности и обоснованности не только данного, отдельного приговора, по поводу которого принесена жалоба (протест). В процессе рассмотрения жалоб вышестоящие суды осуществляют руководство судебной практикой, повышают общий уровень судебной и следственной работы, содействуют наиболее правильному разрешению и тех дел, которые не попадают в поле зрения вышестоящего суда, поскольку приговоры по ним не обжалуются. Эта сторона деятельности вышестоящих судов имеет очень большое значение.

Вышестоящий суд, рассмотрев дело в связи с поступившей к нему жалобой, в своем определении дает ответ жалобщику, указывает суду (или органам расследования) на допущенные нарушения, вскрывает их причину и дает указания о наиболее целесообразных путях и методах исправления допущенных ошибок. Каждое отдельное определение вышестоящего суда помогает суду или органу расследования уяснить, в чем состоят ошибки по делу, почему они стали возможными и т. д. Иными словами, значение постановленного по конкретному делу определения не отходит в прошлое, оно сохраняется для руководства в последующей деятельности данного судебного или следственного органа, содействуя тому, чтобы подобные ошибки не допускались ими впредь.

Изучение определений вышестоящих судов помогает широкому кругу судей четко представлять конкретные задачи советского правосудия в каждый данный момент, облегчает приобретение практических навыков правильного применения общих норм закона к конкретным жизненным случаям, помогает уяснить значение отдельных правовых норм. Определения вышестоящих судов имеют значение не только для ограниченного круга судебных органов, принимающих участие в разрешении дела, по которому состоялось данное определение. Влияние определений вышестоящих судов выходит за пределы как того отдельного дела, в связи с которым оно постановлено, так и того судебного или следственного органа, которому оно непосредственно адресуется.

Успешно служить своему назначению определения вышестоящих судов могут лишь при условии, если они не только правильны по существу, но и понятны. Поэтому с точки зрения формы и содержания определения вышестоящих судов должны отвечать ряду требований.

Каждое определение должно содержать выраженное в четкой форме решение, принимаемое по жалобе или протесту. Понятием решения охватывается не только то конечное суждение, к которому пришел суд (приговор оставить в силе, отменить, изменить), но и те указания, которые даются суду первой инстанции или органам расследования.

Указания вышестоящего суда являются важным элементом его определений, о чем свидетельствует законодательное закрепление обязатель-

ности их для суда первой инстанции (ст. 423 УПК РСФСР). Практика Верховного суда СССР признает недопустимым при отмене приговоров выносить определения без каких-либо указаний органам суда или расследования.

Указания, содержащиеся в определениях, должны способствовать наиболее быстрому и правильному разрешению конкретного дела, действовать вынесению законного и обоснованного приговора. Поэтому они должны быть предельно ясными, четкими, исключающими всякое сомнения при их исполнении. В качестве положительного примера четкой формулировки даваемых указаний можно привести определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 11 октября 1952 г.: «Для решения вопроса о виновности Казарина и Гогачева необходимо выяснить, во-первых, имел ли Казарин разрешение правления и общего собрания колхоза на израсходование 200 кг колхозной ржи для приобретения леса для ремонта колхозной мельницы, во-вторых, знали ли Казарин и Гогачев о том, что приобретаемый и вывозимый ими лес похищен Солуяновым из вверенного ему лесного участка. Если будет установлено, что Казарин и Гогачев знали, что приобретаемый и вывозимый ими лес похищается Солуяновым, и у него была договоренность, что они приобретут у него похищенный лес, то тогда действия Казарина и Гогачева надлежит квалифицировать как соучастие в хищении леса. В этом случае, если Казарин не имел соответствующего разрешения на израсходование колхозной ржи для приобретения леса на нужды колхоза, но как он, так и Гогачев не были осведомлены о хищении Солуяновым приобретаемого ими леса, тогда действия Казарина надлежит квалифицировать по ст. 109 УК РСФСР, а в действиях Гогачева в этом случае не будет состава преступления»¹.

Учитывая обязательность для судов первой инстанции указаний, содержащихся в определениях, вышестоящие суды обязаны тщательно продумывать указания и основывать их на материалах дела.

В своем подавляющем большинстве определения вышестоящих судов отвечают указанному требованию. Вот один из примеров. В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 17 октября 1951 г. сказано: «В материалах дела по обвинению Рыжова о вымогательстве взяток имеются противоречивые данные. Так Фролов, Зотов, Родионов и Хрулев изобличали Рыжова в вымогательстве взяток. Однако рабочие Назаров, Петрушин, Русаков и др. заявили, что, работая в бригаде Рыжова, они взяток ему не давали и не слышали, чтобы Рыжов вымогал взятки от кого-либо из рабочих. Основной свидетель обвинения Родионов, по заявлению которого было возбуждено уголовное дело против Рыжова, в народном суде был изобличен в лжесвидетельстве, и суд вынес определение о привлечении его к ответственности по ст. 95 УК РСФСР. Свидетели Зотов, Хрулев и др. дают неконкретные показания касательно времени, размера и места дачи взятки. Кроме того, из показаний рабочих видно, что Рыжов никаких административных прав не имел. При таких условиях необходимо установить, за что все рабочие давали Рыжову взятки, если они имели место в действительности, и могли Рыжов влиять на назначение рабочих на более выгодные участки работы»².

От степени убедительности определений вышестоящего суда во многом зависит сила их влияния на судебную практику. Содержащиеся в определении указания должны не только соответствовать обстоятель-

¹ „Судебная практика Верховного суда СССР“ 1953 г. № 1, стр. 14.

² „Судебная практика Верховного суда СССР“ 1952 г. № 1, стр. 23—24.

ствам дела, но и согласовываться с конечным выводом, к которому приходит вышестоящий суд. Например, если вышестоящий суд вскрывает пробелы следствия и указывает, как эти пробелы могли бы быть восполнены, то таким указаниям должно соответствовать решение об отмене приговора с передачей дела на новое рассмотрение¹.

Имея целью не только помочь исправить допущенные ошибки, но и предотвратить возможность их совершения в будущем, вышестоящие суды должны в определениях указывать, какие допущенные по делу нарушения обусловили неправосудность приговора и почему совершение (или, наоборот, несовершение) определенных действий является недопустимым, влекущим отмену или изменение приговора.

Наши суды второй инстанции действуют в условиях гласности. Итогом их важной и сложной деятельности является выносимое определение, убедительность которого в значительной мере определяет воспитательное воздействие этих судов. Убедительность определений должна быть их неотъемлемым качеством. Для того чтобы определение было убедительным, оно должно быть обосновано. Обоснование принимаемого решения, его мотивировка — обязательный элемент каждого определения суда.

Как указал Пленум Верховного суда СССР, отсутствие мотивировки определений или ее неполнота понижают ответственность вышестоящих судов за качество выносимых ими определений и способствует формальному отношению к рассмотрению дел; противоречит принципам советского суда, лишая подсудимых права знать, по каким мотивам отклонена жалоба; в случае отмены приговора лишает возможности суд первой инстанции понять, какие ошибки, им допущенные, повлекли неправосудность приговора и каковы пути их исправления.

В УПК РСФСР нет нормы, прямо обязывающей вышестоящие суды мотивировать определения. Но ст. 421 УПК РСФСР, указывающая на содержание рассматриваемых определений, требует по существу и их мотивировки.

Верховный суд РСФСР еще в 1923 году признал, что приговор и кассационные определения должны составляться в совещательной комнате сразу в окончательной форме и с надлежащей мотивировкой. Тем самым было признано, что мотивировка является обязательным элементом каждого определения независимо от характера изложенного в нем решения. Обязанность вышестоящих судов мотивировать принимаемые определения подтвердило и первое совещание судебных и прокурорских работников в 1939 г. Та же точка зрения выражена в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 1 декабря 1950 г.

Между тем и сейчас имеют место случаи вынесения определений, не отвечающих этому требованию. Поэтому необходимо выяснить, что конкретно следует понимать под требованием мотивированности определений. Практика Верховного суда СССР дает ответ на этот вопрос.

Прежде всего, указанное требование означает обязанность суда обосновать принимаемое определение материалами дела. В качестве примера четкого обоснования материалами дела принятого решения можно привести определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР по делу Максалиева, признанного виновным в том, что, работая помощником заведующего 3-го промысла треста «Орджоникидзенефть», незаконно отпустил шоферу три ведра белой нефти. Находя, что приговор подлежит отмене, а дело прекращению, Судебная коллегия в обоснование своего решения приводит следующие обстоятельства дела: «Обвиняемый Максалиев свои действия объясняет тем, что во время

¹ См. «Судебная практика Верховного суда СССР» 1941 г. № 3, стр. 5.

освоения скважины № 593 ему необходимо было перебросить туда инструменты и оборудование. Так как на промысле автотранспорта не было, он был вынужден воспользоваться услугами шофера Андрианова. Показания обвиняемого Максалиева на суде подтвердили свидетели Бабаев и Кицман. Кроме того, материалами дела установлено, что, если бы Максалиев промедлил с переброской инструмента в действующую буровую, промыслом было бы потеряно большое количество нефти. При наличии в деле таких данных осуждение Максалиева было необоснованным».

Принимая определение по жалобе или протесту, вышестоящий суд обязан подвергнуть критике тот доказательственный материал, который положен в основу отменяемого или изменяемого приговора. Верховный суд СССР неуклонно предъявляет такое требование к определениям вышестоящих судов¹.

В ряде случаев, мотивируя определение, суд не может ограничиться ссылкой на обстоятельства дела и критикой доказательств, положенных в основу отменяемого или изменяемого приговора: он должен привести свои соображения о том, например, почему при допущенных нарушениях приговор не может быть оставлен в силе.

Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Карело-Финской ССР Горбенко за систематическое разбазаривание сенокосных угодий колхоза был приговорен к двум годам лишения свободы условно. Судебная коллегия Верховного суда СССР, признав приговор подлежащим отмене, в обоснование своего определения привела следующие соображения: «Учитывая, что своими действиями Горбенко допустил грубое нарушение Устава сельскохозяйственной артели, идущее вразрез с неоднократными указаниями Партии и Правительства об организационном укреплении колхозов, и что при этих условиях назначение ему условного наказания не соответствует тяжести совершенного им преступления...»².

Практика Верховного суда СССР показывает, что мотивировать принимаемое решение не только фактическими данными, но и своими выводами, соображениями вышестоящий суд должен в тех случаях, когда без такого рода указаний его решение будет неубедительным, либо тогда, когда допущенные нарушения столь существенны, что вышестоящий суд своим мнением о характере подобных нарушений полагает подчеркнуть их абсолютную недопустимость.

Например, суд первой инстанции признал обоснованным ходатайство обвиняемого о включении в число экспертов, назначенных судом, эксперта, указанного им. Однако после заявления вновь назначенного эксперта о предоставлении ему недельного срока для заключения суд устранил его от экспертизы, мотивируя это затяжкой дела. Не ограничиваясь простым констатированием допущенного нарушения, влекущего отмену приговора, Судебная коллегия Верховного суда СССР мотивирует признание ею такого решения суда (об эксперте) незаконным: «Подобная мотивировка суда явно незаконна, так как суд не может ущемлять право подсудимого и отказывать в удовлетворении ходатайства только потому, что выполнение его требует затраты определенного времени»³.

Положительное обоснование материалами дела принятого решения, критический разбор доказательств, положенных в основу отменяемого

¹ „Судебная практика Верховного суда СССР“ 1949 г. № 2, стр. 3; см. также „Судебная практика Верховного суда СССР“ 1948 г. № 6, стр. 3; 1951 г. № 2, стр. 6—7.

² „Судебная практика Верховного суда СССР“ 1950 г., вып. VI, стр. 7—8.

³ „Судебная практика Верховного суда СССР“ 1952 г. № 8, стр. 23.

⁴ „Социалистическая законность“ № 6

или изменяемого приговора, приведение в обоснование решения определенных соображений — все это раскрывает предъявляемое к определениям вышестоящего суда требование мотивированности.

Вышестоящие суды обязаны мотивировать свои определения и при оставлении приговора в силе. В последнем случае вышестоящий суд должен, мотивируя определение, разобрать доводы жалобщика и доказать их несостоятельность¹.

В постановлении от 1 декабря 1950 г. Пленум Верховного суда СССР отмечает, что некоторые суды без достаточной ответственности подходят к изучению жалоб и протестов, не уделяют им должного внимания, не анализируют тщательно материалов дела и не сопоставляют с ними доводов, изложенных в жалобе или протесте, в результате чего имеет место вынесение ошибочных и необоснованных определений. Доводы жалобы (или протеста) всегда должны внимательно изучаться вышестоящим судом. При оставлении же приговора в силе критический разбор доводов жалобы в определении, подкрепленный ссылками на материалы дела, является необходимым условием его правильности и убедительности. Поэтому Верховный суд СССР лишает юридической силы определения, не отвечающие этому требованию, отклоняет их. Под общим заголовком «В кассационном определении при отклонении жалобы или протеста должны быть приведены доказательства, опровергающие доводы кассатора», опубликовано определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР по делу Мамедова. В определении сказано: «Верховный суд Азербайджанской ССР, рассматривая дело по кассационной жалобе осужденного, в своем определении лишь повторил содержание приговора народного суда, обстоятельные доводы кассационной жалобы Мамедова не обсудил, ограничившись общей трафаретной ссылкой на то, что все это доказано материалами дела и показаниями свидетелей, не указав конкретно, какими материалами дела и какими свидетелями».

Мотивировать определение при оставлении приговора в силе значит разобрать каждый довод кассатора и указать его несостоятельность ссылками на материалы дела или нормы закона (материального и процессуального). Следует помнить, что тщательный разбор доводов жалобы и обстоятельное обоснование решения при отклонении жалобы являются существенными гарантиями защиты интересов личности.

Каждое определение должно быть изложено четко, простым и ясным языком. В силу неразрывной связи формы и содержания небрежное изложение определений не может не сказаться на их правильности по существу и на их убедительности. Простота и ясность изложения определений тем более необходимы, что они оглашаются публично и должны быть понятны присутствующим.

¹ См. постановление Пленума Верховного суда СССР по делу Семейченко — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1949 г. № 2, стр. 9—10.

ДОГОВОР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАКУПКИ

Государственные закупки являются одной из форм заготовок сельскохозяйственных продуктов. Характерной чертой этого вида заготовок сельскохозяйственных продуктов является то, что продажа государству соответствующих продуктов производится на основании договора, заключаемого колхозом с государственным заготовительным органом или с организациями потребительской кооперации.

Одним из важнейших принципов колхозного строительства является сочетание государственного руководства колхозами с самостоятельностью и инициативой колхозников. В соответствии с этим принципом Устав сельскохозяйственной артели (ст. 11) устанавливает, что из получаемых артелью урожая и продуктов животноводства артель после выполнения своих обязательств перед государством по поставкам и натуроплате МТС и создания необходимых фондов выделяет в размерах, определяемых общим собранием членов артели, часть продуктов для продажи государству или на рынок.

Следовательно, договор государственной закупки заключается в соответствии с решением общего собрания о выделении части излишков своих продуктов для продажи государству.

По договору государственной закупки каждая из сторон приобретает определенные права и несет определенные обязанности.

Договором государственной закупки установлена ответственность сторон за невыполнение принятых на себя обязательств по договору. В случае невыполнения колхозом принятого на себя обязательства по договору на государственную закупку-продажу скота, птицы и кроликов, молока и яиц колхоз выплачивает заготовителю пени в размере 0,01% от стоимости невыполненной в срок части обязательства за каждый день просрочки. При просрочке свыше десяти дней начисление пени прекращается, и колхоз выплачивает заготовителю сверх пени неустойку в размере 1% от стоимости невыполненной в срок части обязательства.

В договоре на государственную закупку-продажу скота, птицы, кроликов и молока содержится указание, что в случае невыполнения колхозом принятого на себя по договору обязательства по причинам, не зависящим от колхоза (карантин, стихийное бедствие), пени и неустойки не взыскиваются. Договором на закупку картофеля, овощей и плодов установлено, что за недоставку продукции в обусловленные сроки

колхоз уплачивает покупателю пени в размере 0,05% от стоимости несданной продукции за каждый день просрочки. При невозврате полученной тары колхоз уплачивает организации потребительской кооперации стоимость ее по прейскурантным ценам, действовавшим в день отпуска тары колхозу.

Ответственность заготовительных организаций сводится к следующему: за просрочку уплаты колхозу денег за принятую продукцию заготовительный орган выплачивает колхозу пени в размере 0,05% за каждый день просрочки от стоимости принятой сельскохозяйственной продукции. Этот размер ответственности предусмотрен в каждом из типовых договоров государственной закупки. В договоре же на государственную закупку-продажу яиц предусмотрена также ответственность заготовительного органа за несвоевременную приемку яиц. В этом случае заготовительный орган выплачивает колхозу пени в размере 0,01% от стоимости не принятых в срок яиц за каждый день просрочки. При просрочке свыше десяти дней начисление пени прекращается, и заготовительный орган выплачивает колхозу неустойку в размере 1% от стоимости яиц.

В советском социалистическом обязательном праве действует принцип реального исполнения обязательства. Этот принцип выражен также в договоре государственной закупки, который устанавливает, что уплата пени и неустойки не освобождает стороны от выполнения договора. В связи с этим возникает вопрос: вправе ли заготовительный орган предъявлять в суде иск о возмещении в натуре не сданной по договору части продукции? На этот вопрос следует дать положительный ответ. Он вытекает из ст. 2 Гражданского кодекса РСФСР, согласно которой всякий спор о праве гражданском разрешается в судебном порядке. Что касается имущественной ответственности организаций потребительской кооперации за невыполнение принятых на себя обязательств по продаже колхозу товаров, то такая договором государственной закупки не установлена. В договоре содержится лишь общий пункт, что правление райпотребсоюза несет ответственность за продажу товаров колхозу. Само собой разумеется, что к колхозу нельзя применять какие-либо санкции за отказ от покупки товаров в организации потребительской кооперации. При сдаче продуктов по договору государственной закупки колхоз приобретает право на покупку товаров в организации потреби-

тельской кооперации, но не обязанность. Поэтому колхоз может этим правом и не воспользоваться. Договор государственной закупки нельзя свести к обычному договору купли-продажи, предусмотренному ст. 180 ГК РСФСР. Договор государственной закупки имеет свои серьезные особенности.

Отличительные черты договора государственной закупки-продажи заключаются в следующем:

а) Продажа сельскохозяйственных продуктов по договорам государственных закупок производится по плану. План государственных закупок утверждается правительством.

б) Договоры государственных закупок заключаются на длительный срок (на год). Сдача сельскохозяйственных продуктов по договорам государственных закупок производится постепенно (раз в квартал, раз в месяц).

в) Договор на государственную закупку заключается на условиях, установленных соответствующими постановлениями Совета Министров СССР и ЦК КПСС. Стороны не вправе по своему соглашению изменять эти условия.

г) При заключении договоров государственных закупок колхозам выдаются заготовительными организациями денежные авансы.

д) Колхозам, продающим государству сельскохозяйственную продукцию, в порядке встречной продажи продаются промышленные изделия производственного и хозяйственного назначения.

Такая система государственных закупок позволяет заранее планировать количество продукции, поступающей сверх обязательных поставок, а колхозы и колхозники гарантированы, что сумеют приобрести необходимые товары.

В связи с тем, что договор на государственную закупку-продажу является гражданско-правовым договором, возникает вопрос: распространяется ли на данный договор действие общих положений обязательственного права Гражданского кодекса?

Договор на государственную закупку-продажу не охватывает всего круга отношений, возникающих в связи с продажей колхозом продукции заготовительному органу. Рассмотрим, к примеру, момент перехода права собственности на проданную колхозом продукцию по договору государственной закупки и связанный с этим риск случайной гибели проданного имущества. Эти вопросы договором государственной закупки не предусмотрены. Допустим, что колхоз в исполнение принятого на себя обязательства по договору на государственную закупку-продажу доставил на заготовительный пункт «Заготскот» животное и что до приемки его заготовительным органом это животное случайно погибнет. Кто в этом случае должен нести риск случайной гибели животного — колхоз или

заготовительный орган? Поскольку договор государственной закупки является гражданско-правовым договором, при разрешении судом такого спора надлежит руководствоваться ст. ст. 66 и 186 Гражданского кодекса РСФСР и соответствующими статьями гражданских кодексов других союзных республик. Это означает, что право собственности от колхоза к государству на проданные сельскохозяйственные продукты по договору государственной закупки переходит с момента их передачи заготовительному органу (ст. 66. ГК) и одновременно с этим к заготовительному органу переходит риск случайной гибели (ст. 186 ГК).

Или рассмотрим другой вопрос. Заготовительный орган обязуется принимать доставленное на пункт приемки молоко не позднее тридцати минут после его доставки. Допустим, что по вине работников заготовительного органа молоко в указанный срок не будет принято. Задержка с приемкой молока может привести к тому, что оно потеряет качество и по этой причине не будет принято заготовительным пунктом, — тем самым колхозу будут причинены убытки. Договор на государственную закупку не предусматривает возможности взыскания убытков в таких случаях. Может ли это обстоятельство послужить основанием для освобождения заготовительного органа от ответственности? Нам представляется, что нет. Статья 117 Гражданского кодекса, устанавливающая, что в случае неисполнения должником обязательства он обязан возместить кредиторю причиненные неисполнением убытки, распространяется и на данный договор. Поэтому в указанном примере заготовительный орган обязан возместить колхозу причиненные ему убытки.

Таким образом, мы приходим к выводу, что общие положения обязательственного права и нормы Гражданского кодекса должны также применяться к договору государственной закупки. Однако эти нормы должны применяться в дополнение к нормам, содержащимся в договоре на государственную закупку, т. е. они должны применяться лишь в той мере, в какой то или иное отношение сторон не регулируется договором на государственную закупку. В тех же случаях, когда отношения сторон, связанные с закупками сельскохозяйственных продуктов, регулируются договором на государственную закупку, должны применяться только нормы договора. Например, договором на государственную закупку-продажу скота, как указано, предусмотрено, что в случае невыполнения колхозом принятого на себя обязательства по договору в установленные сроки колхоз выплачивает заготовителю пени в размере 0,01% за каждый день просрочки от стоимости не выполненной в срок части обязательства. При просрочке свыше десяти дней начисление пени прекращается и колхоз выплачивает заго-

товителю неустойку в размере одного процента от стоимости не выполненной в срок части обязательства. В этом случае заготовительный орган не вправе взыскивать с колхоза, помимо пени и неустойки, каких-либо убытков, вызванных неисполнением колхозом договора.

Договором государственной закупки предусмотрено, что все возможные возникнуть при выполнении договора споры разрешаются в судебных органах.

При разрешении вопроса о подсудности (родовой и территориальной) этих споров следует руководствоваться общими положениями, установленными для разрешения споров, по которым одной из сторон является колхоз. Это означает, что все споры колхозов с заготовительными органами, связанные с договором государственной закупки, подсудны народному суду. Что касается территориальной подсудности, то она определяется ст. 27 ГПК РСФСР и соответствующими статьями ГПК других союзных республик, т. е. иск предъявляется народному суду, в районе которого находится правление колхоза или соответствующий орган заготовителя (правление райпотребсоюза, контора «Заготскот» и т. д.).

Споры, связанные с договором государственной закупки, должны рассматриваться в порядке искового производства со взиманием с искового заявления государственной пошлины в размере 1% с цены иска, но не ниже одного рубля (п. «д» ст. 35 ГПК РСФСР и соответствующие статьи ГПК других союзных республик). На правоотношения сторон, возникающие из договора государственной закупки, распространяется также действие ст. 44 ГК РСФСР, предусматривающей, что право на предъявление иска погашается по истечении срока, указанного в законе (исковая давность).

По этим спорам применяется общий срок исковой давности, установленный по спорам между государственными предприятиями и учреждениями, колхозами, кооперативными и общественными организациями, т. е. полтора года. Как и по другим спорам, народный суд вправе на основании ст. 49 ГК РСФСР продлить срок исковой давности, если он признает уважительными причины, по которым пропущен этот срок.

Февральско-мартовский Пленум ЦК КПСС в постановлении «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель» подчеркнул, что неуклонное соблюдение принципа материальной заинтересованности колхозов и колхозников в развитии колхозного производства должно и впредь являться повседневной заботой партийных и советских органов. Государственные закупки как форма государственных заготовок будут все больше и больше расширяться. Чем больше колхоз будет производить сельскохозяйственных продуктов, тем больше продуктов он сможет выделять для продажи государству в порядке государственных закупок, тем самым все больше и больше будут увеличиваться доходы колхозов и колхозников.

Организация государственных закупок должна проводиться на основе строгого соблюдения законности. Стороны (колхоз, заготовительная организация и организация потребительской кооперации) обязаны точно и в срок выполнять принятые на себя по договору обязательства. Органы суда и прокуратуры должны вести борьбу за соблюдение законности при проведении этой важной работы.

Б. Лисковец

Кандидат юридических наук

В ПОМОЩЬ ПРОКУРОРУ И СЛЕДОВАТЕЛЮ

НЕДОСТАТКИ В РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА

Охрана социалистической собственности, составляющей экономическую основу СССР — одна из главных задач советской прокуратуры. Эту задачу прокуратура осуществляет путем надзора за точным соблюдением законности всеми государственными и общественными организациями, а также путем возбуждения уголовного преследования против воров и расхитителей народного добра, их пособников и укрывателей. В связи с этим прокуратура должна всемерно улучшить предварительное следствие, тем более, что при расследовании хищений социалистической собственности все еще допускаются серьезные недостатки, препятствующие быстрому выявлению и наказанию преступников. Недостатки, как показывает изучение большого количества дел, имеют место на различных стадиях предварительного следствия — от возбуждения уголовного дела и до составления обвинительного заключения.

Серьезный недостаток, относящийся к возбуждению уголовного дела, — значительное опоздание с вынесением постановления о возбуждении дела. Не говоря уже о том, что с момента совершения преступления до его обнаружения проходит иногда очень значительное время, но и после обнаружения преступления дело подолгу не возбуждается. Эти задержки чаще всего объясняются необходимостью производства предварительной проверки материалов, служащих основанием для возбуждения дела. Конечно, такая проверка необходима, — грубым нарушением законности было бы возбуждение дела при отсутствии к тому достаточных оснований. Однако проверка не должна превращаться в процессуально неформальное предварительное следствие.

Прокурорскую проверку следует проводить как можно быстрее. Она должна быть достаточно полной, чтобы не было сомнений в обоснованности возбуждения дела. Например, если дело возникает в результате поступления в следственные органы акта ревизии, выявившей недостачу материальных ценностей, необходимо проверить: имеются ли в акте указания на то, у кого установлена растрата или недостача; приложены ли к акту документы, которые материально-ответственным лицом представлялись ревизорам, но не были приняты; приложены ли документы, содержащие подчистки и исправления, а также объяснения лица, у которого была выявлена растрата, хищение или недостача. При отсутствии каких-либо из этих данных

необходимо потребовать объяснений соответствующих должностных лиц о причинах отсутствия нужных материалов.

Недостатком расследования является и некритический порой подход к поступившим материалам, что влечет несобоснованное возбуждение дела.

В качестве примера можно привести такой случай. В органы милиции поступил сигнал о растрате, произведенной К., заведующим засолочным пунктом. По инициативе милиции вышестоящая хозяйственная организация назначила ревизию засолочного пункта. Если бы милицией была установлена связь с ревизором, то при ревизии выяснились бы все интересные следствия обстоятельства. Однако связи с ревизором установлено не было. Вопросы, требующие выяснения в процессе ревизии, не были поставлены перед ревизиующим. Ревизия была проведена поверхностно, ошибки в бухгалтерском учете не выявлены, не делалось даже попыток выяснить причины недостачи овощей, которая была определена ревизором в сумме 86 754 руб. К. не принимал участия в ревизии, и объяснений его при акте ревизии не было. Несмотря на явную неполноту ревизионных материалов, дело было возбуждено. После проведения экспертизы сумма недостачи снизилась до 3758 руб., причем оказалось, что она является не результатом недостачи овощей, а следствием недостачи бочек и ящиков, которые расходовались на ремонт других бочек и ящиков, но списывались не по фактическому расходу, а «на глазок». Дело пришлось прекратить.

Не всегда причиной необоснованного возбуждения дела является поспешность. Иногда некритическое отношение к ревизионным материалам сопровождается волокитой. При таких обстоятельствах возбуждено прокуратурой одного из районов Москвы дело по обвинению З. в том, что, исполняя обязанности главного бухгалтера экспедиции треста, он получил 15 234 руб. на командировки и в счет заработной платы, но не отчитался в них. З. оспаривал правильность расчетов, произведенных трестом, и доказывал, что если он и остался должен тресту, то очень незначительную сумму. Трест неоднократно менял сумму задолженности. Выверка расчетов производилась трестом в августе, т. е. тогда, когда материалы о присвоении денег З. были уже в прокуратуре. Несмотря на то, что с момента поступления материала в прокуратуру (17 мая) до момента воз-

буждения дела (10 сентября) прошло почти четыре месяца, прокуратура не произвела тщательной проверки оснований для возбуждения дела и не осуществила надзора за выверкой расчетов, сводя всю проверку к затребованию материалов от хозяйственной организации. В данном же случае следовало предложить тресту разрешить спор о размере задолженности З. в общегражданском порядке, так как собранный материал не давал оснований для возбуждения дела. В связи с отсутствием в действиях З. состава преступления дело судом прекращено.

В приведенных выше (и других аналогичных) случаях распространенной ошибкой следственных органов является то, что они часто не учитывают, что ревизор лишь записывает факт и редко принимает меры к выяснению его причин; иногда ревизор даже знает о наличии документа, подтверждающего, что никакого хищения или растраты не было, но он, считая, что документ этот не оформлен надлежащим порядком, вместо отражения этого в акте, просто не принимает его и выводит крупные недостатки.

Необоснованно иногда возбуждаются дела и в связи с задержанием с поличным. При таких обстоятельствах было возбуждено дело по обвинению колхозника С. в хищении 25 кг овса, принадлежащего колхозу. Вместе с С. была привлечена к уголовной ответственности Т., домашняя хозяйка, проживающая в непосредственной близости от пункта «Заготзерно», куда С. вместе с другими колхозниками прибыл сдавать колхозный овес. Как выяснилось при расследовании, на пункте овес сначала не был принят, так как не отвечал предъявляемым к зерну требованиям, и колхозники подрабатывали зерно на площадке около пункта «Заготзерно». Пошел дождь, и верхний слой овса был подмочен. С. сгреб этот слой и просушил его отдельно, уже после сдачи на пункт «Заготзерно» всего подработанного овса. Просушенное зерно, сыпанное в мешок, он временно оставил в сених квартиры Т., куда с ее разрешения ставил лопаты и другой инвентарь, привезенный из колхоза. Закончив все личные дела, С. взял у Т. лопаты и пр. и мешок с овсом и направился к дороге, ведущей в колхоз, чтобы сесть на попутную автомашину, так как машина, привозившая зерно, уже ушла. В это время С. был задержан охранником «Заготзерно», который доставил его на территорию пункта и составил акт о задержании с якобы похищенным зерном. Акт был передан в прокуратуру района, где без всякой проверки возбудили дело. Возбудив так поспешно дело, прокуратура не проявила оперативности в расследовании, следствие велось три месяца с лишним. Допрошенный председатель колхоза показал, что колхозница, едвшая вместе с С. сдавать овес и вернувшаяся, не дождавись С., в колхоз с попутной

автомашинкой, говорила ему, что около двух пудов овса не сдано на пункт и что этот овес привезет С. После длительной волокиты дело пришлось прекратить.

В ряде случаев при основательном возбуждении дела преступления остаются нераскрытыми в силу недостатков, допускаемых при расследовании. Анализ многих дел такой категории показывает, что при правильном ведении предварительного следствия имелись все возможности раскрыть преступление и изобличить виновных.

Большое значение для всего расследования обычно имеют первичные следственные действия (исключением являются лишь дела о хищениях и недостачах, выявленных при ревизиях,— тогда развернутый план предварительного следствия, как правило, можно составить сразу же после изучения поступивших материалов). К первичным следственным действиям в большинстве относятся осмотр места происшествия и обыски. В ряде случаев возникает необходимость в срочном изъятии документов, имеющих существенное значение для дела, в розыскных действиях и в наложении ареста на имущество.

Осмотр места происшествия обязателен в случаях, когда налицо взлом дверей, окон, столов, замков, пролом стен, потолков и т. п. Однако и при отсутствии взлома осмотр места происшествия может способствовать уточнению ряда обстоятельств, имеющих существенное значение для дела. Например, по делам, связанным с задержанием с поличным, задержанные часто при допросе отрицают факт обнаружения у них похищенного, утверждая, что оно найдено ими где-либо во дворе предприятия и что они хотели сдать его охране, но были задержаны последней. В таких случаях задержанные заявляют, что несли находку открыто, не прятали ее под одеждой. В актах же задержания, составленных работниками охраны предприятия, обычно содержатся другие данные, а именно, что задержанный нес обнаруженные у него предметы под одеждой и стремился пройти через проходную так, чтобы работник охраны не заметил выносимых предметов (акт часто подписывается начальником охраны предприятия, комендантом и другими работниками, имеющими отношение к охране предприятия). Для установления истины при расследовании обычно необходимо установление обстановки на месте задержания, т. е. выяснение, откуда и куда направлялся задержанный, как он нес обнаруженные у него при задержании ценности, кто, кроме дежурного работника охраны, был свидетелем задержания, где находились лица, подписавшие акт о задержании, и могли ли они сами видеть все то, что было зафиксировано в подписанном ими акте. Все это можно установить только путем осмотра места задержания.

В некоторых случаях следователи недооценивают значения осмотра, что приводит к значительным затруднениям при дальнейшем расследовании. Так рабочий маслозавода А. обвинялся в хищении 8 кг муки, которую он пытался вынести с территории завода, но был задержан работником охраны. Судя по данным акта задержания, А. при попытке задержать его бросился бежать от проходных ворот к цеху, чтобы оставить там обнаруженный у него мешок с мукой. По дороге он уронил куртку, накиннутую на плечи. Обвиняемый отрицал факт хищения и утверждал, что он стоял в цехе и разговаривал с другим рабочим, причем недалеко от него лежал неизвестно кому принадлежащий мешок с мукой. В это время к нему подошел охранник маслозавода и потребовал, чтобы он взял мешок и пошел с ним в проходную. Он отказался, и на этой почве у него с охранником завязалась борьба. По делу допрошен ряд свидетелей, но показания их были противоречивы: один показал, что видел, как А. выходил из цеха, причем в руках у него ничего не было; другой показал, что А. бежал по двору от ворот к цеху, а третий — что А. бежал в сторону проходных ворот и что работник охраны бежал за ним. Начальник охраны, как потом выяснилось, вообще ничего не выдал, но, полагая, что по должностному положению должен подписывать все акты, он подписал акт о задержании А. со слов дежурного работника охраны. В данном случае большое значение имел бы осмотр места происшествия, чтобы установить, куда бежал А., где лежала упавшая куртка, где находились свидетели задержания, где находился мешок с мукой и т. д. Осмотр не был произведен ни в начале расследования, ни впоследствии, в результате чего устранить противоречия между отдельными доказательствами не удалось, и дело было прекращено.

В некоторых случаях осмотр места происшествия не производится даже тогда, когда поступает заявление о взломе замка или подборе ключей, а также об обнаружении похищенного. Характерным примером служит следующее дело. Кладовщик колхоза подал заявление о том, что колхозники С. и И. совершают хищения зерна из колхозной кладовой, в результате чего у него образовалась недостача зерна. На квартирах колхозников при обыске было обнаружено зерно в количестве, превышающем полученное ими от колхоза. Привлеченные к ответственности С. и И. на допросе показали, что зерна не воровали, а купили по три пуда пшеницы у неизвестных граждан на рынке. Чтобы предъявить обвинение С. и И. в хищении колхозной пшеницы, необходимо было прежде всего установить самый факт хищения и способ его совершения. Путем осмотра надо было проверить, возможно ли вообще совершить кражу из колхозной

кладовой, как охранялась кладовая, где обычно находился сторож, какими замками запирались двери кладовой. Надо было изъять замки для производства криминалистической экспертизы в целях установления возможности открыть их подобранными ключами или иным способом. Однако ни работник милиции, возбудивший дело, ни следователь прокуратуры, к которому впоследствии оно поступило, не произвели осмотра места хищения и не изъяли замков. Естественно, что С. и И. были судом оправданы, так как нельзя обвинять кого-либо в совершении преступления, когда самый факт преступления не установлен.

Недооценка значения осмотра места происшествия проявляется не только в отсутствии осмотра, когда он по обстоятельствам дела необходим, но и в неудовлетворительном качестве осмотра. Неудовлетворительный осмотр в ряде случаев связан с неприменением научно-технических средств для выявления и фиксации следов на месте преступления.

Чтобы осмотр места преступления способствовал выявлению истины, его надо провести в определенном порядке, выявить и сохранить все следы и вещественные доказательства, причем следы следует зафиксировать при помощи научно-технических средств, имеющихся в распоряжении следователя, а вещественные доказательства изъять, упаковать и приобщить к делу.

Большое значение имеет правильное составление протокола осмотра, так как в некоторых случаях бессистемное изложение в протоколе обнаруженного при осмотре, а также занесение в него различных объяснений присутствовавших при осмотре лиц приводят к тому, что протокол теряет значение доказательства, предусмотренного Уголовно-процессуальным кодексом.

Встречаются случаи, когда осмотр и фиксирование его результатов производятся в нарушение правил, разработанных советской криминалистикой, причем нарушаются и процессуальные нормы.

В следственные органы поступило заявление заведующего магазином И. о том, что воры, совершив пролом потолка и разобрав часть дымохода, проникли в магазин и похитили разные товары. Инвентаризацией была установлена недостача товаров на 14 611 руб. Тщательный осмотр места преступления в данном случае имел исключительно большое значение. Однако у производившего осмотр возникла версия, что здесь имелась симуляция кражи, совершенная заведующим магазином, чтобы скрыть растрату, — и осматривающий не стал придавать значения обстоятельствам, имеющим большое значение для дела. Осмотр был произведен поверхностно. Данные осмотра занесены в протокол так бессистемно, что в самом протоколе оказались противоречия: указано, что на чердаке следы отсутствуют, и там же указы-

ваются, что на чердаке находились кирпичи, вынутые из дымохода, и некоторые предметы одежды из числа имевшихся в магазине для продажи. Но если на чердаке следов не было, то, чтобы установить, можно ли было положить кирпичи и пр. через пролом изнутри магазина, не вылезая на чердак, надо было точно указать, на каком расстоянии от пролома находились эти предметы. Данные осмотра следовало зафиксировать на схематическом чертеже и на фотоснимке,— этого сделано не было. Кроме того, в рукаве одного из пальто, находившихся в магазине для продажи, была обнаружена засунутая куртка, запачканная грязью. Куртка имела большое значение для дела, так как сходство грязи на куртке с грязью в проломе потолка могло разрешить вопрос о симуляции. Однако куртка изъята не была. Никаких данных о следах орудий взлома в протоколе тоже не оказалось.

Впоследствии воры были обнаружены. Выяснилось, что они проникли в магазин через чердак. Следовательно, следы на чердаке должны были быть. В данном случае неумение обнаружить следы при осмотре было выдано за отсутствие следов.

Приведенный пример наглядно показывает, что построение версии о симуляции кражи не освобождает следователя от производства тщательного осмотра места преступления, так как, если в действительности имелась кража, осмотр выявит следы этой кражи, если же имела место симуляция, то тщательный осмотр может установить отсутствие следов, которые были бы неизбежны при краже, т. е. полностью и обоснованно исключить версию о краже.

Хорошо известно, что своевременно и правильно проведенный обыск имеет большое значение для раскрытия хищений. Однако изучение ряда дел, следствие по которым не дало должных результатов и преступление не было полностью раскрыто, показывает, что обыски производились в этих случаях через четыре-пять дней после задержания заподозренных лиц. Эти обыски приносили обычно мало пользы для следствия.

Следователь, принимая решение о производстве обысков, часто неправильно определяет круг лиц, у которых следует произвести обыск: например, по делам, связанным с обвинением материально-ответственных лиц в симуляции кражи, ограничиваясь проверкой только версии о симуляции и исключая версию о краже, производит обыск лишь у материально-ответственных лиц, но не производит обыска у лиц, которые, судя по обстоятельствам дела, могли быть причастны к краже.

По делу о хищении товаров из магазина одного сельского потребительского общества к уголовной ответственности был привлечен заведующий магазином Ч. Он обвинялся в том, что, воспользовавшись кра-

жей из магазина, произведенной неизвестными лицами на сумму 10—15 тыс. руб., скрыл совершенную им ранее растрату в сумме 50—55 тыс. руб. Магазин охранялся сторожем, который в момент совершения кражи зашел якобы в помещенье сельского совета, находящееся в том же здании, погреться в незапертой прихожей и был заперт ворами снаружи. Обыск был произведен только у Ч., но не был произведен у сторожа и его родственников, тогда как поведение сторожа в ночь кражи давало основание предположить его участие в преступлении. Ч. был уличен в растрате и осужден, но воры так и не были обнаружены.

Принимая решение о производстве обыска, надо всегда тщательно подготовиться к нему, иначе может быть обнаружено не все то, что находится в обыскиваемом помещении и что имеет значение для дела.

Приведенные выше недостатки относятся главным образом к начальной стадии предварительного расследования. В других стадиях расследования встречаются другие недостатки. Отличаются они от описанных главным образом тем, что могут быть впоследствии устранены. Однако, как показывает практика, они часто не замечаются ни следователями, ни прокурором, направляющим дело с обвинительным заключением в суд. В результате дело возвращается на доследование, и сроки следствия затягиваются.

Одним из существенных недостатков предварительного следствия является волокита. В ряде случаев она выражается в больших разрывах между отдельными следственными действиями. В результате допрошенные однажды свидетели иногда уезжают, уезжают и лица, которые причастны к событию, но не привлечены в качестве обвиняемых (это иногда рассматривается как уклонение от следствия и суда, хотя никаких оснований для этого нет).

Существенными недостатками предварительного следствия по делам о хищениях являются увлечение одной версией и бесплановость ведения предварительного следствия в целом. Органы расследования часто намечают версию правильно, но допускают ошибку, заключающуюся в игнорировании других возможных версий. Непроверенные своевременно версии возникают вновь при рассмотрении дела в суде, дело возвращается на доследование, но проверить их оказывается уже трудно. Например, следствие, казалось бы, достаточно полно доказало растрату, совершенную материально-ответственным лицом. Однако не была проверена версия о краже материальных ценностей не материально-ответственными работниками склада или магазина или посторонними лицами. Поскольку не было доказано отсутствие краж, вся цепь собранных доказательств растраты разрывается, и дело возвращается на доследование.

Существенное значение в ряде случаев при расследовании хищений государственного и общественного имущества имеет предъявление для опознания лиц и вещественных доказательств. Однако это следственное действие только тогда принесет пользу для дела, если будет проведено с соблюдением всех требований Уголовно-процессуального кодекса и правил, разработанных советской криминалистикой. Перед тем, как предъявить для опознания лицо или предмет, опознающий должен был быть подробно допрошен о том, по каким признакам он может опознать человека или предмет. Нельзя предъявлять для опознания человека одного, а обязательно следует предъявлять его в числе других лиц. К подбору лиц, предъявляемых для опознания совместно с заподозренным лицом, нельзя относиться формально: надо стремиться, чтобы они были примерно одного возраста с заподозренным, чтобы были, по возможности, одинаково одеты (например, абсолютно недопустимо предъявлять заподозренного человека среднего возраста совместно с подростками и т. п.). То же относится к предъявляемым для опознания предметам, т. е. они должны быть сходны между собой по размеру, фактуре, цвету и т. п.

В качестве примера того, как не следует проводить опознание, можно привести следующий случай.

Заведующая ларьком на рынке заявила милиции о краже у нее из ларька одной пары кожаных ботинок неизвестным гражданином, который пришел под видом покупателя. Оставив в ларьке свою помощницу, заведующая ларьком с целью обнаружить украденные ботинки отправилась в ту часть рынка, где производилась продажа разных вещей с рук. Вскоре она задержала и передала милиционеру неизвестного, который продавал ботинки, украденные в ларьке. Задержанный С. заявил, что ботинки для продажи ему дал некий Р., который находится где-то на рынке. Вскоре Р., по указанию С., был задержан, причем милиционер приводил Р. в ларек, где заведующая ларьком Д. видела его. В процессе расследования Р. в числе двух других лиц (а именно С. и еще одного гражданина) был предъявлен Д. для опознания в нем вора, похитившего ботинки. Такое предъявление для опознания было явно формальным, так как Д., задержав С. на рынке, тогда же заявила, что ботинки украдены в ларьке, но украл их не С., а кто-то другой. Затем к ней в ларек приводили Р., как задержанного вора. Естественно, что Д. опознала именно Р., но не потому, чтобы она его запомнила в момент кражи, а потому, что видела Р., когда милиционер приводил его в ларек. Такое опознание, конечно, не могло явиться убедительным доказательством по делу.

Хорошо известно, какую большую роль в расследовании хищений играют вещественные доказательства. Поэтому все то,

что может явиться вещественным доказательством по делу должно быть выявлено, изъято, осмотрено и приобщено к делу. Следователь обязан обеспечить не только сохранность самого вещественного доказательства, но и сохранить его доказательственное значение. Поэтому нельзя сдавать на хранение вещественные доказательства в неопечатанном виде. Следует избегать также оставления на хранение вещественных доказательств в тех помещениях, откуда эти предметы были похищены. Например, оставлять отобранный при обыске мешок с зерном, тем более в неопечатанном виде, на хранение в кладовой колхоза, откуда, по предположению, это зерно могло быть похищено, — ни в каком случае нельзя. Известно много случаев, когда впоследствии обвиняемые утверждали, что при обыске у них было изъято не чистое зерно, а сметка, и что зерно, которое приобщено к делу в качестве вещественного доказательства, является не тем зерном, которое было изъято при обыске. Так как зерно хранилось в колхозной кладовой, а мешки хотя и были опечатаны, но имели много заллат, опровергнуть утверждения обвиняемых было трудно.

Ошибки такого рода, допускаемые в процессе предварительного следствия, могут быть иллюстрированы следующим случаем. Работница сахарного завода Ф. обвинялась в хищении с завода 15 кг неочищенного сахара. Сахар у Ф. был отобран и без установленного для вещественных доказательств осмотра сдан в лабораторию завода. Для чего этот сахар был сдан в лабораторию, установить не удалось, но известно, что исследованию он не подвергался. Ф. на предварительном следствии признавала себя виновной, но на суде заявила, что сахар был подобран ею с земли в грязном виде. Допрошенный судом в качестве свидетеля старший химик сахарного завода П. показал, что отобранный у обвиняемой сахар являлся очистками, полученными при разборке труб, и к употреблению не пригоден. На предварительном следствии этот свидетель даже не допрашивался, а другие свидетели были допрошены неполно. Понятно, что направлять дело в таком виде в суд было невозможно.

Непосредственное отношение к вещественным доказательствам имеют криминалистическая, товароведческая, технологическая и иные виды экспертиз. Однако эксперт только тогда может дать определенное заключение, когда материалы для экспертизы хорошо подготовлены, а вопросы эксперту поставлены юридически и технически грамотно. К сожалению, и в этом отношении встречаются еще серьезные недостатки, мешающие раскрытию преступлений. В данном случае для следствия одинаково вредны как недооценка значения экспертизы и неназначение ее тогда, когда она безусловно необходима, так и переоценка роли экспертизы, особенно некритическое отношение следователя к заключению эксперта.

Так при расследовании хищения товаров из магазина сельского потребительского общества на сумму около 5000 руб. совершенно правильно была выдвинута версия о растрате, совершенной заведующей магазином С., и о симуляции ею кражи. Из протокола осмотра места происшествия было видно, что потолок магазина взломан (оторваны доски). Некоторые свидетели показывали, что накануне обнаружения кражи видели С. на чердаке магазина и слышали стук, который она объяснила тем, что отламывала доски от ящика. Но осмотр места происшествия был произведен неудовлетворительно. Не было установлено расположение товаров относительно пролома потолка. Отсутствовал чертеж, дающий возможность определить конструкцию перекрытий. Не было принято никаких мер к розыску орудий взлома и фиксации следов на месте взлома. Не был изъят топор, имевшийся в магазине, несмотря на то, что были основания предполагать, что именно этим топором были приподняты доски потолка. Не были изъяты и топоры, имевшиеся у сторожа магазина, а также на квартире С. В результате проведение криминалистической экспертизы стало невозможным.

Допускается иногда серьезная ошибка, заключающаяся в смешении понятий «тожестьво» и «сходство». Отожествить, например, топор по следу на доске — это значит установить, что топор, который является вещественным доказательством, есть тот самый топор, который применялся преступником для взлома и оставил след на доске. Совершенно ясно, что отожествить зерно, отобранное у заподозренного лица при обыске, невозможно, так как нет таких признаков, которые позволили бы утверждать, что это то самое зерно, которое находилось в складе и было похищено. Значит, в данном случае речь может идти не о тожестве, а о сходстве зерна, отобранного при обыске, с зерном, находящимся на складе. Признаками сходства могут быть: сорт зерна, влажность, характер примесей и их количество и т. д. Это — признаки, имеющие значение для дела, так как они могут явиться косвенными доказательствами. Делать однако вывод о хищении только потому, что зерно сходно, безусловно нельзя. Переоценка такого доказательства часто ведет к недостаточному выявлению других доказательств и к невозможности

раскрыть преступление. К сожалению, известно значительное количество случаев возвращения дел на доследование именно потому, что обнаруживалась неполнота следствия, вызванная переоценкой значения отдельных доказательств.

Допрос, как известно, играет очень большую роль в расследовании, но и тут встречаются серьезные недостатки. Объясняется это тем, что при допросе заносится в протокол все, что говорит допрашиваемый, без каких-либо уточнений, так как допрашивающий не подготовился к допросу.

Какие же выводы можно сделать из всего сказанного?

Прежде всего, необходимо, чтобы прокуроры требовали безусловного выполнения органами милиции ст. 99 УПК РСФСР (и соответствующих статей УПК других союзных республик) в части немедленного уведомления прокурора о возбужденных делах, где имеются признаки преступления, предусмотренного в ст. 108 УПК. Совершенно недопустимо, чтобы следствие по таким делам доводилось до конца в органах милиции, а затем повторялось следователем. Нарушения требований ст. 99 УПК РСФСР приводят к волоките и снижению качества следствия.

В то же время надо усилить прокурорский надзор за расследованием преступлений, не указанных в ст. 108 УПК, так как исправить допущенные в начале расследования ошибки тогда, когда дело поступает к прокурору для утверждения обвинительного заключения и направления в суд, обычно бывает уже трудно.

Надо более широко применять при расследовании хищений государственного и общественного имущества те технические средства, которыми теперь оснащены все следователи, — это значительно поможет выявлению и закреплению доказательств, подлежащих представлению в суд. Большую роль в этом деле должны сыграть следственные отделы прокуратур республик, краев и областей, а также Всесоюзный научно-исследовательский институт криминалистики Прокуратуры СССР, обязанный помочь следователям освоить лучшие методы ведения предварительного следствия и содействовать обмену опытом между следователями.

Г. Карнович

Кандидат юридических наук

ИЗЖИТЬ БЮРОКРАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ РУКОВОДСТВА РАБОТОЙ ПРОКУРАТУРЫ РАЙОНА

Прокуратура района — основное и решающее звено в системе органов прокуратуры. Состояние законности и уровень организации борьбы с преступностью в области, в республике есть в известной мере результат правильной или неправильной линии в деятельности районных прокуратур. Поэтому вопросы, связанные с руководством районными прокуратурами, должны являться главными во всей деятельности областных, краевых и республиканских прокуратур.

Указания ЦК КПСС о решительном изжитии канцелярско-бюрократических методов в руководстве и о замене их живым делом, живым и непосредственным общением с людьми имеют прямое отношение и к органам прокуратуры, в частности к прокуратурам районов.

Надо сказать, что за последнее время в методах руководства органов прокуратуры ничто не изменилось. Остается такое положение, как будто в этом деле все обстоит благополучно и изменять нечего. Между тем руководство деятельностью прокуратур страдает большими недостатками и требует серьезного улучшения.

Работа прокуратур районов по осуществлению надзора за законностью в местных органах государственной власти и управления, на предприятиях и в колхозах многообразна и велика по объему. Разбросавшись и распылившись в своем стремлении охватить все учреждения и предприятия своим надзором, маленький аппарат прокуратуры района часто упускает главное и важное для данного времени и наиболее существенное для данного района. Определить границы работы и ее направление может только работник, обладающий большим опытом и высоким уровнем политической подготовки, но и такому работнику нужна помощь.

Невозможна действенная помощь вышестоящей прокуратуры районному прокурору путем письменных и циркулярных указаний, которые, как правило, никогда не могут учитывать особенностей района и фактически возможностей аппарата районной прокуратуры. Помощь может быть сколько-нибудь действенной только в виде живого и непосредственного руководства на месте при конкретном разрешении возникающих вопросов. Однако до сих пор крайне редко случаи выезда руководящих ра-

ботников областных, краевых прокуратур в районы для непосредственного налаживания и организации работы. Это не только не становится методом руководства, но это не делается даже в тех случаях и относительно тех прокуратур, где из месяца в месяц отмечаются крайне неудовлетворительные результаты работы.

Уже в течение полутора лет в Московской городской прокуратуре на каждом совещании по всем разделам отмечается неудовлетворительная работа прокуратуры Щербаковского района; в большом количестве писем, обзоров, приказов перечисляются недостатки в ее работе. Между тем руководители прокуратуры Москвы, хотя и бывали в прокуратуре Щербаковского района, ничего практически не сделали, чтобы правильно организовать работу этой прокуратуры.

Отделы областных и краевых прокуратур не считают главным в своей работе организацию и направление работы прокуратур районов, а прежде всего и больше всего занимаются текущей работой областного масштаба. Это приводит к тому, что связь отделов областных прокуратур с районными недостаточна, влияние их на состояние работы прокуратур районов очень слабо. При осуществлении же надзора за областными организациями и учреждениями отделы областных прокуратур недостаточно используют материалы прокуратур районов.

Зональные прокуроры все еще очень редко бывают в районах. Даже в условиях Москвы, где от прокуратуры города до любой прокуратуры района расстояние определяется несколькими десятками минут пути, зональные прокуроры таких отделов, как отдел общего надзора, гражданско-судебный отдел, уголовно-судебный отдел являются редкими гостями в районных прокуратурах. В тех же случаях, когда они там появляются, они заняты главным образом сбором фактов и материалов, необходимых для очередного доклада кого-либо из руководителей прокуратуры города на предстоящем совещании. Больше того, существующий аппарат зональных прокуроров полностью подменяет непосредственное руководство прокурора области и его заместителей.

Периодические комплексные ревизии в прокуратурах района проводятся формаль-

но. Бригады в процессе ревизии заняты исключительно сбором и описанием в акте ошибок, недостатков и отрицательных сторон в работе, но совершенно не раскрывают причин недостатков, не помогают в устранении этих причин. Поэтому акты ревизии из года в год и по форме и по содержанию мало чем отличаются один от другого.

Еще худший характер носят проверки по отдельным вопросам, проводимые вышестоящими прокуратурами. Проверка в январе 1953 года в прокуратуре Пролетарского района работу по жалобам, помощник прокурора Москвы т. Киндяков не ознакомил никого в прокуратуре района с обнаруженными им недостатками в работе и представил доклад прокурору Москвы. В марте 1954 года т. Киндяков, даже не выезжая в район, по статистическим отчетам определил состояние этой работы в районе и по телефону предупредил прокурора района о недостатках. На предложение прокурора района приехать в район и ознакомиться с работой помощников прокурора района т. Киндяков заявил, что в его обязанности не входит заниматься с помощниками прокурора района, так как для этого в районе есть прокурор района. Только порочный стиль бюрократической работы может привести работника вышестоящей прокуратуры к такому пониманию своих задач.

Функциональные отделы вышестоящих прокуратур, осуществляя руководство работой прокуратуры района по своему разделу, часто забывают, что прокуратура района — единая организация и всякая работа в ней может и должна проводиться комплексно. Эффективность работы прокуратуры района, учитывая малочисленный состав ее аппарата, может быть достигнута только собранной и целеустремленной, направленной работой всего оперативного состава: наиболее действенный результат может быть получен, если работа следователя по расследованию преступления дополнена общенадзорной проверкой в системе, где раскрыто преступление; более богатый материал для предупредительных мер может быть получен, если общенадзорная проверка будет дополнена обобщением или анализом судебной практики по гражданским делам, и т. д. Отсутствие же в вышестоящих прокуратурах тесной связи между функциональными отделами, в силу чего каждый отдел ставит перед прокуратурой района свои задачи, приводит к распылению сил в последних.

Все эти недостатки в руководстве прокуратурами районов существуют только потому, что в работе вышестоящих прокуратур прокуратура района не занимает должного места.

В основу оценки вышестоящей прокуратурой работы прокуратуры района из-за отсутствия живой повседневной связи меж-

ду ними, как правило, кладутся только сухие цифры статистического отчета. Поэтому оценка по статистическим цифрам иногда выглядит так: критикуется неудовлетворительное качество расследования — возвращено судом на доследование 20% дел. А в действительности возвращено одно дело из пяти, направленных в суд. Конечно, спорить трудно: один из пяти арифметически точно составит 20%. Если добавить, что в статистическом отчете никак не отражается, что дело возвращено на доследование по ходатайству прокурора, участвовавшего в судебном процессе, в связи с изменением некоторыми свидетелями показаний, то станет понятно, чего стоит подобная критика и оценка работы.

Существующая оценка работы только по цифрам, без раскрытия их содержания, приводит к очень уродливым последствиям. По статистическим данным оценивается работа следователей в зависимости от среднего количества дел, оконченных расследованием, на одного следователя, причем за единицу принимается любое дело, независимо от его сложности и объема. Например, в прокуратуре Москвы считают необходимым стремиться к тому, чтобы эта средняя статистическая цифра равнялась семи-восьми. Такое положение создало нездоровое стремление к окончанию большего количества дел — любых дел — только для числа. Некоторые прокуратуры стали регулярно ставить «рекорды», оканчивая в среднем на одного следователя по десять дел в месяц. Что же скрывается за этими цифрами? Оказывается, что большое количество дел в этих прокуратурах составляют дела по ст. 140 «б» УК РСФСР, т. е. следователь прокуратуры района в ущерб подлинной работе по раскрытию преступлений стремится возбудить и закончить возможно большее количество дел для счета. Нужны ли к этому какие-либо комментарии о вреде и опасности подобной ориентации следственного аппарата?

Необходимо отказаться от руководства районными прокуратурами на основе статистических данных и перейти к живому руководству, основанному на глубоком знании подлинной обстановки в районе.

Не занимает прокуратура района должного места и в деятельности юридических научных учреждений и юридических институтов и факультетов университетов. Нет повседневной деловой связи между научными учреждениями и прокуратурами районов, даже в условиях Москвы, где имеется ряд научных учреждений (Институт права Академии наук, Всесоюзный институт юридических наук, Юридический институт, Юридический факультет университета и научно-исследовательский институт криминалистики Прокуратуры СССР). Такая связь принесла бы большую пользу и работе районных прокуратур и самим научным учреждениям.

Ограничены возможности практических работников прокуратуры района в освещении ее работы в печати. Единственный журнал «Социалистическая законность» отводит очень мало места на своих страницах для освещения работы низового звена прокуратуры.

Партия и правительство, стоя на страже интересов широчайших масс трудящихся

нашей страны, высоко подняли принцип законности в деятельности органов управления, а это обязывает к серьезнейшему укреплению основного и решающего низового звена Прокуратуры СССР — прокуратуры района.

А. Завгородненко

Прокурор Пролетарского района
Москвы

СОВЕРШЕНСТВОВАТЬ РАБОТУ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ

В работе областных, краевых и республиканских органов прокуратуры имеются серьезные недостатки. Бесконечные совещания и заседания, большие постановления, рассылка множества приказов и директив в районные и городские прокуратуры — все это до последнего времени было признаком хорошего стиля руководства областных, краевых и республиканских прокуроров.

По плану работы прокуратуры Орловской области на первый квартал 1954 года было намечено двенадцать оперативных совещаний при прокуроре области, или в среднем по четыре совещания в месяц. Бывают еще и неплановые совещания. Основные оперативные работники областного аппарата вместо непосредственной работы занимаются подготовкой докладов, проектов постановлений или просят живая на совещаниях.

Статистическая отчетность в работе органов прокуратуры загромождена множеством различных показателей — на составление такого отчета прокуроры затрачивают несколько дней.

Такое положение является большим пороком в работе. Статистическая отчетность должна быть сокращена. Нужно дать больше самостоятельности городским и районным прокурорам, меньше определять круг их повседневной работы директивами вышестоящих прокуроров. На месте видней, где больше недостатков и на что следует направить свои усилия. Ни одна директива, как бы хороша она ни была, не может охватить всей конкретной действительности в каждом городе и районе. Об этом свидетельствуют многочисленные факты.

В Урицком районе в 1953 году и в начале 1954 года было допущено много нарушений Устава сельскохозяйственной артели; повторяются нарушения, осужденные постановлением Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 19 сентября 1946 г. как противохозяйственные и противогосударственные. Долг службы обязывал прокуроров проявить инициативу и направить свои

усилия на ликвидацию этих нарушений. Но прокуратура области в январе 1954 года дает мне указание проверить в ряде колхозов района соблюдение ст. 14 Устава сельскохозяйственной артели в части освобождения от работы беременных женщин-колхозниц за месяц до родов и на месяц после родов, с сохранением за ними на время отпуска половины среднего заработка. Таких нарушений в наших колхозах нет, и моя проверка оказалась бесполезной. В феврале 1954 года я получил задание от прокурора области обобщить практику по делам несовершеннолетних. Но дел этой категории в районе не проходило, и обобщать нечего. Это должны были знать в прокуратуре области по статистическим отчетам, тем не менее мне пришлось отвечать.

А сколько таких, а то и более разительных примеров в целом в органах прокуратуры по СССР? В ряде органов прокуратуры выработалась вредная практика, когда виновным считают всегда подчиненных работников, а не начальников. Критика снизу в журнале «Социалистическая законность» является весьма редким явлением.

Количество директив и разовых заданий надо сократить до минимума, а сами директивы и задания должны быть тщательно продуманными.

Канцелярско-бюрократический стиль руководства в некоторых органах прокуратуры привел к тому, что основные оперативные работники областных, краевых и республиканских прокуратур специализировались на составлении директив, докладов, проектов и отчетов. Оторванные от живого практического дела в городских и районных прокуратурах, они зачали в кабинетах, свой прежний богатый практический опыт растеряли, а обогатили себя огромным накопленным за последние годы опытом низовых работников на практической работе не могли. На этой почве зародились вредные для дела излишний формализм и шаблон в работе органов прокуратуры. Стали разрабатываться по трафарету вы-

ступления прокуроров в суде с обвинительной речью, планы расследования преступлений, формы докладов и различных актов, тогда как марксистско-ленинская наука о руководстве учит, что каждое положение, хорошее для одних условий, может оказаться непригодным для других.

В связи со значительным сокращением преступности в стране во многих сельских районах в порядке ст. 100 УПК РСФСР не задерживают в месяц ни одного человека или задерживают одного-двух. При проверке камер предварительного заключения в большинстве случаев задержанных и арестованных нет. Здравый рассудок подсказывает написать о результатах проверки небольшую справку (как это мы пишем при проверке соблюдения законов в порядке общего надзора), — а больше, собственно, и писать нечего. Но стоит только отступить от общего шаблона и не составить акта да не указать в акте, что заключенные обеспечиваются питанием по установленной норме, что жалоб и заявлений от них не поступало, как сейчас же отдел по надзору за органами милиции присылает замечание и указывает на нарушение соответствующего пункта инструкции. Печально, но это правда!

В Демьяновском районе Новгородской области два участка суда, один из них расположен на расстоянии 40 км от районного центра, помощника у прокурора нет, железнодорожного сообщения с отделенным участком нет. Прокурору сельского района, строящему свою работу в соответствии с задачами, поставленными сентябрьским и февральско-мартовским Пленумами ЦК КПСС, необходимо выезжать по долгу службы в колхозы. Но если прокурор Демьяновского района в связи с этим не сумел дать заключение в суде по трудовому или алиментному делу, сейчас же от него гражданско-судебный отдел требует объяснения о причинах невыполнения приказа Генерального Прокурора СССР № 106. А ведь в данном случае и объяснять нечего: причины понятны без объяснений.

Объем работы прокурора сельского района огромен: в большинстве районов имеются пятнадцать-двадцать сельских советов, двадцать-тридцать укрупненных колхозов, две-три машинно-тракторные станции, ряд районных организаций, а в отдельных районах один-два совхоза. Практика показывает, что до сих пор в некоторых колхозах и машинно-тракторных станциях допускаются все еще серьезные нарушения законности. Естественно, прокурор должен направлять свое внимание туда, где больше нарушений. Народные суды и органы милиции сейчас укомплектованы более подготовленными кадрами, и нарушений законов в судах и в милиции становится все меньше. Это подсказывает необходимость сократить ко-

личество установленных проверок в судах и органах милиции в сельских районах и тем самым дать возможность прокурорам уделять больше внимания колхозам, машинно-тракторным станциям и совхозам.

В своем докладе на февральско-мартовском Пленуме ЦК КПСС товарищ Н. С. Хрущев говорил, что бюрократы и волокитчики, привыкшие иметь дело только с бумагами, окажут сопротивление ликвидации канцелярско-бюрократического метода и стиля руководства. Но работники прокуратуры должны дать решительный отпор попыткам помешать совершенствованию работы аппарата всех звеньев органов прокуратуры.

Состав работников прокуратуры после постановления ЦК КПСС от 5 октября 1946 г. о расширении и улучшении юридического образования в стране значительно пополнился теоретически подготовленными кадрами. Но нельзя быть полноценным работником прокуратуры сельского района без знания сельского хозяйства. Февральско-мартовский Пленум ЦК КПСС поставил задачу перед всеми советскими и партийными кадрами, связанными с сельскохозяйственным производством, овладеть основами ведения сельского хозяйства. Между тем в разосланной в нашей области уже после февральско-мартовского Пленума программе семинарских занятий на 1954 год никаких изменений нет. Необходимо эту программу пересмотреть и изменить тематику занятий постоянно действующих семинаров оперативных работников сельских районов, а также дать им возможность изучать сельское хозяйство в агрономических кружках, организованных в районах для районного и партийного актива.

Среди работников прокуратуры многие пренебрежительно относятся к работе в сельских районах. Некоторые работники по несколько месяцев ожидают вакантной должности в городском или областном аппарате, на работу же в сельские районы отказываются ехать под всякими предлогами.

Работа в сельских районах — почетное дело. Управление кадров Прокуратуры СССР, отделы кадров прокуратур республик, краев и областей должны преодолеть сложившиеся неправильные взгляды у отдельных работников на работу в сельских районах. Сельские районы должны быть укреплены более подготовленными кадрами.

Для успешного выполнения задач, стоящих перед органами прокуратуры, необходимо ликвидировать до конца канцелярско-бюрократические методы руководства и совершенствовать работу аппарата всех звеньев прокуратуры.

Г. Зиякин

Прокурор Урицкого района
Орловской области

ОСВОБОДИТЬ ПРОКУРОРА ОТ КАНЦЕЛЯРЩИНЫ

Недостатки работы органов прокуратуры тормозят работу ее, особенно загрузка оперативного состава составлением докладов, справок и вообще канцелярщиной, отрывает много времени у прокурора. Прокурор района на основании инструкции Прокуратуры СССР по осуществлению прокурорского надзора за законностью действий органов милиции должен был обязательно провести ежемесячно не менее тринадцати проверок (причем иногда и не требующихся, а лишь чтобы соблюсти форму), написать десяток докладов, столько же обобщений и изучений практики работы по разным отраслям, принять участие на заседаниях и совещаниях и т. п.

Отдел по надзору за органами милиции прокуратуры области получает каждый месяц до 700 разных актов проверок. Работники отдела проводили в месяц до десяти проверок сами, к тому же они исполняли и другую работу. Бумажный поток их захлестывает, а живому делу как районные прокуроры, так и прокуроры отдела уделить должного внимания не могут, нехватает на это времени.

Необходимо искоренить бумажную волокиту из органов прокуратуры. Современные условия требуют от них оперативной, творческой деятельности. Районный прокурор как проводник социалистической законности должен повседневно проводить свою работу на местах — в колхозах, МТС, предприятиях и организациях. Кабинетно-канцелярская работа заслоняет собой живое дело, превращает прокурора в канцеляриста, не видящего за бумагами живого человека.

В органы прокуратуры ежегодно приходят молодые специалисты. Им нужно не только руководство вообще, как обычно бывает, а нужна повседневная помощь, внимание, чтобы воспитать из них государственных деятелей, правильно понимающих свои задачи, любящих свое дело и отдающих все знания и силы на службу советскому народу.

Канцелярщина захлестнула и другое звено органов прокуратуры — областной аппарат, который должен повседневно осуществлять руководство районными прокурорами и оказывать им действительную повседневную помощь. Но прокурор зоны не успевает выполнять этого: едва он освободится от потока бумаг, поступающих к нему, как перед ним вырастает гора бумаг, уже исходящих от него к районным прокурорам.

Много указаний получается от Прокуратуры СССР и от Прокуратуры РСФСР по линии отделов кадров, и каждое указание пронизано тем, что кадры нужно знать, изучать, воспитывать, правильно

подбирать и расставлять. Все это правильно. Но отделы кадров тоже тонут в канцелярщине. Вместо живого общения с людьми, выезда на место их работы, беседы с ними, практикуется изучение кадров по бумагам и цифрам.

Вот факты. В прокуратуре Саратовской области существует практика (надо полагать, она существует повсеместно): на стажировку в аппарат с периферии вызывают в отдел работников района, как правило, на десять дней, составляется план для прохождения стажировки, который утверждается прокурором области после беседы со стажировавшимся. По окончании стажировки пишется отзыв о прохождении ее, а начальник отдела составляет в трех экземплярах характеристику. В нее должны включаться и цифровые показатели работы стажировавшегося за прошлый период. Затем проверяются знания окончившего срок стажировки. Такая формальность дает очень мало для стажировавшегося, но много работы для аппарата.

Кроме того, один раз в два года, как это установлено приказом Генерального Прокурора СССР, должна проводиться должностная аттестация всех работников прокуратуры. В течение почти трех месяцев аппарат бывает занят составлением характеристик, не отдел кадров, а именно весь аппарат. Характеристики рассматриваются на аттестационной комиссии, причем, как правило, без вызова работника, а кабинетным порядком: личные дела пухнут, а живого человека за ними не видно. Эта работа через год возобновляется: начальники отделов должны на каждого работника, в том числе и периферийного, составить справки о выполнении предложенной аттестации. А людей все-таки знают очень плохо, тогда как задача аттестации заключается главным образом в изучении кадров.

Задачи, поставленные перед органами прокуратуры партией и правительством, диктуют необходимость изгнать волокиту, очистить от бумажного потока наши органы. Настоятельно требуется в ближайшее же время пересмотреть различные инструкции, наставления, регулирующие деятельность органов прокуратуры. В частности следует: пересмотреть инструкцию Прокуратуры СССР по осуществлению общего надзора за состоянием социалистической законности; заменить существующие сроки и количество докладов по приказам № 128, 139, 213, 172, 20 и 61, установив один доклад прокуроров районов и областей о работе за один год, представляемый в марте каждого года; упростить порядок аттестации прокурорских работников: не один раз в два года, а по истечении сро-

ков присвоения классовых чинов, при перемещениях и по окончании конституционного срока для городских и районных прокуроров; переработать статистическую отчетность как по сокращению показателей, так и по срокам представления.

Если эти мероприятия будут осуществлены, у прокуроров останется много времени

заниматься выполнением задач, стоящих перед ними, и сохранятся средства, необходимые для более полезных государственных затрат.

А. Колотов

Начальник отдела по надзору за органами милиции прокуратуры Саратовской области

ЗА ЧЕТКОСТЬ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

В постановлении от 6 мая 1952 г. Пленум Верховного суда СССР отметил, что в судебной практике по применению указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» имеются серьезные ошибки и недостатки.

Разпоречию судебной практики в применении указа от 4 июня 1947 г. в значительной мере способствует неправильное толкование понятия умысла виновного в хищении государственного или общественного имущества. Этот вопрос расширительно истолковывается Верховным судом СССР, а также и редакцией «Судебной практики Верховного суда СССР».

Верховный суд СССР, на который ст. 104 Конституции СССР возлагает надзор за судебной деятельностью всех судов, иногда поздно реагирует на те или иные ошибки нижестоящих судов.

Пленум Верховного суда СССР на основании ст. 75 Закона о судостроительстве должен своевременно давать руководящие указания по вопросам судебной практики, содействуя тем самым предотвращению возможных судебных ошибок и установлению единства судебной практики. Однако Пленум часто запаздывает с руководящими указаниями по применению того или иного закона.

Пленум Верховного суда СССР иногда выносит постановления, которые действуют короткое время и отменяются. Кратковременность действия руководящих указаний Пленума не содействует установлению единства в судебной практике.

Пленум Верховного суда СССР может успешно справиться с задачей судебного надзора при условии: если Пленум Верховного суда СССР будет своевременно и должным образом реагировать на ошибки судебной практики; если руководящие указания Пленума будут разрабатываться с необходимой тщательностью во всех отношениях — это предостережет Пленум от возможных ошибок и неточностей в своих руководящих указаниях и будет содействовать тому, что руководящие указания будут оставаться в силе, если не на все

время действия того закона, по применению которого даются указания, то хотя бы на значительный промежуток времени.

Точность и четкость формулировок руководящих указаний Пленума имеют важное политическое значение: ведь каждое такое указание быстро подхватывается судебной практикой. Короткий срок действия некоторых руководящих указаний Пленума объясняется иногда недостаточной взыскательностью к точности руководящих указаний.

В постановлении от 9 февраля 1951 г. «Об усилении ответственности шоферов за незаконное использование в корыстных целях вверенных им по службе автомашин» Пленум дал судам следующее указание: «Перевозка пассажиров или грузов шоферами на вверенных им по службе автомашин с целью извлечения личной материальной выгоды должна квалифицироваться по ст. 75¹ УК РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик».

Постановление это действовало всего пятнадцать месяцев и отменено как неправильное. Постановление отменено, а сколько допущено на местах ошибок из-за неправильного разъяснения?

Постановления Пленума Верховного суда СССР не всегда тщательно редактируются. Это приводит к нежелательным последствиям, — к судебным ошибкам и волоките.

Возьму для примера постановление Пленума Верховного суда СССР от 6 мая 1952 г. «О судебной практике по применению указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». В постановлении Пленума записано: «Неправильно также квалифицируется как злоупотребление служебным положением хищение государственных или общественных средств под видом так называемого «временного позаймствования», которым часто лишь прикрывается действительный умысел виновного, направленный на хищение». Это — в описательной части постановления, а в п. 5 постановления это же положение формулируется несколько иначе: «Так

называемое «временное позаимствование» должностным лицом государственных или общественных средств, как представляющее по существу завуалированную растрату, должно квалифицироваться по указу от 4 июня 1947 г.».

Беседуя с некоторыми юристами Архангельской и Мурманской областей, я пришел к выводу, что неудачная редакция п. 5 постановления Пленума Верховного суда СССР от 6 мая 1952 г. явилась почвой для разнотолков о квалификации действий должностных лиц, выразившихся во «временном позаимствовании» государственных или общественных средств. Одни утверждают, что все же не всякое «незаконное временное позаимствование» должностным лицом государственных или общественных средств должно квалифицироваться по указу от 4 июня 1947 г. При этом они ссылаются на указание Пленума Верховного суда СССР от 6 мая 1952 г. в той части, что «временное позаимствование» часто лишь прикрывает действительный умысел виновного, направленный на хищение. Но, говорят они, могут быть и редкие случаи, когда умысел виновного в «незаконном временном позаимствовании» не направлен на хищение. Другие говорят, что теперь всякое «незаконное временное позаимствование» должностным лицом государственных или общественных средств должно квалифицироваться по указу от 4 июня 1947 г., так как оно всегда представляет по существу завуалированную растрату. Если бы Пленум Верховного суда СССР более четко изложил постановление, то, разумеется, не было бы таких разнотолков.

Другим примером того, что некоторые постановления Пленума Верховного суда СССР разрабатываются с недостаточной тщательностью, может служить постановление от 15 сентября 1950 г. «О квалификации преступлений, связанных с нарушением правил движения на автотранспорте». Вот как звучит п. 1 постановления: «Нарушение работниками автотранспорта правил движения, повлекшее за собой несчастные случаи с людьми или иные тяжелые последствия, надлежит квалифицировать по ст. 59^{3а} УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик». Во-первых, непонятно, кого же следует понимать под «работниками автотранспорта»: вообще всех ли работников автотранспорта или только шоферов государственных и общественных организаций, предприятий и учреждений. Во-вторых, непонятно, за какие нарушения правил движения на автотранспорте должны привлекаться по ст. 59^{3а} УК РСФСР (и соответствующим статьям УК других союзных республик) работники автотранспорта: или за нарушение, допущенное при исполнении служебных обязанностей, или же за нарушение, допущенное во всех случаях. Во втором

пункте постановления говорится о квалификации нарушений правил движения, допущенных «другими водителями автомашин, не являющимися работниками автотранспорта». Здесь слова «другими водителями автомашин» употреблены, по моему мнению, явно неудачно, ибо под водителями автомашин обычно понимаются шоферы государственных и общественных организаций, предприятий и учреждений. Но Пленум Верховного суда СССР в данном случае имеет в виду не шоферов государственных и общественных организаций, предприятий и учреждений, допустивших нарушение правил движения при управлении автомашинами, независимо от того, имели ли они право вождения или управляли автомашинами, не имея на то прав.

Столкнувшись с фактом неправильного понимания судебными и прокурорскими работниками постановления Пленума Верховного суда СССР от 15 сентября 1950 г., Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР в определении по уголовному делу Иванова прибегла к толкованию упомянутого постановления, а именно: «В постановлении от 15 сентября 1950 г. Пленум Верховного суда СССР, разъясняя вопрос о квалификации преступлений, связанных с движением на автотранспорте, указал две группы нарушений правил движения на автотранспорте. К первой группе относятся работники автотранспорта, допустившие нарушение трудовой дисциплины при исполнении своих служебных обязанностей, т. е. шоферы государственных и общественных организаций, предприятий и учреждений, действия которых надлежит квалифицировать при обстоятельствах, изложенных в пункте первом постановления, по ст. 59^{3а} УК РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик. Ко второй группе относятся все прочие водители автомашин, т. е. все лица, допустившие нарушение правил движения при управлении автомашинами, независимо от того, имели ли они право вождения или управляли автомашинами, не имея на то прав».

Как видно, здесь нашли свое разъяснение все те сомнительные вопросы, которые вытекают из неудачной формулировки текста постановления Пленума Верховного суда СССР от 15 сентября 1950 г.

Руководящие указания Верховного суда СССР имеют большое значение в судебной практике. Именно поэтому и хочется видеть эти указания сформулированными так, чтобы они не вызвали ни малейших сомнений.

Е. Дубков

Заведующий юридической консультацией коллегии адвокатов Архангельской области

ПОКОНЧИТЬ С БЮРОКРАТИЗМОМ И ВОЛОКИТОЙ В НАРОДНОМ СУДЕ

Юридическая консультация профессиональных союзов Удмуртской АССР часто сталкивается с работой народных судов г. Ижевска в основном по трудовым делам. Мы встречаемся с бюрократизмом и волокитой при рассмотрении этих дел. Народные судьи допускают грубейшие нарушения процессуальных норм, особенно ст. ст. 25, 43, 53-а, 75 ГПК.

Рабочий Тимонин был уволен администрацией завода по мотиву непригодности без предварительного разрешения этого вопроса в РКК. Ввиду того, что трудящиеся в таких случаях вправе согласно ст. 15 постановления Пленума Верховного суда СССР от 11 января 1952 г. обратиться прямо в суд без предварительного обращения в РКК, — юридической консультацией было составлено заявление в народный суд. Но народный судья т. Волкова (1-го участка Азинского района) необоснованно, в прямое нарушение закона, отказала в приеме заявления Тимонина, предложив ему обратиться в РКК. В результате такого неправильного указания дело Тимонина рассматривалось в течение полутора месяцев в трех инстанциях (в РКК, в центральном комитете профессионального союза и после отмены центральным комитетом решения РКК в том же народном суде). Такой волокиты не было бы, если бы судья т. Волкова в соответствии с требованиями закона приняла заявление т. Тимонина для рассмотрения по существу при первом обращении в суд.

Крымов, после того как стороны при рассмотрении его заявления в РКК о неправильном удержании из заработной платы не пришли к соглашению, обратился в народный суд 1-го участка Азинского района. Судья т. Волкова отказала в приеме заявления и порекомендовала обратиться в областной комитет профессионального союза за получением удостоверения по форме. Хотя т. Волкова обязана знать, что по решениям РКК, по которым сторонами не достигнуто соглашения, никакие удостоверения не выдаются и для окончательного разрешения спора трудящийся имеет право обратиться именно в народный суд.

Столбов подал заявление в народный суд 1-го участка Азинского района об изменении в трудовой книжке формулировки увольнения. И в этом случае т. Волкова отказала в приеме заявления, предложив т. Столбову обратиться в РКК, тогда как вопрос об изменении неправильной формулировки увольнения подлежит рассмотрению непосредственно в народном суде.

Рабочий завода Баженов обратился в народный суд 2-го участка Ждановского района с заявлением о неправильном

увольнении по сокращению штатов и восстановлении на прежней работе. Народный судья т. Ошурков в прямое нарушение ст. 75 ГПК РСФСР, которая предусматривает возможность подачи устных заявлений по трудовым делам, отказал в приеме даже письменного заявления и написал резолюцию: «Вам к искомому заявлению необходимо приложить выписку из приказа директора завода об увольнении вас, копию решения РКК, справку с прежнего места работы о вашем среднем заработке за последние три месяца до дня увольнения. Все документы представить в двух экземплярах». После такой резолюции Баженов, не имея на руках решения РКК, вынужден был обратиться в РКК, тогда как при увольнении по сокращению штатов трудящиеся по своему усмотрению могут обратиться или в РКК или в народный суд, и, поскольку Баженов сразу обратился в народный суд, требовать от него решения РКК не было законных оснований (не обоснованы и требования народного судьи о представлении документов в двух экземплярах).

Юридической консультацией профессиональных союзов было составлено заявление по иску Папулова к ответчику, детскому дому № 8, о выплате заработной платы за время задержки расчета. Это дело народным судом 2-го участка Азинского района (народный судья т. Ившина) рассмотрено только через один год и два месяца. Дело неоднократно откладывалось исполнявшим обязанности народного судьи по мотивам, что скоро выйдет на работу сама т. Ившина (она болела). После выхода т. Ившиной дело Папулова вообще было передано забвению. Только после настойчивого требования юридической консультации т. Ившина удосужилась рассмотреть дело, но и в этом году оно трижды назначалось к слушанию и откладывалось по различным причинам.

Чем объяснить такие серьезные недостатки в работе отдельных народных судов Удмуртской АССР?

Основные причины нарушений законов некоторыми народными судьями — потеря ими чувства ответственности и забвение долга перед трудящимися, избравшими их, слабость контроля над работой народных судов со стороны министерства юстиции, нежелание заняться повышением своей юридической квалификации.

Волокита и бюрократизм должны быть изжиты в работе судебных органов. Они должны быть примером для других.

С. Герасимов

Заведующий юридической консультацией профсоюзов Удмуртской АССР

ПОРОЧНАЯ ПРАКТИКА ПРОКУРАТУРЫ КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Своевременное применение к обвиняемым мер пресечения имеет первостепенное значение в работе следственных органов. Правильное избрание мер пресечения — одно из важных условий, обеспечивающих успех борьбы с наиболее опасными преступлениями, за совершение которых предусмотрено строгое наказание. Закон в таких случаях предоставляет органам следствия право применять к обвиняемому меру пресечения в виде заключения под стражу (ст. 158 УПК РСФСР).

Своевременная изоляция преступника помогает быстрее изобличить его, исключая возможность скрыться от следствия и суда и совершить в период расследования новые преступления.

На этой стороне вопроса мы и хотим остановиться.

Своевременное и правильное применение ст. 158 УПК РСФСР — необходимый элемент борьбы за всемерное сокращение числа преступных проявлений. Многие практические работники знают, насколько вредны нерешительность и неоперативность в этом деле.

В следственной практике Калининской области имеется много убедительных фактов, когда преступники, оставленные на период расследования на свободе, совершали новые, часто еще более опасные преступления.

Подобные факты стали возможными потому, что в работе некоторых районных прокуроров Калининской области установилась практика, когда они безосновательно отказывают в санкции на арест обвиняемых, совершивших такие опасные преступления, как убийство, хулиганство, кража и т. д.

Такая практика порочна и противоречит целям борьбы с опасными преступлениями. Она может быть расценена только как излишняя перестраховка и заслуживает осуждения.

Чтобы не быть голословными, приведем примеры.

Булкин в пьяном состоянии из хулиганских побуждений напал на К., ударил его палкой по лицу, а затем беспричинно пристал к Б. и Г. и нанес им несколько ножевых ранений. Хулиганские действия Булкин сопровождал нецензурной бранью. Фировским районным отделением милиции было возбуждено уголовное дело, однако Булкина не арестовали и он оставался на свободе. 6 августа Булкин вновь, тоже пьяный, на гулянии в деревне Горшково поссорился с Т. и его сестрой. Вооружившись топором, Булкин ударил Т. три раза по голове, один раз по руке и два раза по спине. От полученных тяжелых ран Т. скончался на месте. Только после зверского убийства прокурор Фировского

района т. Лебедев санкционировал арест Булкина, и он был осужден за оба преступления.

Братья Кузнецовы в нетрезвом состоянии явились на прием к председателю исполкома районного совета и совершили в его кабинете дерзкие хулиганские действия: выражались нецензурными словами, сбили ковры, попортили чернильный прибор. Для прекращения хулиганских действий был вызван начальник районного отделения милиции. На предупреждения последнего братья Кузнецовы ответили угрозой выбросить его в окно и оказали ему сопротивление. Присутствующему при этом директору дома культуры угрожали зарезать его. Хулиганские действия братьев Кузнецовых были прекращены лишь дополнительно вызванными работниками милиции. В отделении милиции один из братьев сломал дверной запор и разбил стекло в оконной раме.

Прокурор Есеновичского района т. Гагулин безмотивно отказал в санкции на арест братьев Кузнецовых и материал направил в областную прокуратуру с просьбой разъяснить ему, «есть ли в действиях задержанных состав преступления?».

Преступники на другой день были освобождены, против них даже не возбудили уголовного преследования (оно было возбуждено только через тридцать четыре дня). Кузнецов К., находясь на свободе, вновь совершил хулиганские действия в помещении чайной: разбил посуду, шумел, толкнул официантку, ударил прибывшего сотрудника милиции, схватил за горло и пытался душиить. Только после этого прокурор т. Гагулин санкционировал арест, и Кузнецов К. был взят под стражу.

Работники милиции задержали некоего Шурина за то, что он сорвал в городском саду у Ж. ручные часы, передал их другому лицу, после чего пытался скрыться. Через неделю прокурору г. Кимры т. Капитонову был представлен материал для санкции на арест Шурина. Не разобравшись в деле, т. Капитонов отказал в санкции и предложил передать Шурина под личное поручительство его родителей. Для прокурора почему-то оказалось недостаточным, что потерпевший Ж. опознал Шурина по лицу, росту и одежде. Не было обращено внимания и на личность вора. Между тем Шурин ранее имел привод за карманную кражу, в 1953 году судился за хулиганство и не имел определенных занятий. Позже Шурин, пьяный, совершал хулиганские действия: беспричинно приставал к гражданам, оскорблял их нецензурными словами; войдя в помещенье столовой, Шурин стал оскорблять посетителей, угрожал им кирпичом и выражался нецензурно. Но и после этого Шурин не

был взят под стражу, и только народный суд сделал это при рассмотрении обоих дел.

Факты показывают, насколько вредна нерешительность, проявляемая отдельными прокурорами при обсуждении вопроса об аресте преступников. Если бы прокуроры более серьезно подошли к делу, то этим самым они наверняка предотвратили бы три опасных преступления.

Нельзя не учитывать и политической стороны этого дела. Факты, когда лица, совершившие опасные преступления, остаются на свободе, неизбежно порождают у граждан впечатление безнаказанности преступников. Это подрывает авторитет следственных органов.

Нельзя, конечно, не учитывать, что предоставленное Конституцией СССР прокурорам право санкций на арест граждан должно ими использоваться разумно и что незаконное содержание граждан под стражей является грубейшим извращением социалистической законности. Поэтому мы далеки от мысли, что заключение граждан под стражу должно иметь место во всех случаях, когда налицо лишь формальные основания. Огульное утверждение постановлений на арест нетерпимо в следственной работе. Заключение преступников под стражу в качестве меры пресечения — обязанность прокурора, но в отдельных случаях может и не быть необходимости

изолировать преступника. Ответственность за правильность санкции на арест всецело лежит на прокуроре.

Недостаток в работе отдельных прокуроров Калининской области состоит в том, что они, чтобы избежать ответственности за незаконный арест, перестраховывают себя от возможных ошибок и в ущерб делу даже в очевидных случаях отказывают в санкции на арест. На этот путь отдельные прокуроры встают с тем большей легкостью, что практически они не несут ответственности за необоснованный отказ в санкции на арест даже тогда, когда такой отказ стал причиной совершения новых преступлений.

Такая практика вредна и должна быть осуждена. Понятное стремление не допустить случаев незаконного ареста вовсе не означает, что действительные преступники должны оставаться на свободе впредь до окончательного разрешения дела.

Решение, основанное на вдумчивом изучении собранных улик и всестороннем исследовании обстоятельств, касающихся личности обвиняемого и объективной стороны преступления, всегда предостережет прокурора от возможных ошибок при решении вопроса о санкции на арест.

Ю. Волков

Председатель Калининского областного суда

ИНСТРУКЦИЯ О ПОРЯДКЕ ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ НЕ ОБЕСПЕЧИВАЕТ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА ОТ РАСТРАТ И ХИЩЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА

Действующая инструкция НКЮ СССР о порядке исполнения судебных решений имеет существенные недостатки и не обеспечивает своевременного и правильного исполнения приговоров и судебных решений о возмещении ущерба, причиненного государственным и общественным организациям, а также приговоров о конфискации имущества осужденного.

В инструкции о порядке исполнения судебных решений не предусмотрено, в течение какого срока со дня поступления исполнительного листа к судебному исполнителю последний обязан приступить к производству исполнительных действий. По смыслу ст. 11 инструкции судебный исполнитель только обязывается с момента поступления исполнительного листа завести у себя исполнительное производство.

Никакого предельного срока для начала исполнительных действий инструкция не предусматривает, и тем самым судебному исполнителю предоставляется возможность по своему усмотрению устанавливать срок для начала исполнительных действий по

взысканию присужденных сумм и конфискации имущества осужденных.

Такое положение создает условия, способствующие безответственному отношению судебных исполнителей к своим обязанностям и к задержке исполнения приговоров и судебных решений.

Для устранения такого положения и укрепления служебной дисциплины судебных исполнителей необходимо предусмотреть в инструкции, что не позднее следующего дня по получении исполнительного листа судебный исполнитель обязан приступить к взысканию присужденных сумм и к конфискации имущества путем производства описи и ареста имущества должника или осужденного и закончить все производство по взысканию в десятидневный срок.

Предусмотренный инструкцией порядок обращения взыскания на имущество не гарантирует правильности и законности действий судебного исполнителя при производстве описи имущества. В ст. 34 инструкции установлен такой порядок описи

имущества: «Опись имущества производится в присутствии должника или его представителя и одного свидетеля. В случае отсутствия должника или его представителя опись составляется в присутствии кого-либо из совершеннолетних членов семьи, а при отсутствии этих лиц — представителя домоуправления, а в сельских местностях — сельского совета». Этот порядок не исключает возможности упушений и злоупотреблений со стороны судебного исполнителя.

Для обеспечения правильности описи имущества и включения в нее всего имущества, на которое по закону может быть обращено взыскание по исполнительным листам о конфискации имущества, а также присужденного ущерба, следует предусмотреть в инструкции обязательное участие при производстве описи и составлении акта описи: представителя соответствующего финансового органа, если опись имущества производится для конфискации имущества по приговору суда; представителя той государственной или общественной организации, в пользу которой присуждено возмещение ущерба от растрат и хищений.

Инструкция не предусматривает обязательного порядка опечатания описанного имущества. В ст. 48 инструкции говорится: «По требованию взыскателя судебный исполнитель может опечатать описанные предметы, указав об этом в акте описи».

В целях предотвращения подмены описанных предметов другими, менее ценными, следует в инструкции предусмотреть обязательный порядок опечатания описанных предметов, передаваемых каким-либо лицам на хранение до момента их реализации.

Порядок составления и оформления судебным исполнителем актов о несостоятельности должника и прекращения исполнительных действий тоже не обеспечивает исполнения приговоров и судебных решений. Статьей 112 инструкции установлен следующий порядок составления актов о несостоятельности должника: «Если после принятия всех необходимых мер произвести взыскание не представляется возможным из-за отсутствия имущества и заработка у должника, то судебный исполнитель составляет об этом акт и представляет его на утверждение народному судье. После утверждения акта народным судьей судебный исполнитель возвращает исполнительный документ взыскателю вместе с копией акта».

Такой порядок прекращения исполнительных действий практически сводится к пустой формальности, не обеспечивая основательности удостоверения факта отсутствия имущества у должника, устраняет заинтересованные стороны, финансовые ор-

ганы, а также организации, в пользу которых присуждены суммы, от участия в составлении акта о несостоятельности, тогда как этот акт является завершающей фазой в процессе исполнения приговоров и решений. Этот порядок утверждения актов единолично народным судьей, — следовательно, и о прекращении исполнительных действий, — противоречит ст. 265 ГПК РСФСР, согласно которой судебный исполнитель не вправе отложить или прекращать исполнение иначе, как по специальному определению суда или по заявлению взыскателя. Такой порядок составления актов об отсутствии имущества не соответствует ст. 28 Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик, определяющей круг действий народного судьи, которые он может совершать единолично в процессе гражданского и уголовного судопроизводства: в числе этих действий не предусмотрено утверждение единолично народным судьей акта о несостоятельности.

На основании ст. 28 Закона о судостроительстве и ст. 265 ГПК РСФСР акт об отсутствии имущества у должника, а в связи с этим и вопрос о прекращении исполнительных действий судебным исполнителем должны быть рассмотрены не единолично народным судьей, а коллегиально — всем составом народного суда, в судебном заседании, и о прекращении исполнительных действий ввиду отсутствия имущества у должника судом должно быть вынесено определение.

К участию в судебном заседании в порядке ст. 172 ГПК РСФСР должны быть привлечены прокурор и представитель соответствующего финансового органа, если акт об отсутствии имущества составлен в связи с исполнением приговора о конфискации имущества, и представители государственных и общественных организаций, если акт об отсутствии имущества составлен в связи с исполнением судебного решения о взыскании в их пользу ущерба, причиненного растратой или хищением.

В инструкцию необходимо внести специальные разделы: об исполнении приговоров в части конфискации имущества осужденных; об исполнении приговоров и решений о взыскании ущерба от растрат и хищений.

Внесение в инструкцию предлагаемых изменений повысит ответственность народных судей и судебных исполнителей за исполнение приговоров и решений о взыскании ущерба от растрат и хищений.

Чуликов

Начальник гражданско-судебного отдела
прокуратуры Ярославской области

ПОМОЩЬ РАЙОННОЙ ПРОКУРАТУРЕ В НАДЗОРЕ ЗА ВЫПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ О ЖИВОТНОВОДСТВЕ

Сентябрьский Пленум ЦК КПСС указал на особую необходимость ликвидировать отставание в развитии животноводства. Пленум отметил, что устранение имеющихся недостатков и быстрейший подъем животноводства имеют жизненно важное общегосударственное значение и являются в настоящее время самой неотложной задачей партии и правительства в области сельского хозяйства.

Расскажу об одном примере работы прокуратуры Красноярского края. Прокуратура Ужурского района, одного из крупнейших животноводческих районов Красноярского края, в прошлом году почти не занималась надзором за соблюдением законов о животноводстве. Чтобы разобраться в причинах этого и оказать работникам прокуратуры практическую помощь, в Ужур был командирован прокурор следственного отдела прокуратуры края т. Мардер. Работу он начал с изучения совместно с районным прокурором т. Хабардиным общего положения с животноводством в районе. Для этого были использованы в инспекциях Центрального статистического управления и Госстраха данные о падеже скота в колхозах района. Анализ собранных материалов позволил обнаружить распространенные в районе нарушения законности, имевшие серьезные последствия.

Так нарушался закон об обязательном окладном страховании скота. В соответствии с законом колхозы должны страховать крупный рогатый скот, лошадей, овец, свиней и других животных, достигших определенного возраста. В каждом случае падежа застрахованного скота председатели сельских советов или уполномоченные ими депутаты обязаны с участием председателей колхозов составлять акт установленной формы. Такой акт служит основанием для решения вопроса о выплате страхового вознаграждения, а контрольный талон к акту — основанием для соответственного списания павшего животного с баланса колхоза. В Ужурском районе этот порядок нарушался. При сопоставлении сведений инспектуры ЦСУ о количестве павшего взрослого скота с данными инспекции Госстраха о количестве поступивших для оплаты актов обнаружены большие расхождения. Подобные факты были обнаружены и по другим колхозам. При изучении причин таких расхождений было установлено, что они являются следствием преступного отношения отдельных должностных лиц колхозов к активированию фактов падежа.

При проверке в инспекции Госстраха обоснованности отказов в выплате вознаграждения были обнаружены факты, когда оплата не производилась исключительно ввиду несвоевременного сообщения колхозами в сельские советы о происшедшем падеже (такое сообщение согласно закону должно быть сделано в суточный срок). Колхозу «Память Ленина», например, ввиду несвоевременного заявления было отказано в выплате страхового вознаграждения по двадцати шести актам, отчего колхоз понес убытки около 5000 руб.

В тех случаях, когда Госстрах отказывал в выплате страхового вознаграждения либо акты о падеже вообще не составлялись, колхозы списывали павший скот, не решая вопроса о взыскании убытков с виновников.

Правления ряда колхозов вообще не обсуждали, каково состояние животноводства, хотя обязаны были проводить такое обследование не реже одного раза в месяц. Инспекция Госстраха не выполняла возложенной на нее обязанности о сообщении в районные руководящие органы об установленных в процессе работы фактах бесхозяйственного содержания скота, а также о нарушениях установленного правительством порядка составления актов о гибели животных. Не занимались этим и работники земельных органов.

Обобщив собранные в результате быстрой, но тщательной проверки материалы, прокурор района т. Хабардин с помощью т. Мардера составил и внес на рассмотрение районного комитета КПСС представление с конкретными предложениями (по представлению приняты специальные мероприятия). В районную газету «Победа социализма» ими была подготовлена статья «Не допускать нарушений законов в области животноводства». Материалы проверки были использованы для проведения расследования.

Например, в колхоз «Память Ленина», где было особенно неблагоприятно с сохранностью животных, была направлена комиссия в составе ветеринарного врача, зоотехника и инструктора-бухгалтера по колхозному учету. Проведенная ими квалифицированная проверка, а затем расследование, в котором активное участие приняли тт. Мардер и Хабардин, установили преступно-халатное отношение к общественному животноводству председателя правления Федорова и его заместителя Багаева.

Несмотря на напряженное положение с кормами, в колхозе не было обеспечено их бережное, с наибольшей пользой, использование. Грубые корма скармливались не из кормушек и яслей, а давались скоту прямо под ноги. Это приводило к бесцельной трате значительного количества корма. Солома к скармливанию не подготавливалась. Имевшийся кормозапарник использовался не по назначению. На свиноферме зернофураж в неразмолотом виде давался свиньям под ноги, хотя колхоз испытывает острый недостаток в концентрированных кормах. Животноводческие кадры в течение года не были полностью укомплектованы: из месяца в месяц не хватало людей. Большая текучесть имела место вследствие того, что животноводам не были созданы условия для нормальной работы. Федоров и Багаев осуждены краевым судом. Государственное обвинение по этому делу поддерживал прокурор края т. Боровков. Краевая газета «Красноярский рабочий» поместила в одном из номеров подробное сообщение прокуратуры о рассмотрении дела Федорова и Багаева.

К ряду лиц прокуратурой были предъявлены иски в порядке ст. 2 ГПК РСФСР.

В колхозе имени Жданова в отаре чабана Арефьева пропало несколько овец. При проверке оказалось, что руководство колхоза предложило Арефьеву пасти одновременно две отары в количестве 700 овец, тогда как на отару с таким количеством животных полагается три человека. К виновным в незаконном распоряжении приняты меры.

Районный прокурор т. Хабардин после отъезда из района т. Мардера продолжал работу по ликвидации нарушений законности в области животноводства. Был, в частности, привлечен к уголовной ответствен-

ности бывший заведующий ОТФ одного из колхозов Филатов, который в период охотной кампании не оприходовал народившийся молодняк и таким путем перекрывал количество ранее павших взрослых овец. В конце 1953 года он передал в правление колхоза восемь срочных донесений, в которых приписал 16 голов павших овец, а на 22 головы представил четыре фиктивных акта на вынужденный убой. Это было сделано им, чтобы оправдаться, так как из-за несвоевременного составления актов и сообщения в инспекцию Госстраха о падеже колхоз лишился страхового вознаграждения в сумме 5100 рублей.

Факты, вскрытые т. Мардером в Ужурском районе, послужили основанием к тому, чтобы организовать проверки по всему Красноярскому краю. Были истребованы соответствующие данные о падеже скота из краевого управления сельского хозяйства и краевого управления Госстраха. Обобщение их показало, что нарушения, подобные установленным в Ужурском районе, имели место и в некоторых других районах края. В связи с этим краевой прокурор внес представление в исполнительный комитет краевого совета депутатов трудящихся, по которому принято решение об устранении обнаруженных нарушений. На периферию направлено информационное письмо для обмена опытом.

Приведенный пример свидетельствует, насколько важно в скорейший срок отрешиться от бюрократических форм руководства периферией, шире распространять и всемерно поощрять действительную организаторскую работу на местах.

П. Бочилло
Заместитель прокурора
Красноярского края

НАДЗОР ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНА О СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ НАЛОГЕ

В прокуратуру Рязанской области в марте поступило несколько жалоб колхозников на незаконное дообложение их сельскохозяйственным налогом в связи с невыработкой трудодней в 1953 году.

Не ограничившись разрешением этих жалоб, мы решили организовать в ряде районов области проверки соблюдения закона о сельскохозяйственном налоге.

Статья 6 закона предусматривает, что хозяйства колхозников, отдельные члены семьи которых без уважительных причин не выработали в истекшем году установленного минимума трудодней в колхозе, уплачивают сельскохозяйственный налог с повышением на 50%. Список хозяйств колхозников, в составе которых имеются трудоспособные члены колхоза, не выработавшие установленного минимума трудо-

дней без уважительных причин, составляется правлением колхоза, рассматривается и утверждается общим собранием колхозников и не позднее 15 января представляется в районный финансовый отдел за подписью председателя колхоза, председателя ревизионной комиссии и счетовода (бухгалтера) колхоза. Жалобы на решения общего собрания колхозников рассматриваются районным исполнительным комитетом в десятидневный срок.

Нами была составлена программа проверки соблюдения ст. 6 закона о сельскохозяйственном налоге. Согласно этой программе начальник и прокуроры отдела общего надзора вместе с районными прокурорами проводили проверки в Пителинском, Сасовском, Рязанском и Мервинском районах.

Прежде всего мы проверили в районных финансовых отделах законность исчисления налога с повышением на 50%. Для этого были просмотрены все списки хозяйств, представленные колхозами, выяснили, кем подписаны списки и все ли эти хозяйства дообложены. Затем в каждом районе проверили в нескольких колхозах, утверждались ли направленные в финансовые отделы списки хозяйств на общих собраниях колхозников, не допущены ли здесь злоупотребления. В колхозах мы также устанавливали, кто фактически не выработал минимума трудодней без уважительных причин и почему тот или иной колхозник, не выработавший минимума трудодней, не включен в список хозяйств, направленный в финансовый отдел.

В районных исполнительных комитетах мы проверили законность решений и указаний по проведению в жизнь закона о сельскохозяйственном налоге, законность разрешения жалоб колхозников на неправильное применение ст. 6 этого закона.

Каковы же результаты этих проверок?

Проверки показали, что во многих колхозах, в районных финансовых отделах и в исполкомах районных советов депутатов трудящихся вопросы об исчислении налога с повышением на 50% решались формально, допускались серьезные нарушения закона, необходимая разъяснительная работа не проводилась.

В Пителинском районе районный исполком и многие сельские советы, финансовые органы безответственно отнеслись к осуществлению закона о сельскохозяйственном налоге. В районе не было закончено исчисление налога с повышением на 50%, шесть колхозов района даже не обсудили и не представили в районный финансовый отдел списков хозяйств колхозников, отдельные члены семьи которых без уважительных причин не выработали установленного минимума трудодней. Председатель колхоза «Пятилетка» Пителинского района т. Анисимов не представил в финансовый отдел списка хозяйств колхозников для исчисления налога с повышением на 50%, так как общее собрание колхозников включило в этот список хозяйство самого председателя колхоза, хозяйства председателя сельского совета и других должностных лиц. Районный исполком без проверки на месте принял 12 февраля с. г. решение о вторичном рассмотрении на общем собрании колхозников списка лиц, не выработавших обязательного минимума трудодней. Это решение осталось невыполненным, и исчисление налога с повышением на 50% до сих пор не проведено.

Во многих колхозах указанных районов Рязанской области списки хозяйств рассматривались и утверждались не на общих собраниях колхозников, а на заседаниях правлений колхозов.

В Пителинском районе в колхозе имени Димитрова, в котором 29 человек не выработали минимума трудодней, список хо-

зяйств обсуждался на заседании правления колхоза и на одном бригадном собрании, но этот список в районный финансовый отдел не представлен и исчисление налога с повышением на 50% не проведено. В колхозе же не оказалось ни решения правления колхоза, ни решения бригадного собрания. В колхозе имени Калинина список хозяйств обсуждался на собрании, на котором из 217 членов артели присутствовало всего лишь около 30 человек. В колхозе имени Фрунзе список хозяйств обсуждался на заседании правления колхоза. В колхозе «Передовик» список хозяйств хотя и обсуждался на собрании колхозников, но какое принято по этому вопросу решение, неизвестно.

В колхозе «1 Мая» Никуличинского сельского совета Рязанского района список хозяйств, отдельные члены которых не выработали минимума трудодней без уважительных причин, не обсуждался ни на общем собрании колхозников, ни на заседании правления колхоза, а составлен по личному усмотрению председателя и счетовода колхоза.

В большинстве проверенных колхозов указанные списки хозяйств обсуждались без вызова для объяснений колхозников. В результате такого формального отношения некоторые хозяйства неосновательно освобождены от дообложения сельскохозяйственным налогом, а, с другой стороны, незаконно дообложены отдельные хозяйства, что вызвало справедливые нарекания и большое количество жалоб колхозников.

В колхозе «1 Мая» Рязанского района в списки не были включены хозяйства: старшего счетовода колхоза Аникина, жена которого выработала всего 12 трудодней; заместителя председателя колхоза Павлушина, жена которого не выработала ни одного трудодня; члена правления колхоза Бузина, жена которого выработала всего 17 трудодней; заведующего МТФ Яшина, жена которого выработала всего 35 трудодней, и др. В некоторых колхозах Мервинского района многие хозяйства были неосновательно включены в списки для представления в финансовые органы. Уже после того, когда эти списки были утверждены в установленном законом порядке, сами председатели колхозов выдали колхозникам справки, из которых видно было, что они неосновательно зачислены в число тех, кто не выработал минимума трудодней.

Эти и другие нарушения имели место прежде всего потому, что районные исполнительные комитеты, сельские советы, районные финансовые отделы стояли в стороне от решения в колхозах вопроса о лицах, не выработавших минимума трудодней, не устраняли во время нарушения закона о сельскохозяйственном налоге.

Районные финансовые отделы исчисляли налог с повышением на 50% во многих случаях по решениям правлений колхозов или по спискам, не подписанным председателями колхоза и ревизионной комиссией.

В Пителинском районе финансовый отдел, не считаясь с решением общего собрания колхозников, незаконно освободил от дообложения сельскохозяйственным налогом хозяйства Пашоковой, жены кладовщика колхоза, и других, самовольно оставивших работу в колхозе.

Факты бездушного отношения к гражданам и формального разрешения жалоб на неправильное применение ст. 6 закона о сельскохозяйственном налоге установлены нами и в Рязанском финансовом отделе.

Исполнительные комитеты Пителинского, Сасовского, Рязанского и Мервинского районов не контролировали работу финансовых отделов и сельских советов по обложению сельскохозяйственным налогом и сами в ряде случаев допускали нарушения закона.

Исполнительный комитет Пителинского районного Совета депутатов трудящихся (председатель т. Захаров), имея многочисленные сигналы о нарушении ст. 6 закона, не принял по ним никаких мер: в течение января—февраля поступила 81 жалоба на незаконное исчисление налога, но ни одна из них не была проверена и не разрешена. По личным указаниям председателя исполкома в колхозах «Ударник» и имени Калинина списки хозяйств обсуждались не на общих собраниях, а на заседаниях правлений колхозов. В Сасовском районном исполнительном комитете 60 жалоб колхозников на неправильное применение ст. 6 закона о сельскохозяйственном налоге не были зарегистрированы, и к моменту проверки работниками прокуратуры ни одна из них не была разрешена. Председатель исполкома т. Кураев направил тринадцать жалоб, вместо проверки их, председателям колхозов для рассмотрения на общих собраниях колхозников, но собрания не проведены и

ни одна из этих жалоб не разрешена. В Рязанском районном исполнительном комитете лежит без движения поступившая преимущественно в феврале 41 жалоба колхозников, — ни одна из них не разрешена.

В ходе проверок в результате нашего вмешательства на месте ряд нарушений закона был устранен: незаконно освобожденные от дообложения хозяйства были дообложены; незаконно обложенные налогом хозяйства освобождены от дообложения; приняты меры к разрешению всех жалоб колхозников. Заведующий районным финансовым отделом и старший налоговый инспектор Пителинского района привлечены к ответственности.

Характерно, что областной финансовый отдел не знал о таких нарушениях закона в районах и по отчетам районных финансовых отделов полагал, что в области нарушений закона нет.

На основании обобщения материалов проверок, проведенных отделом общего надзора, прокурором области внесено представление в областной исполнительный комитет о грубых нарушениях закона о сельскохозяйственном налоге. Областной исполком, обсудив это представление, принял специальное решение, в котором отметил плохую работу областного финансового отдела и обязал его усилить контроль над проведением в жизнь закона о сельскохозяйственном налоге.

На состоявшемся семинаре с районными прокурорами была изучена практика надзора за соблюдением законов и постановлений партии и правительства по сельскому хозяйству.

И. Сирота
Начальник отдела общего надзора
прокуратуры Рязанской области

НАРОДНЫЕ СУДЬИ КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ т. РУСАКОВА и ЛУКИН

Перед судебными органами стоят большие, ответственные и почетные задачи по борьбе с преступностью, по укреплению социалистической законности и осуществлению воспитательной функции судов.

Многие народные судьи нашей Калининской области правильно понимают стоящие перед советским правосудием задачи и серьезно улучшили работу. К ним прежде всего относятся народный судья 2-го участка Пролетарского района г. Калинин т. Русакова и народный судья Козловского района т. Лукин.

В 1949 году, по окончании юридического института Нина Кузьминична Русакова была избрана народным судьей Старицкого района — одного из крупных районов Калининской области. В то время в Старицком районе был один судебный участок, объем работы был очень большой. Несмотря

на это, т. Русакова с порученными обязанностями справлялась хорошо и в 1951 году была избрана народным судьей 2-го участка Пролетарского района областного центра. По условиям работы в этом районе имеются определенные трудности. К тому же поступление дел значительное, многие дела сложные, для правильного разрешения их требуется много времени. Однако т. Русакова быстро освоила работу в трудном городском судебном участке и вывела его в лучшие суды области.

Тов. Русакова на каждый месяц составляет план работы. Планами предусматриваются все мероприятия, входящие в обязанность суда и судьи. Планы, как правило, выполняются.

Серьезное внимание т. Русакова уделяет культурному, вдумчивому приему посетителей. Каждого посетителя она вниматель-

но выслушивает, после чего дает обоснованные ответы и разъяснения.

Тов. Русакова хорошо готовит уголовные и гражданские дела к слушанию в судебных заседаниях. Каждое уголовное дело до внесения его на рассмотрение подготовительного и судебного заседания она тщательно изучает, проверяет его с точки зрения полноты и объективности расследования, соблюдения процессуальных норм, правильности квалификации действий обвиняемых. По сложным гражданским делам т. Русакова, проводя досудебную подготовку, вызывает ответчиков для ознакомления с исковым материалом, чтобы ответчики могли представить в суд соответствующие документы, а также назвать свидетелей. Накануне дня слушания дел в судебном заседании т. Русакова подбирает необходимый законодательный материал по каждому делу.

Судебное разбирательство дел под председательством т. Русаковой проводится культурно. Тщательно и всесторонне исследуются все обстоятельства по разрешаемым делам; по гражданским делам устанавливаются фактические правоотношения сторон и применяется закон, регулирующий данные правоотношения. При таком положении обеспечивается высокое качество разрешения дел.

В 1953 году в практике работы суда не отмечено ни одного случая неосновательного осуждения граждан и незаконного оправдания преступников. Оставлено в силе 96% приговоров, 86,3% решений.

Тов. Русакова много внимания уделяет работе аппарата. Кроме повседневного контроля над работой судебного исполнителя и канцелярии суда, она ежемесячно проводит тщательные и глубокие проверки их работы, итоги проверки обсуждаются на регулярно проводимых производственных совещаниях.

Тов. Русакова требовательна к себе и к подчиненным работникам. Все работники канцелярии вовлечены в учебу. Они аккуратно посещают семинарские занятия, проводимые управлением юстиции. Работа по делопроизводству суда и по исполнению судебных решений находится в надлежащем состоянии. Судебный исполнитель т. Крашила за хорошую работу награждена тремя почетными грамотами ЦК профессионального союза работников государственных учреждений и Министерства юстиции СССР.

Тов. Русакова поддерживает систематическую связь с населением, регулярно читается в работе суда перед избирателями и проводит занятия с народными заседателями. В прошлом году ею сделано одиннадцать докладов о работе суда и по разъяснению советских законов, проведено четырнадцать занятий с народными заседателями.

Являясь внештатным пропагандистом районного комитета партии и депутатом районного совета, т. Русакова принимает

активное участие в политической и общественной жизни района. Она поддерживает связь с местными руководящими органами, пользуется у них и у населения района заслуженным авторитетом и уважением.

Народный судья Козловского района Иван Афанасьевич Лукин сочетает свою судебную работу с повседневной учебой во Всесоюзном юридическом заочном институте и с активным участием в общественно-политической жизни района.

Тов. Лукин правильно организует работу народного суда, проводит ее строго по плану. Планами предусматривается: проведение подготовительных и судебных заседаний; проведение производственных совещаний с работниками суда; проверка работы судебного исполнителя и канцелярии; обобщение судебной практики по отдельным важнейшим категориям дел; занятия с народными заседателями; отчеты о работе суда перед избирателями; доклады и беседы по разъяснению советских законов среди населения и т. д.

Тов. Лукин уделяет много внимания анализу работы за прошлое время. Он периодически изучает и обобщает судебную практику по наиболее характерным категориям уголовных и гражданских дел. По итогам обобщения делает представления в соответствующие органы. Так при обобщении судебной практики о взыскании недоимок по налогам вскрыты серьезные недостатки в работе районного финансового отдела. Тов. Лукин сделал представление в районный комитет партии. По его представлению вопрос о работе финансового отдела обсуждался на бюро районного комитета партии, которое приняло меры к устранению имеющихся недостатков.

По результатам обобщения судебной практики по делам о хулиганстве (ст. 74 УК РСФСР), о взыскании недоимок по поставкам сельскохозяйственных продуктов т. Лукин сделал представления в районный исполнительный комитет, районному прокурору, которыми приняты соответствующие меры к устранению вскрытых ошибок, недостатков и нарушений закона.

Народный суд под председательством т. Лукина реагировал путем вынесения частных определений на недостатки в работе организаций, учреждений, предприятий, колхозов, выявленные при разрешении уголовных и гражданских дел. Тов. Лукин настойчиво добивается, чтобы по частным определениям принимались соответствующие меры, осуществляя неослабный контроль над их действительностью.

Так при рассмотрении гражданского дела по иску Сухичева к колхозу «Вперед» об оплате за строительство овчарника выявлены факты нарушения Устава сельскохозяйственной артели. Судом было вынесено частное определение, копия его направлена в районный комитет партии, который обсудил факты, изложенные в частном

определении, и принял меры к устранению нарушений. Частное определение народного суда, вынесенное по делу об обвинении заведующего магазином Басовой в растрате 10 364 руб., было обсуждено на расширенном заседании правления Козловского сельского потребительского общества. По частному определению суда управляющий Козловским райсырпромом наложил дисциплинарное взыскание на работников молокозавода и т. д.

Борясь за снижение преступности в районе, т. Лукин систематически проводит массово-разъяснительную работу, знакомит население района с советским законодательством и работой народного суда. В прошлом году им сделано пятнадцать докладов о работе суда и о действующем законодательстве, проведено девять выездных сессий, в которых рассмотрены уголовные дела о наиболее опасных преступлениях. Тов. Лукин проводит большую работу как член районного комитета партии и депутат Козловского районного совета.

В результате продуманного подхода к

организации работы, к ее анализу, к разработке мер, вытекающих из него, народный суд Козловского района добился, что лишь в крайне редких случаях имелась отмена его приговора или решения.

Высокое качество разрешения дел т. Лукин обеспечивает путем тщательной предварительной подготовки дел к слушанию в судебных заседаниях.

Хорошему качеству разрешения дел во многом способствует правильно поставленная в суде справочная работа по законодательству, которую т. Лукин проводит в полном соответствии с инструкцией Министерства юстиции СССР от 16 июня 1951 г.

Положительный опыт работы народных судей тт. Русаковой Н. К. и Лукина И. А. управление юстиции при Калининском областном совете депутатов трудящихся распространило среди всех народных судов области.

Н. Бакулин

Старший ревизор управления МЮ РСФСР по Калининской области

УЧЕБНЫЙ СЕМИНАР СЛЕДОВАТЕЛЕЙ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В целях систематизации, углубления и закрепления знаний, полученных следователями самостоятельным изучением пособий, прокуратурой Ивановской области был проведен учебно-методический семинар, показавший серьезную работу большинства следователей области по повышению специальных знаний.

На итоги семинара по методике расследования убийств и разбойных нападений оказала положительное влияние работа по подготовке следователей к семинару. Начиная с ноября 1953 года, при областной прокуратуре регулярно, один раз в неделю проводились специальные занятия следователей четырех районных прокуратур, расположенных в областном центре, и старших следователей областной прокуратуры. Эти занятия оказали им помощь в самостоятельном изучении методических пособий и применении полученных знаний в следственной работе. Участники занятий под руководством работников следственного отдела областной прокуратуры разбирали дела об убийствах и др., расследованных кем-либо из присутствующих на занятиях следователей. При этом выявлялись допущенные ошибки и положительные моменты в расследовании, выполнялись следственные упражнения с последующим разбором их, разрешались возникшие при изучении юридической литературы затруднительные вопросы. Контроль над изучением рекомендованной литературы и критический разбор следственных дел помогли следователям успешно подготовиться к семинару и хорошо провести расследование по находящимся в их производстве делам.

В целях оказания помощи следователям других прокуратур следственный отдел областной прокуратуры в январе провел три двухдневных групповых семинара в гг. Иваново, Кинешме и Шуе, на которых были разрешены вопросы, возникшие у следователей в ходе самостоятельного изучения литературы, проверялись конспекты, и оказывалась помощь в расследовании. Прокуроры следственного отдела при выезде на места проводили индивидуальные беседы со следователями, выясняя усвоение ими самостоятельно изученного материала, проверяли конспекты.

Были проведены групповые совещания следователей в гг. Иваново, Кинешме и Шуе, на которых обсуждались задачи следователей в связи с предстоящим учебным семинаром и разъяснялся порядок работы семинара. Всем городским и районным прокурорам и народным следователям были разосланы специальные письма о подготовке и участии в работе учебного семинара следователей органов прокуратуры Ивановской области.

В период подготовки к семинару были оборудованы фотолaborатории в прокуратурах г. Вичуги и Фрунзенского района г. Иванова, оживлена работа фотолaborаторий в других прокуратурах. Следователи органов прокуратуры области в большинстве своем освоили криминалистическую технику и фотографию. Многие из них применяют научно-технические средства при расследовании дел по делам. Более десяти следователей имеют теперь специальные фотоальбомы, в которых подбирают фотоснимки по делам с указанием их доказательствен-

ного значения для дела. Такая самодеятельная организация фотоальбомов развивает инициативу и интерес следователей к применению фотографии при расследовании. Фотолаборатории имеются в семи прокуратурах, но в ближайшее время они будут организованы и в ряде других прокуратур.

Для более глубокого изучения юридической литературы, закрепления полученных знаний и освоения криминалистической техники следователи г. Шуи и Шуйского района проводят совместные специальные занятия. Планы занятий высылаются в следственный отдел областной прокуратуры. На занятиях разбираются уголовные дела и изучается следственный чемодан.

В результате предварительной работы следователи Ивановской области были подготовлены к проведению областного учебно-методического семинара. Вся подготовительная к семинару работа была подчинена главной задаче — улучшить состояние следствия. Перед каждым следователем была поставлена задача выехать на семинар, не оставив ни одного неоконченного дела. Большинство следователей выполнило это требование. Семинар отнял у каждого следователя по пять-шесть дней, поэтому имелись известные опасения за исход работы за март. Однако качество и сроки следствия за март оказались лучшими, чем в феврале.

Подготовка к семинару натолкнула на необходимость глубокого изучения программы, присланной из Прокуратуры СССР. Эта программа должна была бы оказать серьезную помощь следователям и следственному отделу при изучении юридической литературы и методических пособий при подготовке к семинару. Однако этому помешали недостатки программы. Во-первых, по своему содержанию она не полностью соответствует теме, так как целиком относится лишь к расследованию убийств. Между тем следственная практика настоятельно требует тщательной разработки методики расследования именно разбойных нападений. Во-вторых, программа по методике расследования не носит методического характера, что является, на наш взгляд, серьезным упущением. Это обстоятельство ясно выявилось при обсуждении лекции начальника следственного отдела областной прокуратуры на заседании методической группы областной прокуратуры: лекция, подготовленная в соответствии с программой, была в силу указанных обстоятельств исправлена и затем прочитана участником семинара.

На первый взгляд показалось странным, почему Следственное управление Прокуратуры СССР, составляя программу и рекомендуя следователям для изучения юридическую литературу, не рекомендовало в качестве методических пособий свои информационные и методические письма и сборники. При внимательном изучении этих

писем и сборников нетрудно заметить, что таких писем и сборников по методике расследования убийств и нападений очень мало, они большей частью посвящены делам о хищениях с подробным описанием, как совершены преступления, но, к сожалению, без указания, как раскрыты эти преступления, без изложения методики следствия по этим делам. В подтверждение этого положения можно сослаться на сборник писем за 1953 год (выпуск 3 и ряд других). Представляется правильным, чтобы Следственное управление и Научно-исследовательский институт криминалистики Прокуратуры СССР пересмотрели рекомендуемые для самостоятельной учебы следователей программы и списки литературы и приняли меры к коренному улучшению методической работы.

Серьезной помехой в подготовке и проведении учебного семинара явился недостаток юридической литературы. Мы не имели возможности обеспечить всех следователей необходимыми учебными пособиями, отдельных рекомендуемых пособий не оказалось. Так по программе в качестве методического пособия рекомендовано важное для следователей пособие под редакцией А. Я. Вышинского «Расследование дел об убийствах», однако это пособие было издано в 1938 году и в большинстве прокуратур не сохранилось. Выяснилось, что в ряде прокуратур области не был обеспечен надлежащий учет и сохранность юридической литературы. По этому поводу прокурором области издан специальный приказ.

Учебно-методический семинар проводился в два потока, что позволило не отрывать одновременно всех следователей от работы. В работе семинара приняли участие все следователи и четыре прокурора следственного отдела областной прокуратуры.

Занятия следователей по организации судебно-медицинской экспертизы проводились в биологическом музее при бюро судебно-медицинской экспертизы, где им была прочитана лекция о судебно-медицинской экспертизе, проведены практические занятия в морге: осмотр и вскрытие трупа. Участники семинара составили протоколы осмотра трупа и ознакомились с биологическим музеем.

Следователи посетили криминалистический музей при научно-техническом отделе управления милиции Ивановской области, где прослушали обзорную лекцию по криминалистике и просмотрели два кинофильма «Осмотр места происшествия» и «Оперативная сумка». Эти фильмы явились наглядным пособием в изучении методики расследования убийств и разбойных нападений. После просмотра кинофильмов было организовано обсуждение их.

Семинар прошел при большой активности слушателей. Прочитанные на семинаре лекции и проведенные занятия помогли следователям более глубоко освоить изученный самостоятельно материал. Лекции и занятия носили методический характер.

Участникам семинара были даны указания о конкретных оперативно-розыскных и последующих действиях следователя по расследованию, в том числе по так называемым делам «без личности». На конкретных примерах из следственной практики Ивановской области показаны положительные примеры согласованной работы следователей с органами милиции. Практические занятия показали, что еще не все следователи научились правильно планировать расследование, строить и проверять версии, правильно применять научно-технические средства.

Многие следователи умело применяют свои знания в работе, повысили качество следствия и добились успехов в работе. Положительный опыт работы народных следователей тт. Кудрявцева и Зайкина следственным отделом областной прокуратуры обобщался, и на основе обобщения всем городским и районным прокурорам и народным следователям рассылались специальные письма.

Удачным в проведении семинара было то, что в его основу было положено изучение примеров работы следователей Ивановской области. Между первым и вторым потоками было проведено областное совещание следователей с докладом начальника следственного отдела об итогах работы за 1953 год. Совещание прошло активно. Критике подвергли недостатки в работе следственного отдела областной прокуратуры: недостаточное распространение положительного опыта согласованной работы следователей и органов милиции, слабая методическая помощь следователям.

Опытом своей работы на совещании поделились следователи Ивановского района

т. Зайкин и Фрунзенского района г. Иваново т. Кудрявцев.

Итоги совещания показали, что уровень следственной работы нас не может удовлетворить, поскольку продолжают иметь место существенные недостатки в организации и планировании следствия, в особенности в методической работе. Необходимо улучшение работы следственного отдела областной прокуратуры, в частности зональных прокуроров, по живому оперативному руководству и оказанию практической помощи следователям в повышении уровня следствия, в устранении узкокриминалистического подхода некоторых следователей к расследованию.

По итогам семинара и совещания следователей прокурором области издан приказ, которым отмечены успехи ряда следователей в практической работе и в повышении своих специальных знаний.

Организованная подготовка и проведение учебного семинара следователей являются положительным началом и серьезным средством улучшения всей следственной работы. В отличие от прежних семинаров следователей, носивших узкоучебный характер, этот семинар был связан с задачей решительного улучшения следствия, применения при расследовании научно-технических средств, глубокого изучения методики следственной работы. Примечательным является и то, что в работе семинара в отличие от прошлого приняли активное участие работники вышестоящих прокуратур и научных учреждений, что способствовало повышению уровня учебы следователей.

В. Зубанов

Начальник следственного отдела прокуратуры Ивановской области

ПО СЛЕДАМ ЗАМЕТОК И ПИСЕМ

В № 1 журнала «Социалистическая законность» была напечатана статья т. Барышева «Некоторые недостатки в судебной и прокурорской практике по гражданским колхозным делам».

Управление юстиции по Ставропольскому краю сообщило в редакцию, что планом работы на второй квартал 1954 года предусмотрено изучение судебной практики по гражданским колхозным делам. Результаты изучения судебной практики будут обсуждены на кустовых совещаниях народных судей.

Управление юстиции по Крымской области сообщило в редакцию, что произведено обобщение материалов судебной практики народных судов области по разрешению гражданских колхозных дел, законченных в четвертом квартале 1953 года и в январе — феврале 1954 года. По итогам обобщения материалов судебной практики с народными судьями сельских районов области проведены семинарские занятия, на которых подробно разобраны ошибки, допускавшиеся народными судами при рассмотрении колхозных дел, и даны указания об их устранении в дальнейшей работе.

Управление юстиции по Белгородской области сообщило в редакцию, что разослано письмо всем народным судам области, в котором обращено внимание на недопустимость в дальнейшей работе ошибок, как это имело место в народном суде Волоконовского района. Предложено обсудить статью т. Барышева на семинарских занятиях судебных и прокурорских работников. Народному судье Волоконовского района т. Бобриневу дано указание проследить за исполнением решения суда в части отпуска Гуртовой зерна по государственному закупочным ценам.

Министерство юстиции Латвийской ССР сообщило в редакцию, что им обобщена практика народных судов республики по разрешению гражданских колхозных дел. На основании материалов обобщения внесены два представления в руководящие органы. Народным судам направлено письмо с указанием об изжитии допущенных ошибок в работе. На семинарских занятиях с народными судьями были обсуждены материалы обобщения.

Прокуратура Латвийской ССР сообщила в редакцию, что неправильные решения народных судов по упомянутым в статье колхозным делам опротестованы в порядке надзора в Верховный суд Латвийской ССР, которым эти решения отменены. По допущенным в народных судах нарушениям внесено представление Министру юстиции Латвийской ССР. По поводу ошибок про-

куроров даны письменные указания всем городским и районным прокурорам и вопрос о работе прокуроров по надзору за рассмотрением колхозных дел в суде был обсужден на учебно-методической конференции прокуроров и их помощников в прокуратуре республики.

Министерство юстиции Киргизской ССР сообщило в редакцию, что им обобщена судебная практика судов по гражданским колхозным делам за четвертый квартал 1953 года и обзор по обобщению направлен начальникам областных управлений юстиции и председателям судов для обсуждения на семинарских занятиях с народными судьями. Решение народного суда Пржевальского района Иссык-Кульской области от 26 марта 1953 г. по иску колхоза «Тегизчил» к Карбозову о возмещении ущерба, причиненного гибелью десяти овец, определением Иссык-Кульского областного суда отменено и дело направлено на новое рассмотрение в тот же суд. Решением народного суда в иске отказано за неосновательностью иска.

Управление юстиции по Краснодарскому краю сообщило в редакцию, что им было истребовано дело по иску колхоза имени Сталина к Штравко о 1000 руб. за павшую ителю и установлено, что факт, изложенный в статье, соответствует действительности. Представлять данное дело в Верховный суд РСФСР для отмены решения народного суда управление считает нецелесообразным, так как порядок взыскания ущерба за гибель крупного рогатого скота изменен и сумма убытка теперь определяется в размере однократной стоимости по закупочным ценам.

Министерство юстиции СССР сообщило в редакцию, что Главное управление гражданских судебных органов в январе 1954 года изучило судебную практику по гражданским колхозным делам, рассмотренным судами РСФСР, Латвийской ССР и Киргизской ССР. Результаты изучения судебной практики обсуждались на заседании Коллегии Министерства юстиции СССР и судам направлены соответствующие указания. По результатам изучения судебной практики поставлен вопрос о внесении изменений и дополнений в постановление Пленума Верховного суда СССР от 5 мая 1950 г. «О судебной практике по гражданским колхозным делам».

В № 1 журнала опубликована статья т. Кацука «Неуклонно соблюдать закон о подсудности».

Прокуратура Татарской АССР сообщила в редакцию, что в настоящее время все уголовные дела, подсудственные следова-

телям, немедленно изымаются из органов милиции. Особенно это относится к делам об убийствах.

Дела этой категории принимаются в производство следователей сразу же после производства осмотра места происшествия. Нарушения закона о подследственности были обсуждены на кустовых совещаниях следователей в гг. Бугульме, Буинске, Чистополе и Челнах, которые проведены следственным отделом со всеми следователями. По этому вопросу следователям даны указания. Кроме того, всем городским и районным прокурорам разослано специальное письмо.

Прокуратура Красноярского края сообщила в редакцию, что статья обсуждена на краевом совещании народных следователей и на краевом совещании городских прокуроров. Городским и районным прокурорам и следователям дано указание о недопустимости в дальнейшем нарушения закона о подследственности.

Прокуратура Ленинграда сообщила в редакцию, что ею проведен ряд мероприятий, направленных на строгое соблюдение подследственности. Проведены совещания, изданы распоряжения, устанавливающие контроль над делами, находящимися в органах милиции, и т. п. В настоящее время уголовные дела, подследственные органам прокуратуры, изымаются из милиции сразу же после возбуждения уголовного дела и проведения розыскных действий.

Прокуратура Челябинской области сообщила в редакцию, что ею приняты меры к устранению фактов нарушений подследственности. В марте проведено областное совещание городских и районных прокуроров, на котором прокурор области в своем докладе обратил внимание участников совещания на необходимость строгого соблюдения закона о подследственности. На этот же недостаток в следственной работе указано в обзоре о состоянии следствия за четвертый квартал 1953 года. В первом квартале проверена следственная работа прокуратуры Миньярского района, по результатам которой проведено совещание работников прокуратуры и милиции этого района. В Нагайбакский район, где нарушение подследственности допускалось из-за отсутствия следователя, командирован следователь из другого района. Прокурор Каслинского района т. Лясковский, у которого при ревизии обнаружены нарушения закона о подследственности, заслушан на оперативном совещании при прокуроре области.

В № 1 журнала была напечатана статья тт. Ильина и Розенштейна «Необъективные и неправильные выступления прокурора».

Прокуратура Казахской ССР сообщила в редакцию, что статья проверена и ряд фактов, указанных в ней, нашел свое подтверждение. За необъективное выступление

в суде в качестве государственного обвинителя по уголовным делам и поверхностную оценку действий подсудимых начальник уголовно-судебного отдела прокуратуры области т. Бытков предупрежден.

В № 1 журнала была опубликована корреспонденция т. Зайцева «Пора обратить внимание на условия, в которых работают следователи».

Прокуратура РСФСР сообщила в редакцию, что ею поставлен вопрос перед прокурором Ивановской области о разрешении вопросов, поднятых в корреспонденции т. Зайцева.

В № 1 журнала была напечатана корреспонденция т. Гукасяна «Когда же ВЮЗИ наведет порядок в своих Ростовском и Бакинском филиалах».

Азербайджанский государственный университет (заочное отделение) сообщил в редакцию, что им принимаются все меры к тому, чтобы случаи, указанные в корреспонденции, не имели места.

Ростовский филиал ВЮЗИ сообщил в редакцию, что в корреспонденции т. Гукасяна правильно отмечаются недостатки в работе Ростовского филиала. На второй семестр 1953/54 учебного года методической документацией обеспечены все студенты. Поставлен вопрос перед ВЮЗИ о необходимости своевременного обеспечения студентов программами, методическими указаниями и особенно тематикой письменных курсовых и контрольных работ, чтобы во время летней учебно-экзаменационной сессии можно было каждого студента обеспечить всем необходимым.

Всесоюзный юридический заочный институт сообщил в редакцию, что дирекцией института принимаются меры к тому, чтобы студенты института, в том числе и Ростовского филиала, были обеспечены контрольными заданиями на 1954/55 учебный год и другими учебными материалами во время летней учебно-экзаменационной сессии.

В № 1 журнала была опубликована в разделе «Из редакционной почты» корреспонденция т. Чернова о волоките с исполнением отдельного требования прокуратуры Красночетайского района Чувашской АССР прокурором Юринского района Марийской АССР.

Прокуратура Марийской АССР сообщила в редакцию, что корреспонденция является правильной. Прокурор Юринского района за волокиту с исполнением указанного отдельного требования предупрежден.

В № 1 журнала была напечатана корреспонденция т. Тарханова («Из редакционной почты») по поводу пререканий о подсудности по иску Коммунарковского золотопродснаба к Суворову.

Управление юстиции по Красноярскому краю сообщило в редакцию, что в соответствии с указанием, данным народному судье Ширина района, дело им рассмотрено по существу.

В № 1 журнала была напечатана корреспонденция т. Прошкина («Из редакционной почты») о волоките в народном суде 2-го участка Ворошиловского района г. Воронежа.

Управление юстиции по Воронежской области сообщило в редакцию, что при проверке изложенные в корреспонденции факты подтвердились. В настоящее время дело по иску к Морозову народным судом рассмотрено, о чем истец был поставлен в известность. Исполнительный лист на взыскание с Морозова присужденной суммы народным судом был направлен истцу в марте. Решение суда о взыскании с Шаламова 650 руб. исполнено, взысканные деньги перечислены истцу. К лицам, виновным в волоките, приняты меры дисциплинарного взыскания.

В № 12 журнала была напечатана корреспонденция т. Масленникова «Устранить причины, порождающие подачу кратких, безмотивных кассационных жалоб».

Министерство юстиции РСФСР сообщило в редакцию, что им дано указание начальнику управления юстиции по Омской области проверить факты, изложенные в корреспонденции, и принять меры к устранению недостатков в работе народных судов.

В № 12 журнала была опубликована статья т. Яновского «Повысить качество решений по гражданским делам».

Министерство юстиции Украинской ССР сообщило в редакцию: в связи с тем, что повышение качества решений по гражданским делам в настоящее время является одной из основных задач судов и органов юстиции республики, Министерством юстиции Украинской ССР в феврале проведен ряд мероприятий. Были обобщены материалы о соблюдении судами требований процессуального закона, изучены причины отмены решений по гражданским делам. Эти материалы обсуждены на заседаниях коллегии Министерства юстиции Украинской ССР и на республиканском совещании начальников областных управлений юстиции и председателей областных судов. По всем перечисленным в статье т. Янов-

ского делам неправильные решения суда Верховным судом отменены.

Управление юстиции по Харьковской области сообщило в редакцию, что указанные в статье ошибки и нарушения имеют также место в работе отдельных народных судов Харьковской области. Для повышения качества работы народных судов по разрешению гражданских дел управлением юстиции систематически обобщается практика народных судов по разрешению отдельных категорий гражданских дел — жилищных, об алиментах, об исключении имущества из описи, по искам государственных учреждений и организаций к частным лицам, гражданских колхозных дел и др. Обобщения судебной практики обсуждаются на семинарских занятиях народных судей. Проводятся занятия с народными судьями по улучшению досудебной подготовки гражданских дел. Ежемесячно анализируются основания отмены областным судом обжалованных и опротестованных решений народных судов, и анализы также обсуждаются на семинарских занятиях народных судей. Управление юстиции практикует вызовы отдельных народных судей, допустивших нарушения при разрешении конкретных дел, и требует от народных судей выносить мотивированные решения со ссылкой на закон. Со статьей ознакомлены все народные судьи.

В редакцию поступила корреспонденция адвоката г. Львова т. Шабашева, в которой ставился вопрос о пенсионной кассе адвокатов.

Министерство юстиции СССР сообщило в редакцию, что в создании специального пенсионного фонда для адвокатов нет необходимости, поскольку адвокаты обеспечиваются пенсиями на общих основаниях. Однако общее собрание членов коллегии адвокатов своим решением может выделить из 30% отчислений определенную сумму на оказание единовременной материальной помощи членам коллегии адвокатов.

В № 7 журнала за 1953 год была напечатана корреспонденция т. Арефьевой «Строго выполнять процессуальные гарантии».

Управление юстиции по Костромской области сообщило в редакцию, что названная заметка обсуждалась на оперативном совещании при председателе Костромского областного суда. Совещание признало правильной корреспонденцию в части, касающейся заместителя председателя областного суда т. Груева. Совещание указало на допущенное им нарушение закона при рассмотрении уголовного дела по обвинению Смирнова и предложило впредь более внимательно и всесторонне исследовать материалы каждого дела.

УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО США — ОРУДИЕ НАСТУПЛЕНИЯ НА ПРАВА ТРУДЯЩИХСЯ

Система драконовских мер уголовно-правовой репрессии используется буржуазией в качестве одного из орудий обеспечения эксплуатации масс в целях извлечения максимальной капиталистической прибыли. Эти драконовские законы используются буржуазией для защиты отживающего строя.

Наиболее отчетливо характер и служебная роль буржуазного уголовного права проявляются в Соединенных Штатах Америки. Уголовное право США является одним из активных средств расправы с трудящимися, с прогрессивными гражданами, выступающими против реакционной внутренней и внешней политики, проводимой законами Уолл-стрита.

Уголовное право США осуществляет служебную роль в борьбе со все возрастающим сопротивлением народных масс политике милитаризации и наступления на жизненный уровень трудящихся. На примере уголовного права США рельефно отражается процесс отказа буржуазии от буржуазно-демократических свобод.

Под предлогом борьбы с «подрывными элементами» в США были приняты и продолжают издаваться уголовные законы, направленные против самых широких слоев американского народа.

Реакционные американские юристы разрабатывают «теорию» о лицах, «потенциально опасных для национальной безопасности США», к которым, мол, следует применить весь арсенал уголовно-правовых санкций (казнь, заключение в тюрьму, в концентрационный лагерь и т. п.) еще до того, как эта «потенциальная опасность» найдет свое проявление в конкретном деянии. Эти юристы призывают к изданию таких уголовных законов, которые прямо давали бы возможность наказывать опасных для буржуазии лиц, вне зависимости от того, совершили ли они какое-либо конкретное правонарушение или нет.

В основе теории «предупредительного» уголовного права лежат реакционные положения о возможности и необходимости применения уголовных репрессий при полном отсутствии вины. Вместо вины лица, предаваемого суду, основанием для применения «наказания» служит его «опасное состояние». Отрицание необходимости установления вины для наступления уголовной «ответственности» служит теоретическим прикрытием «предупредительного» осуждения судами прогрессивно мыслящих граждан, политические убеждения которых при-

знаются опасными для миллионеров и миллиардеров США.

Основной тезис «доктрины предупредительного уголовного права» отчетливо сформулировал проф. Ш. Глюк: «Следует иметь в виду субъекта и поменьше говорить о преступлении, о деянии». Профессор Колумбийского университета, бывший заместитель генерального прокурора США, Г. Уэкслер пишет о необходимости применения уголовного наказания «при наличии любых проявлений, свидетельствующих об опасности лица, даже тогда, когда само по себе его поведение не дает оснований для применения мер воздействия».

Множество откровенно палаческих законов служит средством наступления американской буржуазии на интересы и права трудящихся США. Вслед за изданием федеральных законов Тафта—Хартли, Маккарэна законодатели штатов и местные власти муниципалитетов и графств приняли множество законов и норм, снабженных террористическими санкциями. В настоящее время издано и действует свыше 300 законов отдельных штатов, направленных на расправу с прогрессивными американцами. Подобные федеральные законы и законы штатов дополняются и развиваются постановлениями более 150 муниципалитетов и графств.

Идеологи империалистической реакции мечтают об установлении тотального контроля над мыслями, политическими убеждениями, действиями всех трудящихся США. Тотальная цензура—цензура книг и средств массовой пропаганды, снятие отпечатков пальцев и создание специальной полицейской картотеки всех граждан, повальные обыски, подслушивание телефонных разговоров, неусыпная полицейская слежка и тому подобные меры, осуществляемые на практике и воспеваемые в «теории»,— все это представляет собой звенья тех цепей, в которые темная реакция мечтает заковать американский народ.

Одним из подобных средств установления тотального полицейского контроля являются снабженные уголовными санкциями законы о «регистрации».

Закон Маккарэна 1950 года (так называемый «закон о внутренней безопасности») устанавливает подконтрольность организаций и граждан, взятых под подозрение американской охранкой— федеральным бюро расследования, и обязывает их систематически представлять отчеты о своей деятельности. Любой шаг, любое действие, лю-

бую мысль граждан, попавших под подозрение, включенных в черный список на основании донесения федерального бюро расследования, закон Маккарэна ставит под неусыпный полицейский контроль. Попытка прорвать многообразные пути этого контроля влечет за собой применение суровых наказаний.

Зарегистрированные граждане превращаются в лиц, ограничиваемых в элементарнейших гражданских правах или всецело их лишаемых. Закон лишает их права свободного поступления на работу, права получения паспорта, права свободного пользования почтой, права бесконтрольно распоряжаться своими средствами.

Никому из членов организации, признанной «коммунистической», не может быть предоставлена какая-либо работа на государственной службе или даже на частном предприятии, имеющем оборонное значение. Этот запрет сопровождается угрозой применения наказания: лицо, нарушающее данное правило, наказывается штрафом до 10 000 долларов, или тюремным заключением до пяти лет, или обоими наказаниями вместе, причем наказание применяется как к самому служащему или рабочему, так и к должностному лицу, допустившему его к работе.

Таким образом, в целях политического подавления трудящихся закон Маккарэна угрожает безработицей прогрессивным гражданам, снабжая запрет работать уголовно-правовой санкцией — угрозой применить суровое наказание к лицам, которым удалось бы его нарушить. В законе Маккарэна получает правовую санкцию типичное для американского империализма сочетание экономического принуждения (перспектива голодной смерти служащего или рабочего, лишения работы ввиду прогрессивных политических убеждений) с использованием уголовно-правовых методов расправы.

Правовое закрепление экономического принуждения как формы политической борьбы с трудящимися нашло свое дальнейшее развитие в законодательстве отдельных штатов, дополняющих террористические меры закона Маккарэна. Так в штате Огайо закон запрещает выдавать мизерное пособие голодающим безработным членам прогрессивных организаций: все безработные, добывающиеся выдачи им пособия на пропитание, обязаны представить справку о своей «лояльности».

Если закон Маккарэна, ограничивая право прогрессивных граждан поступать на работу, в основном имеет в виду государственную службу, то законодатели штата Миссисипи пошли гораздо дальше и объявили, что ни одна вакантная должность как в торговом, так и в промышленном предприятии не должна замещаться членом коммунистической партии.

Достаточно поставить свою подпись под Стокгольмским воззванием о запрещении атомного оружия, посетить митинг сторон-

ников мира, выписать прогрессивный журнал или быть заподозренным в «общении» с коммунистами, чтобы быть уволенным с волчьим билетом.

Художники, писатели, в творчестве которых отражена правда жизни, отстаивающие прогрессивные идеи, объявляются «подрывными элементами».

Прогрессивный радиокomentатор Иоганнес Стил, потерявший, подобно многим другим, работу, писал: «Приблизительно 500 тысяч американских писателей, ученых, художников, врачей, руководителей профсоюзов и рядовых людей, придерживающихся прогрессивных взглядов, находятся на грани экономической гибели в результате преследований. В ближайший год эта цифра, повидимому, удвоится».

Поскольку инквизиторская проверка «лояльности», проводимая в соответствии с приказом федерального правительства и узаконенная многочисленными законами штатов и постановлениями местных органов власти, распространена на частные предприятия, обвинение в «нелояльности» влечет за собой внесение в гласные и негласные черные списки, безработицу и верную перспективу голодной смерти.

Свыше 150 самостоятельных коммиссий по проверке лояльности государственных служащих созданы федеральным правительством. «Чистке» со стороны коммиссий по проверке лояльности были подвергнуты в общей сложности свыше двух миллионов человек. Несколько сот тысяч человек при этом были уволены без права нового поступления на работу.

В результате проверки политических убеждений пришлось покинуть Калифорнийский университет столь значительному числу преподавателей, что прекратилось чтение 48 лекционных курсов. Из ряда других университетов (Вашингтон, Орегон) были уволены преподаватели, осмелившиеся выступить в поддержку прогрессивных теорий или «подозреваемые» в принадлежности к коммунистической партии. Совет по вопросам просвещения Нью-Йорка определил, что критерием «лояльности» американского преподавателя служит его активность в пропаганде холодной войны.

Путем издания уголовных законов американская буржуазия осуществляет не только расправу с прогрессивными гражданами и организациями, — она пытается при помощи уголовных наказаний и угрозы их применения отгородить прогрессивные организации американского народа — в первую очередь Коммунистическую партию США — от народных масс.

Американские монополисты широко используют гангстерские банды в качестве орудия политической борьбы с организованным рабочим движением, в качестве орудия политического террора.

Факты использования гангстеров из гангстерской банды Альберта и Антони Анастасия для расправы с бастующими ра-

бочими медееработывающей компании «Фельпс-Дадж» приводятся в официальном, так называемом «третьем» предварительном отчете «комиссии Кефопера». Комиссия была вынуждена также подтвердить факт использования крупнейшими концернами Детройта «Бригс мануфакчеринг компани» и «Детройт став компани» гангстеров из шайки Пероне для систематической борьбы с рабочими и с профсоюзами. Были вскрыты также связи Форда с известным гангстером Джо Адонисом. Указанные компании (как и многие другие, не упомянутые в докладе) регулярно выплачивают гангстерским объединениям крупные вознаграждения за организацию провокаций, диверсий, шпионажа, разгон митингов и собраний, за осуществление террора в отношении рабочих и прогрессивных профессиональных союзов.

Империалисты США устанавливают уголовные наказания не только за посещение митингов и собраний демократических организаций, но угрожают уголовными репрессиями за проявление симпатий к коммунистам. Так в соответствии с постановлением муниципалитета г. Эри (штат Пенсильвания) подвергаются тюремному заключению и денежному штрафу все лица, оказывающие какую-либо поддержку коммунистам или же попросту им симпатизирующие, если они не выполняют требования о «регистрации». По существу, достаточно одного совершенно неопределенного и растяжимого обвинения в «поддержке», чтобы иметь возможность на основании этого постановления отправить в тюрьму любого гражданина, чьи политические убеждения представителям монополии покажутся недостаточно реакционными.

Напуганная подъемом стачечного движения, американская буржуазия все шире применяет антирабочие законы, своим острием направленные против профсоюзного движения. При помощи этих законов, к которым относятся федеральный закон Тафта — Хартли и значительное число «малых законов Тафта — Хартли», изданных в отдельных штатах, американские монополисты пытаются сорвать рабочие стачки, забастовки. Используя эти законы, предприниматели мешают профсоюзному движению высвободиться из-под разлагающего влияния предателей американского рабочего класса — реакционных профсоюзных лидеров, осуществляют расправу с прогрессивными деятелями профсоюзного движения.

В ряде штатов полностью запрещены забастовки рабочих и служащих ряда предприятий и учреждений, в частности предприятий общественного обслуживания (Мичиган, Миссисипи, Нью-Йорк, Огайо, Пенсильвания, Техас и др.).

Законы штатов зачастую издавались в ходе возникших крупных забастовок — в качестве одного из средств подавления стачечников. Так в штате Нью-Джерси закон, запрещающий забастовки на предприятиях общественного обслуживания, был издан

во время забастовки 300 тысяч рабочих и служащих телефона, причем действие закона было распространено на уже производившуюся забастовку: каждый участник забастовки подлежал заключению в тюрьму сроком на 30 дней и штрафу от 250 до 500 долларов за каждый день участия в забастовке.

Все усиливающиеся темпы наступления на права трудящихся, страх американской буржуазии перед гневом народа отражают ее стремление запретить деятельность коммунистической партии.

Изданный в конце 1951 года в штате Массачусетс закон прямо запрещает деятельность коммунистической партии. Этот закон определяет, что любое лицо, продолжающее оставаться в рядах коммунистической партии, будет заключено в тюрьму на срок до трех лет и подвергнуто дополнительному крупному денежному штрафу. Законодатель не только угрожает коммунистам тюремным заключением, но дополнительно лишает их права претендовать на работу в государственных учреждениях и школах в течение пяти лет после освобождения из тюрьмы. Лишь после истечения пятилетнего срока лицо может получить «право» претендовать на работу при условии, если специальным приказом суда оно будет признано «лояльным». Этот же закон устанавливает, что любое лицо, разрешающее у себя на квартире встречаться коммунистам или помогающее преследуемым коммунистам, должно понести наказание как уголовный преступник.

В конгресс США 83-го созыва, начавший свою работу в 1953 году, внесены законопроекты, предусматривающие немедленное запрещение коммунистической партии, немедленное заключение в тюрьму или концентрационный лагерь всех ее членов.

Зато дружба с гангстерами приносит почет и славу. В городе Майами, тоже имеющем свои «местные» антикоммунистические законы, расположена зимняя штабквартира крупнейших объединений гангстеров, терроризирующих американских трудящихся под покровительством монополий. К числу их принадлежит босс гангстеров Ф. Костелло.

Американская реакция надеется запрещением коммунистической партии лишить народ США боевого пролетарского руководства. Однако ни судебные инсценировки, ни новые антикоммунистические законы не в состоянии сломить коммунистическую партию, ибо Коммунистическая партия США нерушима и своими корнями уходит в массы народа.

В паническом страхе перед гневом народа американская буржуазия издает законы, карающие... за вывешивание красного знамени! В 34 штатах действуют законы «о запрете красного знамени».

Некогда прусские юнкеры стремились искоренить любую прогрессивную мысль путем террористических законов, запрещав-

ших мыслить иначе, чем это было угодно правящим реакционерам. Карл Маркс, клеймя тупоумие юнкеров, писал, что законы, которые делают главным критерием не действия, а образ мыслей действующего лица, представляют не что иное, как положительную санкцию беззакония.

Ныне американская буржуазия использует уголовные законы в качестве действенной формы применения насилия к лицам, распространяющим «опасные мысли».

Среди законов, предусматривающих тяжкие уголовные наказания за пропаганду «опасных мыслей», следует назвать в первую очередь пресловутый закон Смита, изданный еще в 1940 году. Этот закон дает возможность преследовать граждан в уголовном порядке за прогрессивные убеждения, за идеи, за политические взгляды, за их распространение. Именно закон Смита был использован в качестве юридического прикрытия для расправы с одиннадцатью лидерами Коммунистической партии США. Первый процесс руководителей Коммунистической партии США на Фоли-сквере, освященный решением верховного суда США, послужил сигналом для серии судебных инсценировок, направленных на то, чтобы заточить в тюрьму, сослать на каторгу руководящих деятелей национального комитета Коммунистической партии США и ее местных организаций. Американская охранка — федеральное бюро расследования — организовала инсценировки суда над руководителями местных организаций коммунистической партии в штатах Пенсильвания, Калифорния и Мериленд.

Закон Смита предусматривает наказание — тюремное заключение сроком до десяти лет и штраф до десяти тысяч долларов. Но даже подобное зверское наказание не устраивает реакционеров, оно кажется им слишком мягким, — они требуют предавать смерти лиц, распространяющих прогрессивные идеи: в Теннесси, где этот клич претворен в норму закона, инакомыслящим угрожало казнь.

По пути увеличения наказания, предусмотренного федеральным законодательством, пошли законодатели штатов Мериленд, Миссисипи и др. Изданный, например, в штате Мериленд закон Обера, «синтетически» объединивший основные положения закона Смита, закона Маккарэна и приказа президента США о проверке лояльности, удвоил санкцию закона Смита: «носители опасных мыслей» теперь могут быть заключены в тюрьму сроком на двадцать лет, оштрафованы на двадцать тысяч долларов.

В наиболее яркой форме сверхреакционная идея «предупредительного» применения наказаний к прогрессивным гражданам, не совершившим никаких преступлений, нашла свое выражение в разделе втором закона Маккарэна, предусматривающем в случае объявления «чрезвычайного положения в области внутренней безопасности» массо-

вое «превентивное» заточение в концентрационные лагеря лиц, заподозренных в прогрессивных политических убеждениях, лиц, включенных на основании секретных донесений в черные списки федерального бюро расследований.

Создание концентрационных лагерей на основе федерального закона представляет собой чрезвычайную террористическую меру американской реакции. Над любым американским гражданином нависла угроза быть посаженным в концентрационный лагерь, если в отношении него, как говорит закон, «существуют разумные основания полагать, что он, по всей вероятности, будет совершать или тайно замышлять совершать подрывные действия».

Как сообщает американская печать, гигантские концентрационные лагеря уже сооружены в Тул-Лейк (штат Калифорния), Эль-Рино (Оклахома), Эйвон-парк (Пенсильвания), Уикенберг и Флоренс (Аризона).

Никакие меры политического насилия не в состоянии повернуть историю вспять, предотвратить обусловленную объективными экономическими законами гибель капитализма. Тщетны мечты империалистов сломить при помощи репрессий решимость американского народа отстоять мир и свободу. С каждым днем все более широкие слои американского народа включаются в борьбу за свободу и мир.

Наглядным примером возросшего боевого духа американских трудящихся и упорства, проявляемого ими в борьбе за свои жизненные интересы, служит подъем забастовочной борьбы в США. Типичной и весьма знаменательной чертой забастовочного движения в США является массовость забастовок. Все более крупные отряды американского рабочего класса принимают участие в забастовках.

В активной борьбе американского народа за мир и демократию основную силу представляет рабочий класс во главе с Коммунистической партией США. Преданный делу марксизма-ленинизма, боевой авангард американского рабочего класса — Коммунистическая партия США — является сплоченным отрядом в борьбе против реакции. Коммунистическая партия США успешно сочетает борьбу за мир с борьбой против наступления монополий на жизненный уровень трудящихся и элементарные политические права американского народа.

Серьезную борьбу за мир и демократию ведут прогрессивные профессиональные союзы, активно выступающие против новых антирабочих и антипрофсоюзных законов.

Активное сопротивление рабочего класса и всех трудящихся США наступлению реакции свидетельствует, что никакие драконовские меры не могут задуть борьбу американского народа за свои жизненные интересы, за свои права, за мир.

С. Зивс

В. И. Серебровский — Очерки советского наследственного права, изд. Академии наук СССР, Институт права.

Работа В. И. Серебровского представляет собой систематическое исследование всего комплекса материально-правовых вопросов, входящих в институт наследования. Достоинством работы является то, что автор останавливается на исследовании вопросов, тесно соприкасающихся с наследственным правом. Автор широко использует большую практику наших руководящих судебных органов, обобщает эту практику. Автор не ограничивается изложением своей точки зрения по спорным вопросам наследственного права, но приводит также и другие мнения, существующие в литературе, подвергая их обстоятельной критике. Автор старается раскрывать, исходя из марксистско-ленинского учения о базисе и надстройке, социальный смысл и содержание институтов и норм наследственного права, противопоставляет наше социалистическое наследственное право буржуазному наследственному праву, осуществляющему задачи закрепления и «увекочивания» отношений эксплуатации.

Все эти положительные стороны монографии заставляют сделать вывод, что монография может служить полезным пособием для наших студентов при изучении ими данного раздела курса гражданского права.

Однако мы хотим обратить внимание на те сомнения, которые вызывают некоторые высказанные автором положения.

На стр. 14 «Очерков» автор определяет советское социалистическое наследственное право как «совокупность установленных Советским государством законодательных норм, регулирующих условия и порядок перехода по наследству права личной собственности граждан и других принадлежащих им имущественных прав». Правильность этого определения вызывает сомнение прежде всего в том отношении, что оно ограничивает наследование только сферой имущественных прав наследодателя, между тем известно, что наше право не знает такого ограничения. Так Основам авторского права от 16 мая 1928 г. известен переход авторского права по наследству — по закону (ст. 15) и по завещанию (ст. 160). Авторское право включает как имущественные права автора, так и неимущественные — личные. Согласно ст. 16 Основ, авторское право может переходить по завещанию либо полностью, в целом, либо в части.

О неимущественных правах, перешедших к наследникам, прямо говорится и в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 8 октября 1928 г. в ст. 28 (право на неизмен-

ность произведения) и в ст. 24 (право на разрешение переуступки издания произведения). Переход к наследникам некоторых личных прав известен и нашему изобретательскому праву (ст. 6 положения об изобретениях). Между тем В. И. Серебровский в своем определении понятия наследства говорит о переходе только имущественных прав.

В то же время В. И. Серебровский, рассматривая вопрос о разделе наследства, указывает, что «авторское право неделимо. Поэтому при переходе по наследству к нескольким наследникам авторского права на произведение литературы, науки и искусства раздел авторского права или выдел из него соответствующей доли невозможен» (стр. 223, прим. 2). Другими словами, в данном случае В. И. Серебровский сам, в отступление от данного им определения, говорит о переходе по наследству некоторых неимущественных прав наследодателя.

В. И. Серебровский возражает против «установившегося в юридической литературе ...понимания наследства как совокупности имущественных прав и обязанностей наследодателя» (стр. 31), полагая, что «в состав имущества не могут входить долги» (стр. 32). В подтверждение этого своего положения автор ссылается на то, что в разделе «наследственное право» Гражданский кодекс нигде не упоминает «о наследственном имуществе или о наследстве как о совокупности имущественных прав и обязанностей наследодателя» (стр. 32), а также на филологическое толкование ст. 434 ГК, говорящей об ответственности «по долгам, обременяющим наследство». «Если бы, — полагает автор, — долги входили в состав наследственного имущества, то они уже никак не могли бы «обременять» его» (стр. 33). Что касается последнего соображения, то, с точки зрения филологического толкования, с одинаковым правом можно утверждать, что, входя в состав наследства, долги обременяют последнее, уменьшая его. Ссылка же на то, что в ГК специального определения понятия наследственного имущества не дается, не лишает теорию права конструировать понятие «наследственное имущество» как совокупность имущественных прав и обязанностей наследодателя. Ведь понятие наследственного имущества — не что иное, как применение понятия имущества как единства, принадлежащего физическому (или юридическому) лицу, но рассматриваемого с точки зрения состояния его на день смерти этого физического лица. Это единство представляет собой объективный факт, с которым не может не считаться право. Поэтому разрыв этого единства, конструкция ответственности наследника по долгам наследодателя как са-

мостоятельного института наследственного права, хотя и находящегося «в близкой связи» с универсальным наследственным преемством (как это полагает В. И. Серебровский на стр. 42), представляет собой разрыв того, что объективно существует как экономически нечто целое.

Поэтому нельзя согласиться с В. И. Серебровским, когда он заявляет: «Если бы долги наследодателя являлись составной частью наследства, наследник, к которому перешло наследство, всегда должен был бы нести ответственность по этим долгам в полном их объеме» (стр. 42). Это положение было бы правильно в том случае, если бы правовое регулирование представляло собой логическое развитие идеи, имело бы самостоятельное бытие и развитие. При нашем же понимании права (как там же, на стр. 42, подчеркивает и В. И. Серебровский), «законом может быть предусмотрен и иной порядок» регулирования ответственности наследника по долгам наследодателя.

Поэтому представляется, что нет необходимости отказываться от установившегося в нашей теории взгляда, что понятие «имущество» многозначно: под ним можно понимать «вещи» (совокупность вещей) в соответствии со ст. ст. 20 и 26 ГК; можно понимать, как указывается в ст. 87 ГК, «всякое имущество... в том числе долговые требования»; можно понимать весь принадлежащий физическому или юридическому лицу комплекс имущественных прав и обязанностей. Под «наследством» же ничто не препятствует понимать как этот комплекс, так и те неимущественные права, которые могут переходить по наследству.

На стр. 73 В. И. Серебровский правильно указывает, что при определении нетрудоспособности, дающей право на наследование при наличии иждивения в течение года, не следует руководствоваться категориями, установленными в пенсионном законодательстве, а надлежит исходить из фактического состояния здоровья лица. Но на стр. 74 автор отступает от этого принципа и считает, что если это лицо «утратило трудоспособность частично и может при соответствующих условиях работать», то «нет оснований к включению его в число наследников по закону». С этим взглядом нельзя согласиться. При наличии хотя бы и частичной, но стойкой утраты трудоспособности у лица, находившегося на иждивении умершего, за ним должно быть признано право на наследование: это вытекает из принципа уважения к воле наследодателя, выразившейся в принятии наследодателем этого лица на свое иждивение и в содержании его не менее года до своей смерти.

Рассматривая вопрос о возможном совпадении у лица, призванного к наследованию (у внука или правнука наследодателя), двух оснований к наследованию — по праву представления и по праву «иждивенчества», В. И. Серебровский полагает, что

«нет оснований предоставлять наследнику право выбора между призыванием к наследованию по праву представления и призыванием к наследованию в качестве «иждивенца». Здесь должна быть полная определенность» (стр. 86). Это было бы правильным лишь в том случае, если внук наследодателя стал иждивенцем своего деда еще при жизни своего отца, ибо только в этом случае он наследовал бы наряду со своим отцом. Но указаниями автора нельзя воспользоваться в тех случаях, когда внук стал иждивенцем своего деда после смерти своего отца, умершего за год до смерти наследодателя, а такой состав будет в подавляющем большинстве случаев совпадением двух оснований призыва внука к наследованию.

Но и при том фактическом составе, при котором положение автора вполне применимо, можно с тем же основанием утверждать, что если внук приобрел право наследования по праву представления, то он может в этом именно качестве и призываться. Вывод этот неизбежен потому, что поскольку призывание к наследованию в качестве ли иждивенца или по праву представления является правом внука, то нельзя отказать призываемому в праве выбора из имеющихся у него оснований к призыванию к наследованию. Определенность должна быть, но она может выясниться в тот момент, когда она нужна, — в момент раздела наследства, после чего менять выбранное основание к наследованию бывший наследник уже не вправе.

Рассматривая вопрос об обязательной доле несовершеннолетних и других нетрудоспособных (ст. 422 ГК, абз. второй), автор полагает, что в счет наследственной доли тех из них, которые проживали совместно с наследодателем, должна быть зачитываема стоимость предметов обычной домашней обстановки и обихода. «Закон, — указывает В. И. Серебровский, — не устанавливает дополнительного обеспечения для наследников, имеющих право на обязательную долю, совместно проживающих с наследодателем» (стр. 133). Автор прав в своем утверждении, что дополнительного обеспечения для этой категории наследников в законе не установлено. Но и нужды в таком дополнительном обеспечении нет: это обеспечение вытекает из содержания действующего закона. В самом деле. Согласно абзацу второму ст. 422 ГК завещатель не может лишить несовершеннолетних детей и других нетрудоспособных наследников той доли, которая причиталась бы им при наследовании по закону. Как это четко указано в ст. 421 ГК, они должны были бы получить сверх доли из имущества умершего, причитающейся им по ст. 420 ГК, также и имущество, относящееся к обычной домашней обстановке. С точки зрения же автора эти лица получат не все, что они получили бы в порядке ст. ст. 420 и 421 ГК.

В. И. Серебровский утверждает (стр. 133), что «при действии ст. 422 ГК (в новой редакции) нет оснований для применения ст. 42-2 Кодекса законов о браке, семье и опеке, ибо, по его мнению, «получение обязательной доли вполне обеспечивает интересы несовершеннолетних или нуждающихся нетрудоспособных детей и нет причин предоставлять им еще притязания на получение содержания из наследственного имущества». Утверждение В. И. Серебровского вызывает сомнения. Неясно, на чем основано мнение, что получение обязательной доли вполне обеспечивает интересы несовершеннолетнего. По сравнению с прежним, до указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 июня 1945 г., положение несовершеннолетних в рассматриваемом случае изменилось в том лишь отношении, что, вместо ранее гарантировавшихся трех четвертей законной доли, после издания упомянутого указа перечисленным (в абзаце 2 ст. 422 ГК) лицам гарантируется получение всей законной доли. И если прежде закон считал необходимым дать несовершеннолетним гарантии, указанные в ст. 42-2 Кодекса законов о браке, семье и опеке, то неправильно предполагать, что основания к применению ст. 42-2 в настоящее время отсутствуют.

Автор возбуждает вопрос, сохраняется ли наследственная трансмиссия (переход права наследования по наследству) при субституции (подназначении наследника), и дает (стр. 197 и 198) отрицательный ответ на этот вопрос: если наследник умрет, не выразив четко своей воли принять наследство, то последнее переходит не к его наследникам, а к подназначенному наследнику. Автор приводит пример: А. оставил свое имущество по завещанию своей взрослой дочери Елене, позже вышедшей замуж, а на случай, если Елена умрет ранее завещателя, своему сыну Василию. Елена умерла через два месяца после смерти А., не успев (подчеркивает автор) выразить свою волю на принятие или на отказ от наследства. «К кому должно перейти неосуществленное ею право наследования — к сыну завещателя или к мужу его дочери?» — ставит вопрос (стр. 197) автор и приходит к выводу, что непринятое Еленой наследство должно перейти к подназначенному наследнику — к сыну завещателя. Мотивом для такого ответа служит то, что, по его мнению, «ст. 424 имеет в виду, чтобы основной наследник сам принял наследство» (там же). Статья 424 ГК не говорит об обязательном личном принятии наследства основным наследником: она только устанавливает, что если основной наследник не примет, т. е., точнее, — откажется от своих наследственных прав, то к наследованию должен призываться подназначенный наследник. Поэтому случай, приведенный В. И. Серебровским, должен решаться на основании положений, регулирующих порядок наследования, с учетом того, о каком наследнике идет речь —

о присутствующем или отсутствующем. Если Елена должна считаться присутствующим наследником, то, поскольку она умерла, не отказавшись от наследства своего отца, последнее вместе с имуществом, ей лично на день ее смерти принадлежавшим, переходит к ее наследникам, которые до истечения трех месяцев со дня смерти отца Елены вправе отказаться от этой части наследства. Если же Елена — из числа отсутствующих наследников, то лица, наследующие в ее имуществе, вправе до истечения шести месяцев со дня открытия наследства после смерти ее отца, заявить о принятии ими наследства. Только такой ответ представляется нам согласным с нормами, регулирующими у нас право наследования.

Автор правильно отмечает (стр. 217), что «при наличии нескольких наследников они, по общему правилу, несут ответственность по долгам, обременяющим наследство, пропорционально своей наследственной доле». Касаясь несколько ниже (на стр. 218) вопроса (на практике едва ли возникающего), каково положение, если наследодатель оставит завещание, по которому на одного из наследников возложит обязанность платить долги, а других наследников от этой обязанности освободит, автор полагает, что кредитор наследодателя принадлежит право требовать с любого из наследников покрытия задолженности.

Полагаем, что такое мнение противоречит прежде всего ст. 115 ГК. Согласно этому мнению устанавливается не предусмотренная законом солидарная ответственность наследников по долгам наследодателя в пределах полученной ими наследственной доли. Это мнение противоречит действительному содержанию ст. 434 ГК.

Автор особо останавливается на исках о наследстве. Под этими исками В. И. Серебровский понимает иски по поводу всего наследства или наследственной доли, предъявляемые к лицам, незаконно владеющим наследственным имуществом или долей последнего. «Наследственный иск, — полагает автор, — всегда иск универсальный» (стр. 228). «При иске о наследстве спор не должен выходить за пределы наследственных правоотношений. Если же ответчик ссылается на то, что он приобрел данную вещь от наследодателя по какой-либо сделке (купле, продаже, дарению и т. д.), нет места для иска о наследстве».

Эти положения вызывают ряд сомнений. Прежде всего, сомнительно утверждение, что наследственный иск всегда универсальный. Если универсальность — обязательный признак этого рода исков, то будет ли считаться иском о наследстве иск, предъявленный к лицу, считающему себя наследником и владеющему долей, являющейся единственным объектом, оставленным умершим? Если предъявлен иск о наследстве, как об имущественном комплексе, то каким образом этот характер иска может измениться вследствие возражения ответчика,

ссылающегося на то, что какой-либо один из объектов, входящих в состав этого комплекса, он приобрел от наследодателя по договору купли-продажи или дарения? Или же в этом случае иск теряет свой характер иска о наследстве только в части (в части права на объект, по поводу которого ответчик сослался на договор с наследодателем), а в остальной части иск сохраняет свой прежний характер? Что происходит с этой изменившейся частью иска, — выделяется ли она в особое производство или же суд продолжает рассмотрение этого дела и именно как одного дела?

В связи с этим возникает главный вопрос: каково практическое значение конструкции иска о наследстве? Ведь не следует забывать, что, предъявляя иск о наследстве как об имущественном комплексе, истец не освобождается от необходимости точно перечислить все объекты, входящие в состав наследственной массы (или ее доли), находящейся у ответчика. Не сделав этого и добившись даже (что весьма сомнительно) от суда благоприятного, но без такого перечисления, признания своих наследственных прав, истец в действительности ничего реального не получит: он будет лишен возможности привести такое решение в исполнение. Конструкция эта может иметь практическое значение только в тех весьма редких случаях, когда ответчик, не оспаривая состава наследственной массы, спорит только против права наследования истца. Истец освобождается в этих редких случаях от доказательства того, что именно входит в состав наследственной массы (или ее доли). Не зная, однако, заранее, будет ли ответчик оспаривать иск только по праву, истец все же должен, предъявляя иск, указать, на какие именно объекты он, истец, претендует. Он должен перечислить в своем исковом заявлении все объекты, входящие в состав наследственной массы, и иметь доказательства права собственности умершего на каждый из объектов. Не исключается возможность, что в доказательство наличия этого права собственности наследнику придется сослаться на договоры, заключенные наследодателем, равно как возможно, что, оспаривая принадлежность того или иного объекта к составу наслед-

ственной массы, ответчик будет ссылаться на договоры, заключенные им с наследодателем.

С этой точки зрения, практическое значение конструкции «иска о наследстве» весьма ограничено. А между тем эта конструкция автора толкает его к неправильным положениям: автор утверждает, что «истец может требовать выдачи не только предметов, входящих в состав имущества наследодателя, но и тех ценностей, которые были приобретены ответчиком за счет имущества наследодателя» (стр. 228). Мы уже не говорим о том, что при ссылке — истца или ответчика, безразлично, — на такую имевшую место замену посредством купли-продажи одних объектов другими иск наследника согласно приведенным соображениям автора утратит характер иска о наследстве. Более важно то, что, если ответчик «приобрел какие-либо ценности за счет имущества наследодателя», требовать эти до иска приобретенные ответчиком предметы истец не имеет никакого права: эти объекты принадлежат на праве собственности ответчику. Истец имеет право только на одно: в случае признания за ним права на наследство (или на долю последнего), он имеет право только на эквивалент, на предоставление ему стоимости предмета, входившего в состав имущества наследодателя и ответчиком отчужденного, хотя бы и безвозмездно. Такое право «на деньги, вырученные от продажи дома, принадлежавшего наследодателю», признает за истцом и сам автор, но это право он приводит в качестве возможного примера (он и выражает это словом «например») права на ценности, «которые были приобретены ответчиком за счет имущества наследодателя». В такой общей форме положение автора неправильно.

Приведенные разногласия наши с некоторыми высказанными автором соображениями, большая часть которых имеет дискуссионный характер, не колеблют общей оценки монографии В. И. Серебровского как полезного пособия при изучении советского наследственного права.

Н. Райгородский

Доктор юридических наук

ИЗ ПРАКТИКИ ПРОКУРАТУРЫ СССР ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОННОСТИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

По делам о возмещении вреда личности суд обязан точно установить средний заработок потерпевшего до несчастного случая

В декабре 1951 года Жеринкова Т. И. предъявила в суд иск к Белоусовскому рудоуправлению о возмещении вреда в связи со смертью ее мужа Яицкого, последовавшей в результате происшедшего с ним 7 января 1951 г. несчастного случая. В заявлении указывалось, что на иждивении мужа находились пятеро детей и истица, а средний заработок мужа составлял 2788 руб. Пенсия на детей выплачивается в размере 840 руб. в месяц. Восточно-Казахстанский областной суд 17 мая 1952 г. постановил иск удовлетворить в размере 1438 р. 18 к. ежемесячно до достижения совершеннолетия детьми. Верховный суд Казахской ССР 4 июля 1952 г. изменил решение областного суда, положив в основу расчета исковых требований справку ответчика о том, что Яицкий за проработанное у ответчика время с ноября 1950 года по январь 1951 года имел заработок 3885 руб., и, исходя из этой справки, принял средний заработок истца в месяц в сумме 2000 руб.

Считая, что суд не проверил, какой в действительности средний заработок имел Яицкий до несчастного случая, Генеральный Прокурор СССР принес протест в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР и просил передать дело на новое рассмотрение.

Согласившись с протестом, Судебная коллегия указала, что в деле имеются противоречивые сведения о заработной плате Яицкого за время, которое он работал у ответчика. Так в справке Белоусовского рудоуправления от 12 декабря 1951 г. указано, что заработок Яицкого составлял 5467 руб., а в справке этого же управления, приобщенной к кассационной жалобе, указано, что заработок Яицкого был равен 3985 руб. Из заключения же бухгалтера-эксперта, которое приобщено к делу по требованию прокуратуры, видно, что справка от 12 декабря 1951 г. о заработной плате Яицкого в сумме 5467 руб. является правильной. Однако это заключение не было предметом оценки суда.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отменила решение Восточно-Казахстанского областного суда и определение Верховного суда Казахской ССР и передала дело на новое рассмотрение.

Указание в приговоре суда конкретного определенного имущества, подлежащего конфискации, не преграждает третьим лицам возможности доказывать в исковом порядке свои права собственности на это имущество

Оруджева М. Х. по приговору народного суда была осуждена по ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» к двенадцати годам заключения в исправительно-трудовой лагерь с конфискацией лично ей принадлежащего имущества, в связи с чем в квартире Оруджевой была произведена опись имущества. Муж осужденной Оруджев А. О. и ее дочь Оруджева Г. А. обратились в суд с иском об исключении из описи трех сберегательных книжек на сумму 39 тыс. руб., мебели, состоящей из двух гарнитуров, двух ковров, пианино, и другого имущества. Народный суд 2-го участка Дзержинского района г. Баку решением от 2 октября 1953 г. удовлетворил иск Оруджевых. Верховный суд Азербайджанской ССР определением от 16 ноября 1953 г. отменил решение народного суда о возврате истцам трех сберегательных книжек и прекратил дело в этой части, в остальной же части отменил решение и передал дело на новое рассмотрение.

Протест Генерального Прокурора СССР об отмене определения Верховного суда Азербайджанской ССР в части прекращения дела удовлетворен Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда СССР по следующим основаниям.

Отменяя решение народного суда в части исключения из описи трех сберегательных книжек на имя Оруджева А. О. и прекращая в этой части дела, судебная коллегия Верховного суда Азербайджанской ССР указала, что денежные вклады на сумму 39 тыс. руб. конфискованы по приговору суда и обращены в доход государства, а поэтому суд не вправе ревизовать или обсуждать приговор суда. Однако эти выводы судебной коллегии нельзя признать правильными. Пленум Верховного суда СССР в постановлении № 7 от 29 сентября 1953 г. обратил внимание судов, что указание в приговоре конкретно определенного имущества, подлежащего конфискации, не преграждает третьим лицам возможности доказывать в исковом порядке свое право собственности на это имущество и что суды должны принимать к своему рассмотрению такие иски. Иски третьих лиц об освобождении имущества из описи являются исками о праве собственности. Споры этих лиц

с организациями, которым передается конфискованное имущество, являются спорами о праве гражданском и в силу ст. 2 ГК подлежат разрешению в судебных органах. Закон не делает никаких исключений из случаев, когда опись произведена в исполнение приговора суда по уголовному делу.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отменила определение Верховного суда Азербайджанской ССР в части прекращения дела и передала дело в этой части на новое рассмотрение в народный суд 3-го участка Дзержинского района г. Баку.

Сам по себе факт конфискации дома не является основанием для выселения лиц, поселившихся в этом доме на законных основаниях

Решением народного суда 3-го участка Октябрьского района г. Киева от 29 июня 1953 г. удовлетворен иск районного жилищного управления о выселении Рудешко А. И. Определением Киевского областного суда от 10 августа 1953 г. решение суда оставлено в силе. Иск о выселении Рудешко был предъявлен жилищным управлением по тем основаниям, что он проживает в той части домостроения, которая была конфискована приговором суда в связи с осуждением отца Рудешко к длительному сроку лишения свободы.

Считая, что дело разрешено неправильно, Генеральный Прокурор СССР в своем протесте указал, что народный суд, удовлетворяя искомое требование о выселении ответчика, не учел, что изъятие дома у собственника в случае конфискации не лишает членов семьи осужденного и других лиц права проживать в доме в качестве нанимателей и пользоваться жилой площадью в пределах жилищных норм. Выселение членов семьи и других лиц из занимаемой ими в доме жилой площади может иметь место лишь на общих законных основаниях. Это подтверждается п. 10 постановления Пленума Верховного суда СССР от 29 сентября 1953 г. «О судебной практике по применению конфискации имущества».

Согласившись с протестом, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отменила решение народного суда и определение областного суда и отказала в иске районному жилищному управлению о выселении Рудешко А. И.

В случае вступления матери в брак с лицом, от которого она родила ребенка и которое признает себя отцом ребенка, ребенок во всех отношениях приравнивается к детям, родившимся в зарегистрированном браке

Народный суд 1-го участка Пролетарского района г. Фрунзе решением от 27 января 1953 г. отказал Кобзевой в иске об алиментах с Кобзева по тем основаниям, что ребенок родился у истицы 23 июня

1951 г. и в свидетельстве о рождении ребенка ответчик не записан его отцом, брак же между сторонами зарегистрирован только в декабре 1952 года. Определениями судебных коллегий Фрунзенского областного суда и Верховного суда Киргизской ССР это решение народного суда оставлено в силе.

Протест Генерального Прокурора СССР о пересмотре дела удовлетворен Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда СССР по следующим основаниям.

Из материалов дела видно, что стороны проживали совместно с 1950 года, однако их брак в 1950 году зарегистрирован не был, так как Кобзева к этому времени еще не достигла совершеннолетия. В июне 1951 года у Кобзевой родился ребенок, а позднее, в декабре 1952 года, брак сторон был зарегистрирован в органах загса, причем при регистрации брака стороны указали, что у них имеется общий ребенок. Отказывая в иске, суд не учел этих обстоятельств, неосновательно считая, что истица не имеет права требовать с ответчика уплаты алиментов на ребенка, поскольку в свидетельстве о рождении ребенка не указано, что ответчик является его отцом. Согласно ст. 28 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР при вступлении матери в зарегистрированный брак с лицом, от которого она ранее родила ребенка и которое признает себя отцом ребенка, ребенок приравнивается во всех отношениях к детям, родившимся в зарегистрированном браке. Как указано выше, при регистрации брака сторонами было подтверждено, что они имеют общего ребенка, о чем в графе сведений о детях произведена соответствующая запись. При наличии этой записи следующие объяснения ответчика о том, что он якобы не является отцом ребенка, родившегося у истицы, не заслуживают внимания. При разрешении дела нельзя не учитывать и того обстоятельства, что, начав с ответчиком в 1950 году совместную жизнь, истица не достигла совершеннолетия и их брак по этой причине не мог быть зарегистрирован до рождения ребенка.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отменила решение народного суда и последующие судебные определения и передала дело на новое рассмотрение в областной суд по первой инстанции.

Перемена места жительства одним из супругов не создает для другого супруга обязанности следовать за ним

Прокурор Бауманского района Москвы в порядке ст. 2 ГК предъявил иск к Метьюллер М. И. о лишении права на жилую площадь в размере 27,12 кв. м и к Науменко А. И. о выселении и признании недействительным брака, заключенного Метьюллер и Науменко. Народный суд 1-го участка Бауманского района Москвы решением от 29 июня 1953 г. удовлетворил иск про-

курора. Это решение народным судом было принято по тем основаниям, что Метмюллер вступила в зарегистрированный брак с Науменко лишь с целью переуступки последнему своей жилой площади, поскольку же Метмюллер, вступая в брак с Науменко, не имела целью создать семью, этот брак как фиктивный должен быть признан недействительным. Так как Метмюллер с площади выбыла, суд постановил выселить временных жильцов Науменко.

На решение народного суда Генеральный Прокурор СССР внес протест в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР.

Удовлетворяя протест, Судебная коллегия указала, что Науменко и Метмюллер, зарегистрировав в сентябре 1947 года брак, проживали на площади Метмюллер как супруги. Наличие семейных отношений Науменко и Метмюллер было подтверждено в судебном заседании показаниями ряда свидетелей. В связи с изложенным Судебная коллегия правильно признала, что то обстоятельство, что Науменко и Метмюллер живут и работают в настоящее время в разных городах, не может служить основанием для признания их брака недействительным. Поскольку в силу ст. 9 Кодекса законов о браке, семье и опеке оба супруга пользуются свободой выбора занятий и профессий, перемена места жительства одного из супругов не создает для другого супруга обязанности следовать за ним. Судебная коллегия Верховного суда РСФСР указала, что при изложенных обстоятельствах у суда не было оснований признать недействительным брак между Науменко и Метмюллер, а также выносить решение о выселении по мотивам временного проживания. При новом рассмотрении дела, выслушав показания сторон и свидетелей, народный суд 2-го участка Бауманского района Москвы решением от 23 ноября 1953 г. в иске прокурору отказал. Однако, рассмотрев дело по кассационной жалобе районного жилищного отдела, Московский городской суд определением от 24 декабря 1953 г. отменил решение народного суда и определил передать дело на новое рассмотрение на том основании, что якобы народный суд не установил, не был ли заключен брак между Метмюллер и Науменко в целях переуступки площади, между тем это обстоятельство дважды проверялось в судебном заседании и своего подтверждения не нашло.

Поскольку у Московского городского суда не было оснований ставить вопрос о новой проверке дела, Генеральный Прокурор СССР внес протест на определение Московского городского суда в судебную коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР.

Согласившись с протестом, судебная коллегия отменила определение Московского городского суда, оставив в силе решение народного суда от 23 ноября 1953 г.

Вселение граждан на общую жилую площадь может иметь место лишь при наличии письменного согласия всех постоянных пользователей жилой площади

В феврале 1953 года Кострова В. Ф. предъявила в суде иск к Молчанову Г. Д. о признании за ней права на часть жилой площади, съемщиком которой (комната 11 кв. м) является ответчик, с которым она проживала ранее в незарегистрированном браке и у которого проживает их общий ребенок. Народный суд 7-го участка Дзержинского района Ленинграда постановил признать за дочерью истицы Ириной, рождения 1950 года право на жилую площадь в размере 5,8 кв. м и вселить на эту площадь истицу. Ленинградский городской суд отменил решение народного суда и передал дело на новое рассмотрение, признав, что решение народного суда о вселении истицы на площадь не основано на законе. К тому же Мельцер, которая является равноправным с Молчановым съемщиком комнаты, возражает против вселения в комнату истицы. Верховный суд РСФСР 9 сентября 1953 г. отменил определение Ленинградского городского суда и оставил в силе решение народного суда.

По протесту Генерального Прокурора СССР дело было рассмотрено в порядке надзора в Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР.

Согласившись с протестом, Судебная коллегия указала, что дочь ответчика, усыновленная им, будучи малолетней, полностью состоит на иждивении Молчанова и ее права на площадь никем не нарушены, в связи с чем нет основания и права требовать, чтобы на ребенка была выделена жилая площадь. В соответствии с инструкцией НККХ и НКЮ РСФСР от 27 января 1934 г. вселение граждан на общую площадь может иметь место лишь при наличии письменного согласия всех постоянных пользователей жилой площади, Молчанов же и Мельцер категорически возражают против вселения истицы в общую комнату. При этих обстоятельствах следует признать, что Ленинградский городской суд правильно отменил решение народного суда.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отменила определение Верховного суда РСФСР от 9 сентября 1953 г. и направила дело в соответствии с определением Ленинградского городского суда на новое рассмотрение в народный суд.

Материальная ответственность за причинение ущерба наступает лишь при наличии вины причинившего ущерб

Буйницкий Н. Д. работал в районной конторе «Заготскот» старшим рабочим. В октябре 1951 года ему, Биленко и Павлоку было поручено доставить скот с Изъяславской конторы на Шепетовский мясокомбинат. Скот в количестве тридцати

голов был доставлен на мясокомбинат в тот же день, но на мясокомбинате скот не был принят, потому что его упитанность была ниже той, которая была указана в гуртовой (весовой) ведомости. Впоследствии Изъяславская районная контора «Заготскот» предъявила иск к Буйницкому, Биленко и Павлюку о 3976 руб. за утерю веса скота. Решением народного суда Изъяславского района этот иск был удовлетворен. Определением Каменец-Подольского областного суда решение суда оставлено в силе.

По протесту Генерального Прокурора СССР дело было рассмотрено в порядке надзора в судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Украинской ССР.

Соглашаясь с протестом, судебная коллегия указала на то, что народный суд, обязывая Буйницкого к уплате стоимости недостачи веса, сослался на то, что он не обеспечил скота кормами. Однако это соображение является неубедительным, ибо районная контора не предоставила корма для скота, и ставить это в вину Буйницкому нет никаких оснований. Кроме того, по делу установлено, что скот не был принят мясокомбинатом в день доставки его, через семь-восемь часов после перегона, так что потеря веса скота в пути следования маловероятна. По объяснению Буйницкого, он не участвовал в перевеске скота, а принял скот по весу, указанному в ведомости, составленной заведующим базой. Кроме того, суд, возлагая на Буйницкого полную материальную ответственность независимо от наличия или отсутствия вины Буйницкого в потере веса скота, не указал закон, каким он руководствовался, упустив из виду, что ответственность рабочих и служащих за причиненный ими ущерб строго регламентирована ст.ст. 83—83^б Кодекса законов о труде в зависимости от обстоятельств дела.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Украинской ССР отменила решение народного суда и определение областного суда, передав дело на новое рассмотрение.

Неправильное применение п. 14 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 февраля 1940 г.

Жилищный отдел исполнительного комитета Железнодорожного районного Совета предъявил иск к Мосягиной о выселении из комнаты размером 13 кв. м по Каланчевской ул., дом 19, кв. 1 в Москве. Основным съемщиком этой площади была Новикова П. А., умершая в октябре 1952 года, совместно с которой проживала ответчица Мосягина. Считая ее временным жильцом, жилищный отдел требовал выселения ее. Не признавая предъявленного к ней иска, Мосягина предъявила встречный иск, в котором просила закрепить за ней спорную комнату как за постоянным

пользователем. В обоснование своего иска Мосягина указывала, что она в спорной комнате проживает с малых лет, что первое время она находилась на иждивении Новиковой, а потом, наоборот, Новикова находилась на ее, Мосягиной, иждивении. Считая себя членом семьи умершей Новиковой, Мосягина оспаривала требование жилищного отдела о выселении и просила закрепить за ней занимаемую жилую площадь. Народный суд 2-го участка Железнодорожного района Москвы решением от 11 февраля 1953 г. удовлетворил иск жилищного отдела о выселении Мосягиной, а в ее встречном иске отказал. Московский городской суд оставил в силе решение народного суда. Верховный суд РСФСР отклонил протест Прокурора РСФСР.

Считая все состоявшиеся решения и определения неправильными, Генеральный Прокурор СССР опротестовал их в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР.

Соглашаясь с протестом, Судебная коллегия признала, что обстоятельства по делу с достаточной полнотой судом не исследованы, ввиду чего удовлетворение иска жилищного отдела о выселении Мосягиной является необоснованным. Ответчица утверждает, что она вселилась на спорную площадь с трехлетнего возраста, в 1929 году, и до 1937 года проживала на этой площади со своей тетей Мосягиной, которая до своей смерти ее, ответчицу, воспитывала. После смерти Мосягиной принадлежавшая ей комната была предоставлена Новиковой, взявшей ответчицу на свое воспитание, причем ответчица указывает, что она с Новиковой проживала одной семьей до ее смерти, последовавшей в октябре 1952 года. Все эти обстоятельства требовали от суда тщательной проверки, так как если доводы ответчицы соответствуют действительности, то решение суда об ее выселении нельзя признать справедливым. Указание же в решении на то, что Мосягина со спорной площади выбывала в связи с ее осуждением к лишению свободы и последний раз вселилась на эту площадь лишь в 1951 году, не может иметь решающего значения с учетом указанных обстоятельств. Если будет установлено, что после освобождения из места лишения свободы в 1951 году Мосягина поселилась на спорную жилую площадь как член семьи Новиковой, которая этому не препятствовала, то последовавшая затем смерть основного съемщика не может устранить права на жилую площадь ответчицы как постоянного пользователя данной площади. Таким образом, выводы всех судебных инстанций, рассматривавших дело, о том, что Мосягина утратила право на жилую площадь в силу п. 14 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г., неубедительны, поскольку в связи с осуждением ответчицы к лишению свободы жилая площадь, на которой она проживала, оставалась в поль-

зовании других членов семьи, с согласия которых она обратно вселилась после отбытия наказания, восстановив таким образом и свое право на эту площадь как постоянный пользователь.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отменила все решения и определения по делу Мосягиной, передав его на новое рассмотрение в Московский городской суд по первой инстанции.

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Обвинение в хищении государственного или общественного имущества может иметь место лишь при наличии прямого умысла

По приговору народного суда 2-го участка Бауманского района Москвы от 5 января 1953 г. по ст. 1 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» осужден Иванов А. А. со взысканием с него в пользу 2-го троллейбусного парка 934 р. 74 к. Определением Московского городского суда от 15 января 1952 г. приговор оставлен в силе. Иванов признан виновным в том, что он 20 сентября 1952 г. в 23 ч. 30 м. с целью хищения обрезал в троллейбусе № 1313 с трех двухместных сидений текстовинит стоимостью 234 р. 38 к., с которым был задержан. Кроме того, Иванов повредил обивку четырех спинок сидений, причинив тем самым материальный ущерб 2-му троллейбусному парку на сумму 639 руб. Всего им причинен ущерб парку в сумме 934 руб.

Генеральный Прокурор СССР опротестовал приговор и определение по следующим основаниям.

Материалами дела установлено, что Иванов на месте совершения преступления был задержан в нетрезвом состоянии; вырезанный им текстовинит никакой ценности не представляет, так как порезан небольшими зигзагообразными кусками, непригодным к использованию. Допрошенные свидетели — Сторыгин, Маркова и Бишейкина не указывали на то, что действия Иванова были направлены на хищение текстовинита. При таком положении вывод суда о квалификации преступления Иванова по ст. 1 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» является неправильным. Действия Иванова должны расцениваться как хулиганские, за что он подлежит наказанию в пределах санкции ст. 74, ч. 1, УК РСФСР.

Верховный суд РСФСР согласился с доводами протеста, изменил приговор народного суда и определение Московского городского суда, переквалифицировал преступление Иванова на ст. 74, ч. 1, УК и определил ему наказание в соответствии с санкцией этой статьи.

По приговору народного суда 3-го участка Центрального района г. Николаева от 5 октября 1953 г. осуждена по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» с поражением в избирательных правах на три года и со взысканием в пользу государства 17 944 руб. Кононова М. С. Николаевский областной суд оставил в силе приговор, сократив срок наказания Кононовой наполовину в соответствии с указом «Об амнистии». Кононова осуждена за то, что она после смерти ее мужа в 1939 году в марте того же года оформила пенсию на сына, родившегося в 1937 году, через органы Министерства социального обеспечения. Затем, узнав, что она имеет право получить пенсию на сына от органов МВД, в которых ее муж служил на протяжении ряда лет, Кононова оформила получение пенсии на сына и через органы МВД, скрыв от последних получение ею пенсии от органов социального обеспечения. Таким образом, получая две пенсии, Кононова к началу 1953 года переполучила от государства 17 944 руб.

Генеральный Прокурор СССР опротестовал приговор и определение по этому делу по следующим основаниям.

В материалах дела нет никаких доказательств того, что Кононова представила в органы социального обеспечения или органы МВД фиктивные документы или иным обманным путем добилась незаконного получения пенсии. Документально установлено, что она начала получать пенсию раньше через органы социального обеспечения, затем обратилась с заявлением в органы МВД, где ранее служил ее покойный муж. Ответ органов МВД СССР на письма и заявление Кононовой изложен так, что мог ввести ее в заблуждение. С 1939 года по октябрь 1946 года Кононова получала пенсию в органах социального обеспечения в разное время в размере сначала 105 руб., а затем 70 р. 50 к. в месяц. А как видно из копии письма органов НКВД от 3 марта 1940 г., Кононова была предупреждена, что ей будет отказано в назначении пенсии от НКВД, если она имеет право на пенсию по социальному обеспечению более 110 руб в месяц. Так как Кононова в то время получала пенсию менее 110 руб. в месяц, она могла добиваться получения пенсии от НКВД, считая это законным. Таким образом, при отсутствии доказательств того, что Кононова оперировала фиктивными документами и добивалась получения второй пенсии путем обмана должностных лиц, следует считать, что в действиях Кононовой отсутствует состав преступления.

Верховный суд СССР согласился с протестом, отменил приговор народного суда и определение областного суда и прекратил дело за отсутствием в действиях Кононовой состава преступления.

Вынося обвинительный приговор, суд обязан мотивировать, по каким основаниям он отвергает доказательства, исключющие виновность подсудимого

По приговору народного суда Боуского района Латвийской ССР от 17 мая 1953 г. осужден по ст. 4 указа от 4 июля 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» Раткус Я. М. Суд постановил о взыскании с осужденного в пользу колхоза имени Калинина ущерба в сумме 12 000 руб. Раткус признан виновным в том, что он, будучи конюхом колхоза, 22 марта 1952 г. похитил племенного жеребца, принадлежащего колхозу. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Латвийской ССР от 4 июня 1952 г. приговор оставлен в силе.

Генеральный Прокурор СССР опротестовал приговор и определение по делу по следующим основаниям.

Обвинение Раткуса в хищении лошади народный суд основал на том, что Раткус 22 марта 1952 г. самовольно выехал на племенном жеребце по своим личным делам на ст. Биржай, после чего не вернул жеребца в колхоз. Раткус объяснил, что 22 марта он действительно отвезил на ст. Биржай свою родственницу. Жеребец исчез в то время, когда Раткус находился в станционном буфете. Эти показания осужденного Раткуса подтверждены показаниями свидетелей Татарской и Балтрунойте. Суд ничем не мотивировал, почему он отвергает эти доказательства, исключющие виновность Раткуса в хищении жеребца. К тому же в деле имеется подтверждение Биржайского районного отделения милиции о том, что Раткус заявил об исчезновении жеребца. При этих условиях осуждение Раткуса по ст. 4 указа от 4 июля 1947 г. является необоснованным, вопрос же о возмещении причиненного колхозу ущерба подлежит разрешению в порядке гражданского судопроизводства.

Верховный суд СССР согласился с доводами протеста, отменил приговор и определение по этому делу и прекратил дело.

Неправильный вывод суда об отсутствии причинной связи между несчастным случаем и бездействием лица, ответственного за технику безопасности, привел к вынесению необоснованного оправдательного приговора

По приговору народного суда Снигиревского района Николаевской области от 31 июля 1953 г. оправдан за отсутствием состава преступления Артамонов С. В., привлеченный к судебной ответственности по ст.ст. 97 и 121, ч. 3, УК УССР, за то, что он, работая производителем работ Николаевской «Облстроймонтажконторы», злоупотреблял служебным положением и нарушал законы об охране труда. Вопреки правилам безопасности для открытых горных работ, утвержденным Государственной горно-технической инспекцией 10 ноября 1948 г., Артамонов, не осмотрев песчаного карьера возле села Баратовки Снигиревского района, 8 мая 1953 г. направил туда для добычи песка рабочих, где вследствие несоблюдения правил техники безопасности произошел обвал, от которого пострадали двое рабочих.

Генеральный Прокурор СССР опротестовал приговор по следующим основаниям.

Суд мотивировал оправдательный приговор тем, что между бездействием Артамонова и несчастным случаем с рабочими отсутствует причинная связь. Однако это утверждение суда противоречит материалам дела. Из заключения технической экспертизы, а также из показаний инженера по технике безопасности Бондаря видно, что Артамонов в соответствии с правилами безопасности для открытых горных работ обязан был сам осмотреть состояние забоя на карьере и поставить рабочих в безопасное для работы место. Не сделав этого, он грубо нарушил указанные правила, что повлекло за собой несчастный случай с рабочими. Если бы не бездействие Артамонова, то несчастный случай был бы предотвращен. Таким образом, причинная связь между бездействием Артамонова и наступившим последствием — несчастным случаем имеется. Следовательно, суд неосновательно оправдал Артамонова.

Верховный суд Украинской ССР согласился с доводами протеста, отменил приговор и направил дело на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства.

ПОПРАВКИ

В № 2 журнала «Социалистическая законность», на стр. 91, в левой колонке, строки 28—21 снизу следует читать: «Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отменила решение народного суда от 30 декабря 1952 г. и определение Верховного суда Армянской ССР от 13 ноября 1952 г., а решение народного суда 3-го участка Молотовского района г. Еревана от 22 августа 1952 г. оставила в силе».

В том же номере, на стр. 90, в левой колонке, строки 15—16 сверху следует читать: «Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР...».

В том же номере, на стр. 59, в левой колонке, строки 10—11 снизу следует читать: «...по требованию прокурора, но прокурор может ознакомиться с ними в суде».

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
А. Волин — За дальнейшее укрепление законности в судебной деятельности . . .	1
А. Рубичев — Повысить уровень работы судов и органов юстиции	15
✓ Н. Полянский — Вопросы уголовного процесса в связи с проектом УПК СССР . . .	25
А. Ликас — Задачи суда в борьбе за качество промышленной продукции	33
А. Зайкин — Судебная практика по делам о взыскании премиального вознаграждения	37
Л. Майданик — Неразрешенные вопросы по искам из причинения вреда здоровью	43
Э. Куцова — Определение вышестоящего суда	46

В ПОМОЩЬ НАРОДНОМУ СУДЬЕ

Б. Лисковец — Договор государственной закупки	51
---	----

В ПОМОЩЬ ПРОКУРОРУ И СЛЕДОВАТЕЛЮ

Г. Карнович — Недостатки в расследовании хищений государственного и общественного имущества	54
---	----

Трибуна Читателя

А. Завгородненко — Изжить бюрократические методы руководства работой прокуратуры района	60
Г. Зизякин — Совершенствовать работу органов прокуратуры	62
А. Колотов — Освободить прокурора от канцелярщины	64
Е. Дубков — За четкость постановлений Пленума Верховного суда СССР	65
С. Герасимов — Покончить с бюрократизмом и волокитой в народном суде	67
Ю. Волков — Порочная практика прокуратуры Калининской области	68
Чулимков — Инструкция о порядке исполнения судебных решений не обеспечивает возмещения ущерба от растрат и хищений государственного и общественного имущества	69

ОБМЕН ОПЫТОМ

П. Бочилло — Помочь районной прокуратуре в надзоре за выполнением законов о животноводстве	71
И. Сирота — Надзор за соблюдением закона о сельскохозяйственном налоге	72
Н. Бакулин — Народные судьи Калининской области тт. Русакова и Лукин	74
В. Зубанов — Учебный семинар следователей Ивановской области	76

ПО СЛЕДАМ ЗАМЕТОК И ПИСЕМ	79
-------------------------------------	----

ЗА РУБЕЖОМ

С. Зивс — Уголовное законодательство США — орудие наступления на права трудящихся	82
---	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Н. Райгородский — В. И. Серебровский, Очерки советского наследственного права	86
---	----

ИЗ ПРАКТИКИ ПРОКУРАТУРЫ СССР ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОННОСТИ	90
--	----

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор С. А. Бордонов,
С. В. Бакшеев, А. Ф. Волчков, С. И. Зайцев,
С. П. Митричев, В. С. Тадевосян

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Пушкинская, 15а. Тел. К 6-83-06.
Издатель: ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, Ж-4, Товарищеский пер., 19.

Технический редактор *Е. Н. Косарева*

Сдано в набор 6/V 1954 г. Подписано к печати 5/VI 1954 г.
Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Объем: физ. печ. л. 6; условн. печ. л. 8,22; учетно-изд. л. 10,08.
Заказ № 878. Тираж 39050 экз. А-01869. Цена 3 руб.

13-я журнальная типография Союзполиграфпрома Главиздата
Министерства культуры СССР. Москва, Гарднеровский пер., 1а.